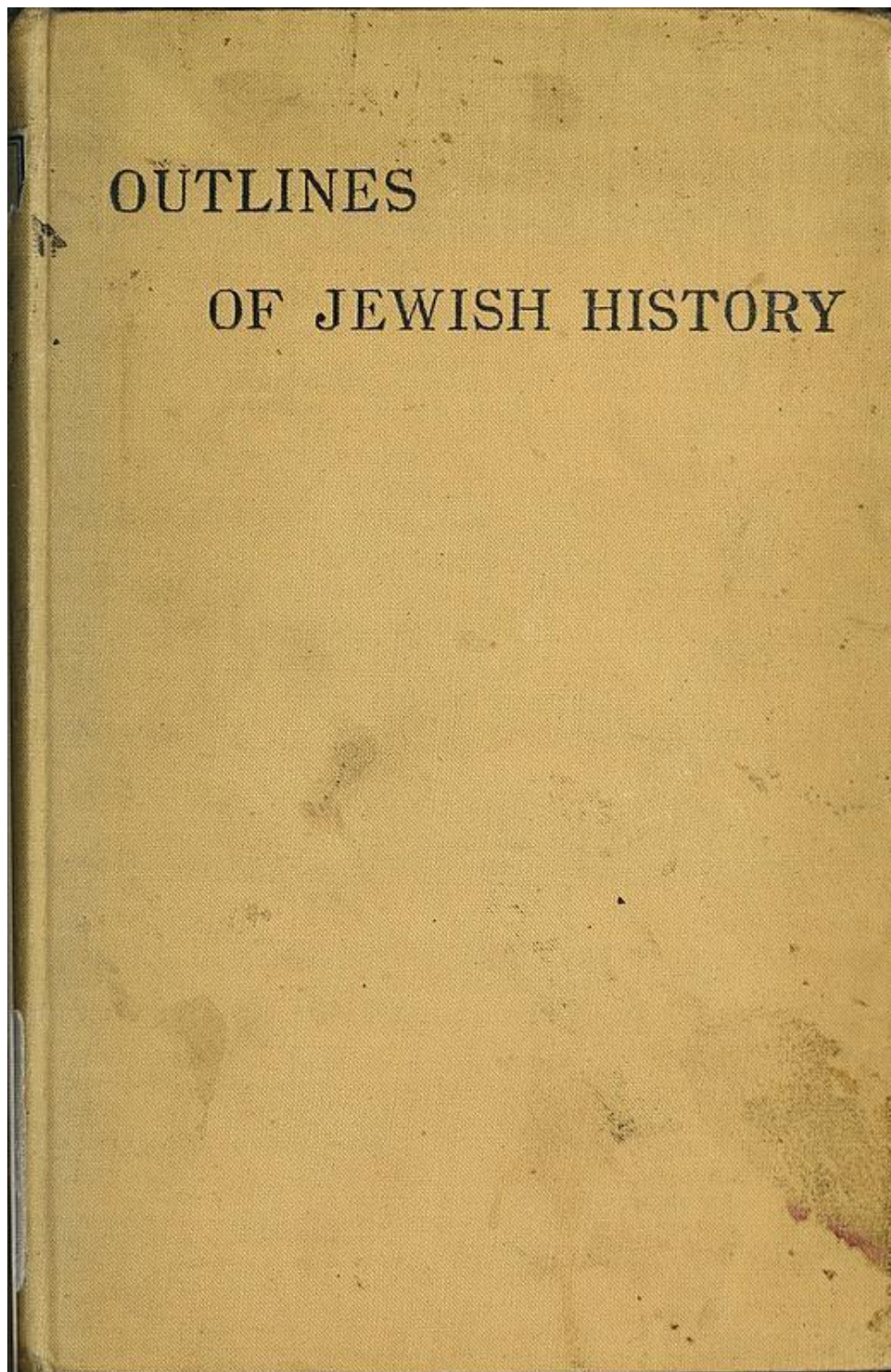

Очерки еврейской истории с 586 г. до н. э. по 1885 г. н. э.

Леди Кэти Магнус

Электронная книга проекта "Гутенберг", содержащая очерки еврейской истории с 586 г. до н. э. по 1885 г. н.э.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: очерки еврейской истории с 586 г. до н.э. по 1885 г. н.э.

Автор: Леди Кэти Магнус

Editor: M. Friedländer

Дата выхода: 16 сентября 2018 [Электронная книга №57911]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Ричардом Халсом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ОЧЕРКИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ С 586 г. До н.э. По 1885 г. н.э. ***

Электронный текст подготовлен Ричардом Халсом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив. Видеть <https://archive.org/details/outlinesofjewish00magn>

Примечание переписчика

Большинство сокращений были расширены во всплывающих подсказках для программ чтения с экрана, и их можно увидеть, наведя курсор на аббревиатуру.

Сноски обозначаются в тексте надстрочным знаком и суммируются в таблице в конце текста.

Примечания переписчика используются при внесении исправлений в текст или для предоставления дополнительной информации современному читателю. Эти примечания сведены в таблицу в конце книги и обозначены в тексте пунктирным подчеркиванием. Наведите курсор на подчеркнутый текст, чтобы увидеть исправление.

Очерки еврейской истории

НЕКОТОРЫЕ СООБЩЕНИЯ В ПРЕССЕ О ЕВРЕЯХ С БИБЛЕЙСКИХ ВРЕМЕН.

АВТОР ТОТ ЖЕ.

"Ее история поражает нас совершенно исключительным чувством правдивости и справедливости". — АКАДЕМИЯ.

"Очень читаемый и популярный рассказ о большинстве вещей, которые следует знать об избранных людях в их дальнейшем развитии". — СУББОТНЕЕ ОБОЗРЕНИЕ.

"Результат тщательного изучения, написано искренне и сдержанно". — PALL MALL GAZETTE.

- Образец трезвой лаконичности.... Эта свежесть усиливает удовольствие, с которым, несомненно, будет прочитана эта полезная и поучительная книга'. —ГРАФИКА.

"Книга, которая должна завоевать заслуженную популярность". — ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

‘Добросовестно написано и содержит много информации. Несколько отрывков особенно хороши". —МИР.

"Красноречивое и блестящее произведение в своем роде". — GLASGOW HERALD.

‘Написано приятно и беспристрастно.... Мы искренне надеемся, что миссис МАГНУС осуществит свое намерение продолжить историю евреев до наших дней". — ЖУРНАЛ ОБРАЗОВАНИЯ.

‘Миссис МАГНУС ... пишет со значительной широтой. Ее главы полны интереса. Ее оценки еврейского характера и причин национальных устремлений и характеристик весьма наводят на размышления". — BRITISH QUARTERLY REVIEW.

‘Писательница никогда не бывает несправедливой, даже когда она рассказывает самые печальные истории о разграблении и горе. Ей удалось подойти к очень сложной теме с большей глубиной и точностью, которые являются атрибутами солидного писателя—историка". - ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ.

- Ясное, энергичное и в целом довольно беспристрастное повествование.... Взятые вместе... в совокупности образуют произведение, представляющее редкий интерес". —ШОТЛАНДЕЦ.

"Явный прирост общих знаний о евреях". —ЕВРЕЙСКИЙ МИР.

"Даже после всех выводов мы должны признать историю миссис МАГНУС выше всяких похвал, и мы верим, что она продолжит ее до наших дней". — ЕВРЕЙСКАЯ ХРОНИКА.

‘Надо отдать леди справедливость, она преуспела там, где даже декану МИЛМАНУ не удалось сделать еврейскую историю интересной для широкого читателя. Мы прочли ее от корки до корки с неослабевающим интересом". — ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИР.

"Так же интересно, как приключенческая книга или роман, и гораздо прибыльнее". — СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

ОЧЕРКИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

С 586 По 1885 год до н. э.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Покойный Джейкоб Абрахам Франклин завещал пяти попечителям сумму в пять тысяч фунтов стерлингов для продвижения определенных целей, связанных с продвижением иудаизма.

Одной из таких целей было издание религиозных трактатов и учебников.

Попечители, полагая, что настоящая работа соответствует взглядам доброжелательного Завещателя, берут на себя расходы по ее публикации.

ОЧЕРКИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

С 586 г. до н. э. По 1885 г. н. э.

С ТРЕМЯ КАРТАМИ

АВТОР КНИГИ "О ЕВРЕЯХ С БИБЛЕЙСКИХ ВРЕМЕН"

ОТРЕДАКТИРОВАНО М. ФРИДЛЕНДЕРОМ, доктором философии

ЛОНДОН

ЛОНГМАНС, ГРИН И КОМПАНИЯ

1886

Все права защищены

Ибо вы свидетели Мои, говорит Господь

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЭДВАРДА ДЖАНВЕРИНА ЭМАНУЭЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ЭТИ очерки еврейской истории являются результатом предложения, сделанного мне около двух лет назад администраторами Фонда Джейкоба Франклина, написать книгу, в которой была бы изложена история евреев с библейских времен до наших дней в форме, которая подходила бы для использования в школах и дома. Право ссылаться на доктора Фридлендера, ученого директора Еврейского колледжа, было одной из привилегий моей комиссии, и изложение ему всех моих сомнений и трудностей при принятии решения оказалось не только преимуществом для моей книги, но и удовольствием для меня.

Трудности, с которыми я столкнулся, пытаюсь сделать книгу достаточно простой для юных читателей, предполагают возможное наличие слабого места и побуждают меня предупредить критику, настаивая на том, что я, по крайней мере, был внимателен к этому пункту и терпеливо делал все, что в моих силах. Но столь сложная история и столь развитая цивилизация, как у евреев, не вполне поддаются совершенно простому обращению. ‘Они окрашивали свои тела растением под названием вада’ - это совершенно исчерпывающий, хотя и несколько банальный фрагмент истории, ‘адаптированный для использования в школах’, касающийся древних бриттов. ‘В своих школах они заложили основы Мишны’ было бы правильным современным утверждением о древних евреях, но оно вряд ли поддается столь удобной краткости и простоте стиля. Я могу только заявить, что я рассказал всю печальную, прекрасную, "героическую историю" моей расы с глубочайшим сочувствием; и я могу только надеяться, что мораль и смысл всего этого, которые мне так предельно ясны, могут просвечивать между строк.

КЭТИ МАГНУС.

Июль 1886 года.

ДАТЫ ГЛАВНЫХ СОБЫТИЙ И ГЛАВНЫХ ЛЮДЕЙ.

	До н. э.
возвращаются из Вавилонского	536
освящении Второго Храма	516
учреждение Пурим	473
Иудее под египетским правлением	320
Симон И., праведника; первосвященник	310
Септуагинта перевод, сделанный	240
Иудея завоевана Сирия	203
Антиоха IV., Эпифан, царь Сирии	175-163

учреждение Hapucah	164
Иудее независимое государство	141
Идумеи были покорены и вынуждены принять иудаизм	120
Иуда Аристокбул, первый еврейский царь	106
Гражданская война между братьями Гирканом II степени. и Аристокбул	70
Помпей в Иерусалиме	63
Ирод I. становится царем Иудеи	37
Гиллель I. президент Синедриона	30
Храм, восстановленный Иродом	20
	C.E.
Иудея - римская провинция	7
Происхождение христианской религии	37
Филон, еврейский философ из Александрии	40
Падение Иерусалима и разрушение Храма	70
Йоханан бен Заккай основывает колледж в Джамнии	70
Пятикнижие переведено Онкелосом на халдейский, а вся Библия - Акилосом на греческий	130
Евреи восстают под предводительством Баркохбы против римлян	133-135
Умирает Акиба	135
Сборник Мишны раввином Иудой ха-Наси	190
Колледжи, основанные в Вавилонии Рабом и Самуилом	219
Иерусалимский талмуд, составленный	320
Гиллелем II. устраняет еврейский календарь (в настоящее время используется)	360
Вавилонский Талмуд завершен	500
еврейское царство в Йемене	500
первом Гаон в Суре, Мар Исаака	658
происхождение гласных знаков и акцентов в иврите	650
арабы завоевывают Испанию	711
в Chazars принять иудаизм	740
развития Караизм	761
Саадия из Fajum, философ и богослов	892-942
Фонд колледжей по вавилонских ученых в западных странах	950
Хай, последний Gaonim	998-1038
Соломон Габироль	1037-1070
Раши (рабби Шломо Yitschaki)	1040-1105

начале Крестовых походов и преследований евреев в Европе	1096
Моисей ибн Эзра	1070- 1139
Иуды Ха-Леви	1085- 1145
Авраам ибн Эзра	1092- 1167
Моисей Маймонид,	1135- 1204
Вениамин из Туделы, путешественник	1165- 1173
преследования евреев в Англии при Ричарде I.	1189
трудах Маймонида сожжены в Париже	1233
Еврейского Парламента вызвал Генриха III.	1240
экземпляров Талмуда сожжены в Париже	1242
изгнание евреев из Англии	1290
Иакова Ашери завершает Религиозного кодекса называются четыре турим	1340
преследований евреев в Европе в результате "Черной Смерти"	1349
Дон Ицхак Абарбанель	1437- 1509
первых еврейских книг, напечатанных	1475
инквизиции против Marranos	1480
изгнание евреев из Испании	1492
изгнание евреев из Португалии -	1497
первое гетто в Венеции в	1516
Ройхлина для Талмуда, Pfefferkorn против	1506- 1516
первое полное издание Талмуда печатных	1520
испанских евреев обосноваться в Голландии	1591
Манассия Бен Израиль	1604- 1657
Шабтая Цви	1626- 1676
Барух Спиноза	1632- 1677
бойню евреев в Польше казаками под Chmielnicki	1648
Манассия Бен Израиль приехал в Англию	1655
первой португальской синагоги в Лондоне	1656
первый немецкий синагоги в Лондоне	1692

Моисей Мендельсон родился	1729
указ Иосифа II., Император Австрии	1782
Мозес Монтефиоре родился	1784
Фридрих Вильгельм II. Пруссия отменяет "Лейбцолл"	1787
Евреи во Франции освобождены	1791
Евреи допущены к свободе Лондонского сити	1832
Гражданские ограничения евреев в Англии устранены	1845
Преследование евреев в Дамаске: письмо профессора Теодора от того же	1840
г. Саломонс избран депутатом парламента от Гринвича	1851
года, принят закон о еврейской присяге	1858 года

Содержание.

КНИГА I.

С 586 г. до н.э. По 70 г. Н.э.

В ТЕНИ МЕЧА.

ГЛАВА I.

ЕВРЕИ В ВАВИЛОНЕ.

1. Вавилонские изгнанники
2. Персидское завоевание Вавилона
3. Влияние изгнания
4. Как было получено разрешение Кира
5. Конец изгнания

ГЛАВА II.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАЛЕСТИНУ.

1. Восстановление Храма
2. Самаритяне
3. Праздник Пурим
4. Книжник Эзра
5. Труд Ездры и Неемии

ГЛАВА III.

ЖИЗНЬ В ПАЛЕСТИНЕ.

- 1.Положение людей
- 2.Литературные труды
- 3.Александрийские евреи
- 4.Септуагинта
- 5.Под властью Египта
- 6.Под властью Сирии
- 7.Самоуправление

ГЛАВА IV.

ВОЙНА МАККАВЕЕВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

- 1.Антиох Епифан
- 2.Тирания Антиоха
- 3.Сопrotивление Мататьясы
- 4.Хасиды и цадикимы
- 5.Успех Иуды Маккавея
- 6.Установление Хануки
- 7.Договор с Римом

ГЛАВА V.

ПАЛЕСТИНА Под ВЛАСТЬЮ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ.

- 1.Смерть Иуды Маккавея
- 2.Ионафан Маккавей
- 3.Симон, первый из династии царей-священников
- 4.Сыновья симона
- 5.Правление Иоанна Гиркана
- 6.Его последние годы

ГЛАВА VI.

ИУДЕЯ В ОСТАВШИЙСЯ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АСМОНЕЕВ.

- 1.Соперничающие группировки, фарисеи и саддукеи

- 2.Как они получили свои Имена
- 3.Их Принципы и позиция, религиозные и политические
- 4.Государственная ссора с фарисеями
- 5.Ессеи
- 6.Правление Александра Яннея
- 7.После смерти Александра Яннея

ГЛАВА VII.

НОВАЯ ДИНАСТИЯ.

- 1.Антипатр Идумеянин
- 2.Рим выносит решение
- 3.Планы Антипатра
- 4.Синедрион
- 5.Падение дома Асмонеев

ГЛАВА VIII.

ПРАВЛЕНИЕ ИРОДА.

- 1."Желание" Антипатра исполнилось
- 2.Как Ирод укрепил свое положение
- 3.Ирод как муж
- 4.Ирод как Отец
- 5.Ирод как царь
- 6.Конец правления Ирода
- 7.Гиллель: контраст

ГЛАВА IX.

ИУДЕЯ ПЕРЕД ВОЙНОЙ.

- 1.Воля Ирода
- 2.Иудея превращается в римскую провинцию
- 3.Иисус из Назарета
- 4.Евреи в Египте и Сирии
- 5.Рождение христианства

6.Правление Ирода Агриппы

7.Калигула и евреи

ГЛАВА X.

ВОЙНА С РИМОМ.

1.Агриппа II; римские правители

2.Веспасиан послал в Иудею

3.Подготовка к обороне

4.Иосиф Флавий

ГЛАВА XI.

КОНЕЦ ВОЙНЫ.

1.Оборона провинций

2.Дела в Иерусалиме

3.Партия войны и Партия мира: их лидеры

4.Осада Иерусалима

5.Отправлен посредник: предложены условия

6.Разрушение Храма

КНИГА II.

С 70 По 1600годн.э.

ТЕМНОТА.

ГЛАВА XII.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

1.Тит завершает свое Завоевание

2.Масада

3.Что стало с главными действующими лицами

4.Что стало со Страной и народом

5.Утилизация

6.Йоханан бен Саккай; школы

7.Непредвиденный результат войны: евреи-христиане

ГЛАВА XIII.

ВОССТАНИЕ При АДРИАНЕ.

- 1.Покоренные евреи на Западе
- 2.Современные евреи на Востоке
- 3.При Траяне
- 4.Политика Адриана
- 5.Восставшие евреи: их лидер
- 6.Акиба, романтика его юности
- 7.Акиба, романтик своего времени
- 8.Решение Адриана осуществилось

ГЛАВА XIV.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ШКОЛ: ИХ РАБОТА.

- 1.Одно из чудес истории
- 2.Школы: их работа
- 3.Мастера школ
- 4.Моральное влияние школ
- 5.Политическое влияние школ
- 6.Литературное влияние школ

ГЛАВА XV.

ХРИСТИАНСТВО - ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ.

- 1.Как это распространилось среди язычников
- 2.Первый христианский император
- 3.Константин издает законы по этому вопросу; их последствия
- 4.Евреи на Востоке под властью персов
- 5.Юлиан Отступник

ГЛАВА XVI.

РАСПАД РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ.

- 1.Политические изменения
- 2.Социальные изменения
- 3.Монахи и святые

- 4.Как евреи стали торговцами
- 5.работорговля
- 6.Евреи как рабовладельцы
- 7.Церковные соборы
- 8.Восточные евреи
- 9.Война между Персидской и Византийской империями

ГЛАВА XVII.

РАСЦВЕТ МАГОМЕТАНСТВА.

- 1.Коран или Меч
- 2.Чему Магомет научился у евреев
- 3.Ислам
- 4.Сходства ислама и иудаизма
- 5.Различия между исламом и иудаизмом

ГЛАВА XVIII.

ЗАВОЕВАНИЯ ХАЛИФОВ: ВЛИЯНИЕ, РЕЛИГИОЗНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ, На ЕВРЕЕВ.

- 1.Прогресс магометанства
- 2.Гаоним
- 3.Испания в руках мусульман
- 4.Караимское движение
- 5.Причины возникновения караизма у магометан
- 6.Лидер караимского движения
- 7.Что стало с Сектой
- 8.Добро из Зла

ГЛАВА XIX.

ЖИЗНЬ ПРИ ХАЛИФАХ.

- 1.Евреи на Востоке
- 2.Заккрытие школ; некоторые ученые
- 3.Евреи на Западе
- 4.Политика ранних халифов

5.Некоторые последствия этой Политики

ГЛАВА XX.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ (710-1150).

- 1."Как сон в ночи"
- 2.Еврейские школы
- 3.Первый нагид Испании
- 4.Еще один Нагид: проблемы в Гранаде
- 5.Возрождение католицизма в Испании
- 6.Влияние на евреев
- 7.Династия халифов Альмохадов

ГЛАВА XXI.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ, ПРОДОЛЖЕНИЕ (1150-1492).

- 1.При католических королях в Испании
- 2.синагога тоledo
- 3.нисходящий путь к Смерти
- 4.Маранно, или Новые христиане
- 5.Попытка аргументировать
- 6.Инквизиция
- 7.Задачи и функции инквизиции
- 8.Некоторые статистические данные инквизиции
- 9.Указ об изгнании
- 10.

ГЛАВА XXII.

ЕВРЕИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

- 1.Общее положение европейских евреев
- 2.Евреи становятся ростовщиками
- 3.Обвинения в ростовщичестве

ГЛАВА XXIII.

ЕВРЕИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ, ПРОДОЛЖЕНИЕ.

1. Крестовые походы
2. Проблески лучшего
3. Жизнь во Франции до изгнания оттуда
4. Выслан из Франции
5. Обращение с евреями в германских государствах

ГЛАВА XXIV.

ЕВРЕИ В АНГЛИИ (1066-1210).

1. Первые семьдесят лет
2. "Святые" и припасы
3. Восшествие на престол Ричарда
4. Лечение Ричарда
5. При иоанне

ГЛАВА XXV.

ЕВРЕИ В АНГЛИИ, ПРОДОЛЖЕНИЕ (1216-1290).

1. Следующие пятьдесят лет
2. Каорсини
3. Первые еврейские депутаты парламента
4. Еще одно устройство для сбора денег
5. При эдуарде I.
6. Несколько ироничных законов
7. Нечестные евреи
8. Усилия по обращению
9. Изгнание евреев из Англии

КНИГА III.

Переменный ТОК от 100 До 1500.

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ.

ГЛАВА XXVI.

О ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТОРАХ.

1. Звездный свет

2.Как сияли Звезды

3.Пиютим

4.Образец планеты

ГЛАВА XXVII.

НЕСКОЛЬКО НЕПОДВИЖНЫХ ЗВЕЗД.

1.Соломон ибн Габироль

2."Раши"

3.Ибн Эзра

4.Великий Путешественник

5.Иегуда Халеви

ГЛАВА XXVIII.

ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ НЕПОДВИЖНЫХ ЗВЕЗД, МАЙМОНИД (1135-1204).

1.Первые дни в Испании

2.Жизнь в изгнании

3.Становится придворным врачом

4.Работа в суде и другие виды деятельности

5.Его труды

6.Его характер

7.Конец его жизни

ГЛАВА XXIX.

ТЬМА ПЕРЕД РАССВЕТОМ.

1.Звезды гаснут

2.Куда отправились Изгнанники

3.Жизнь в Германии

4.Новый крестовый поход

5.Что стало с испанскими и португальскими изгнанниками

ГЛАВА XXX.

ВИДНА ТЕМНОТА.

1.Ухудшение характера

2.Атмосферные условия

3.Падающая звезда—Саббатай Зеви

4.Как была воспринята новость

5.Султан вмешивается

6.Саббатай отказывается от своих Притязаний

7.Обращается в магометанство

КНИГА IV.

С 1591 По 1885 год н.э.

РАССВЕТ.

ГЛАВА XXXI.

РАССВЕТ.

1.Начало лучших дней в Голландии

2.Новый Иерусалим

3.Сефарды и ашкенази

4.Испанские евреи в Голландии

5.Их приобретенная непереносимость

6.Показательный пример: Уриэль да Кошта

ГЛАВА XXXII.

МАНАССИЯ БЕН ИЗРАЭЛЬ.

1.Его ранняя жизнь

2.Его труды и его друзья

3.Манассия находит свое призвание

4.Начались переговоры о возвращении евреев в Англию

ГЛАВА XXXIII.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕВРЕЕВ В АНГЛИЮ.

1.Манассия представляет свое Прошение

2.Христианский защитник

3.Что говорили люди

4.Как было получено ходатайство

5.Конец истории Манассии

ГЛАВА XXXIV.

СПИНОЗА.

1.Облака заслоняют рассвет

2.Амстердамские евреи во времена Спинозы

3.Студенческие годы Спинозы

4.События подходят к Кульминации

5.Как Спиноза перенес свой приговор; его образ жизни

6.К этому Последнему

7.Его труды

8.Результаты

ГЛАВА XXXV.

В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ, ПЕРЕД РАССВЕТОМ.

1.Долгая ночь

2.Рейхлин и Талмуд

3.Другое еврейское влияние: Элиас Левитас

4.Некоторые еврейские результаты изобретения книгопечатания

5.Влияние книгопечатания на каббалистическую литературу

ГЛАВА XXXVI.

В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ, ПЕРЕД РАССВЕТОМ, ПРОДОЛЖАЛОСЬ.

1.Группа Звезд

2.Польские евреи

3.Французские евреи

4.Общественная жизнь в Германии

5.Моральное и материальное воздействие на евреев

ГЛАВА XXXVII.

MOSES MENDELSSOHN.

1.Первые дни в Дессау

2.Едет в Берлин

3.Как ему там живется

4.Время посева

5.Сбор урожая

6.

7.Литературные успехи

8.Его домашняя жизнь

9.Последние годы

ГЛАВА XXXVIII.

СЛЕДУЮЩИЕ СТО ЛЕТ (1780-1880).

1.Свет и тени

2.Леопольд Цунц

3.Ход событий и законодательства в Германии

4.Ход событий и законодательство во Франции

5.Ход событий и законодательства в Италии

6.Ход событий и законодательства в Испании и Португалии

7.Ход событий и законодательство в Австрийских владениях

8.Ход событий и законодательства в других европейских государствах

9.Ход событий и законодательства в России и Польше

10.Ход событий и законодательство в Дунайских провинциях

11.беглый взгляд на остальную часть карты

ГЛАВА XXXIX.

ДВА СТОЛЕТИЯ С ЧЕТВЕРТЬЮ В АНГЛИИ (1660-1885).

1.Первые пятьдесят лет

2.Приток немцев и поляков: как восприняли

3.Обращенные

4.Прогресс англо-еврейского законодательства

5.Общественный прогресс

6.Девятнадцатый век

7.Возрожденная и убитая клевета

8.Человек девятнадцатого века

9.Заключение

Указатель

Карты.

1.Палестина

2.Римская империя в конце Республики

3.Европа в средние века

Erratum.

Страница 169, строка 22, вместо 66 читать 72.

ОЧЕРКИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ.

КНИГА I.

С 500 г. До н.э. По 70 г. н.э.

В ТЕНИ МЕЧА.

וְכִרְזֵל עָנִי אֶסִּירִי

ПСАЛОМ cvii. 10.

"Жизнь самореализуется многими способами."

ГЛАВА I.

ЕВРЕИ В ВАВИЛОНЕ.

1. Вавилонские изгнанники.— Почти две тысячи пятьсот лет назад Иерусалим пал под осадой Навуходоносора, и великое множество евреев было уведено пленниками в Вавилон. Даниил был одним из этих пленников, а Иезекииль - другим; и большинство, даже из рядовых, были людьми с определенным характером и некоторой образованностью. Постепенно изгнанники заняли положение скорее колонистов, чем пленников. Им были выделены земли, они полюбили землю, которую возделывали, и стали владеть ею, а их пророки поддерживали в них ощущение того, что, хотя теперь они не палестинцы, а вавилоняне, они все еще евреи. С этого периода в обиход вошло название евреи вместо израэлиты, поскольку большее число вавилонских изгнанников принадлежало к Иудейскому царству. До нас не дошло никаких записей о судьбе

десяти колен, составлявших Израильское царство, которым можно было бы доверять. Несомненно, тысячи из них были угнаны в иностранный плен, когда в Палестину вторгся Салманасар примерно за 130 лет до падения Иерусалима. Отныне у десяти племен нет отдельной истории.

2. Персидское завоевание Вавилона.—Через сорок восемь лет после разрушения Иерусалима все Вавилонское царство перешло во власть Кира Персидского. Через два года после своего завоевания он сказал еврейским изгнанникам в Вавилоне, что любой из них или все они, если захотят, могут вернуться на землю своих отцов и стать его сирийскими, а не вавилонскими подданными. Он также разрешил им восстановить свой храм и вернул им священные сосуды, которые были забраны войсками Навуходоносора при разграблении Иерусалима.

3. Влияние изгнания.— Мы должны помнить, что с момента падения Иерусалима прошло пятьдесят лет. Печали, которые поначалу кажутся совершенно невыносимыми, со временем становятся все более легкими, чтобы их можно было легко переносить. 'У вод Вавилона' первые изгнанники сидели и плакали, но мало-помалу по его берегам бегали и смеялись их дети. Они 'повесили свои арфы на ивы' и отказывались петь песни Сиона год или два, а может быть, и десять. Но постепенно 'чужая земля' становилась похожей на домашний очаг, и арфы, мы можем быть уверены, были сняты, натянуты и настроены. Через некоторое время каждому приходится жить настоящим, каким бы дорогим или печальным ни было прошлое. Евреи в Вавилоне научились принимать свою жизнь в плену и извлекать из нее максимум пользы. Во многих отношениях это пошло им на пользу. Действительно, в изгнании они выросли более настоящими патриотами, чем за многие поколения, прожитые во владении. Потеря родины, казалось, воодушевила их и придала сил. Они стали более терпеливыми и сплоченными, менее инфантильными и недовольными. К советам Иезекииля и Иеремии, а также других неназванных пророков времен изгнания в Вавилоне прислушивались так, как никогда не прислушивались к ним в Палестине. В убогих молитвенных домах читали закон Моисея и, вероятно, распевали псалмы Давида, но эти бедные места были переполнены, и среди них было больше набожных прихожан, чем когда-либо собиралось в мраморных дворах храма. Многие люди думают, что именно этим ревностным изгнанникам в Вавилоне мы обязаны небольшим зарождением наших нынешних синагог. Слово 'синагога' происходит от греческого и означает собрание; и хотя само это слово вошло в обиход лишь спустя долгое время после возвращения из плена, все же места собраний для молитвы и восхваления были довольно распространены по всей Иудее задолго до того, как историки стали называть их синагогами.

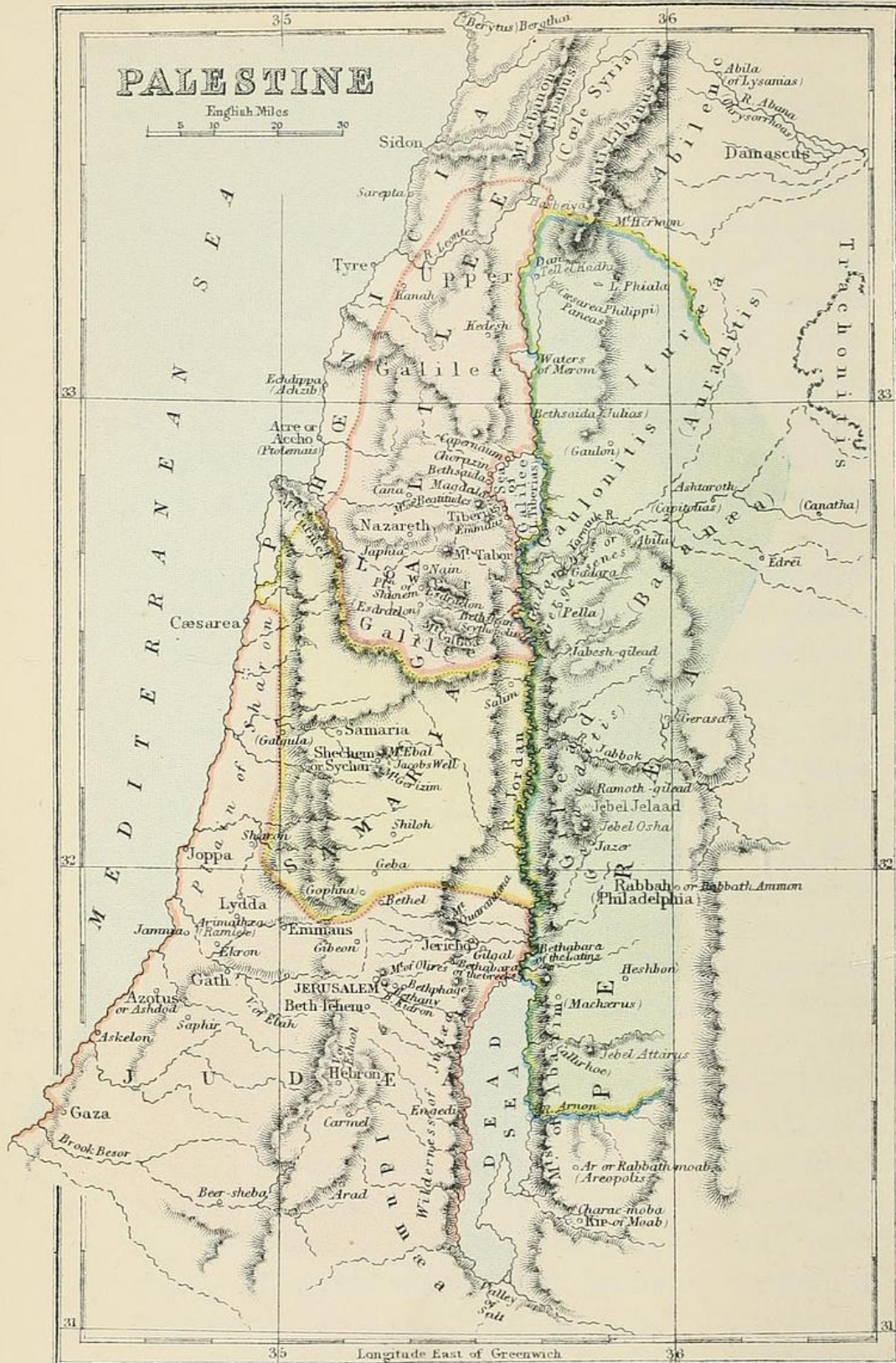
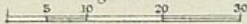
4. Как было получено разрешение Кира.—Для многих еврейских поселенцев в Вавилоне, и особенно для тех, кто там родился, Палестина, должно быть, стала звучать так же, как Англия для своих колонистов — как имя, когда бы и где бы оно ни звучало, наполненное самой нежной любовью и страстными желаниями, но все же более или менее как имя. Для стариков старая земля - это воспоминание, для молодежи - надежда, но и для старых, и для молодых земля, где они живут и работают, - это дом. А евреи по своей природе особенно домашние, они быстро приспосабливаются к любому месту, где они поселяются, начинают любить его и выглядят

родными. В течение некоторого времени люди, которые привели их в плен, относились к ним справедливо и даже великодушно; и поэтому, когда было опубликовано персидское воззвание, не было нетерпеливого неблагодарного порыва покинуть Вавилон и вернуться на свою землю под защиту победителей своих похитителей. Любовь к старым сценам была сильна, но своего рода верность новому немного ослабила эту любовь и сделала долг трудным выбором.

5. Конец изгнания.—Свобода возвращения, предоставленная Киром, завершает Вавилонский плен. Те евреи, которые остались в Вавилоне, остались добровольными изгнанниками. Для некоторых, и их было немало, ощущение того, что Вавилон был землей их детей, оказалось более сильным, чем воспоминание о том, что Палестина была землей их отцов. Ни та, ни другая страна не принадлежали им. И в Вавилоне им было комфортно; и это условие, при принятии решения, имеет большое значение. Прекрасная земля обетованная, несомненно, была для всех страной их мечтаний, но не столь очевидно, что она была для всех в равной степени землей их желаний. Однако около 42 000 храбрых и верных мужчин и женщин решили воспользоваться разрешением Кира и под предводительством Зоровавеля переправились через Евфрат и направились в Святую Землю; те, кто остался, высказывали множество добрых пожеланий и охотно пересылали припасы.

PALESTINE

English Miles

*Литография Э. Веллера. Нарисовано и выгравировано Э. Веллером.
Площадь Красного Льва*

ПАЛЕСТИНА

Лондонская компания Longman & Co.

ГЛАВА II.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАЛЕСТИНУ.

1. Восстановление Храма.—Первой задачей изгнанников, когда они прибыли в Иерусалим, было приступить к восстановлению храма. Руины были расчищены, и в начале второго года их возвращения, среди великого ликования, был заложен первый камень в основание второго храма. В толпе было несколько очень старых людей, которые совершали богослужение в первом прекрасном храме, и для них эта сцена не могла быть безраздельной радостью. Библия говорит: ‘Старики плакали’. Но мужчин, достаточно взрослых, чтобы помнить и оплакивать свои воспоминания, было немного, и надежда и ликование были главными чувствами по этому случаю.

2. Самаритяне.—Очень скоро работа, начатая с таким удовольствием, была прервана, причем внутренними врагами, а не иностранными. Салманасар, царь Ассирии, почти двести лет назад завоевал Осию, последнего царя Израиля, и увел многих подданных Осии в плен. Самария пала после трехлетней осады, и вместо тех израильтян, которые были убиты, и тех, кто попал в плен, царь Ассирии привел некоторых своих подданных из Вавилона и Кутеи в опустошенную землю Израиля. Эти новые поселенцы, конечно, были язычниками, но через некоторое время они переняли некоторые обряды израильтян, среди которых жили. Старые жители, оставшиеся в Самарии, и новые, которые были привезены туда, все стали называться самаритянами. Их религиозные верования, естественно, были немного смешанными. Там было много языческого и идолопоклоннического, но также много и того, что было отчетливо еврейским в их мыслях и обрядах. Когда Иерусалим снова оказался в руках евреев и храм вот-вот должен был быть восстановлен, самаритяне, во всяком случае, считали себя достаточно евреями, чтобы предложить свою помощь в этой работе. Изгнанники с ними не согласились. Пятьдесят лет заточения сильно изменили их взгляд на вещи. Их иудаизм был более сильным и суровым, чем раньше. Они хотели, чтобы служба в их новом храме была чисто еврейской, и им казалось, что если они позволят самаритянам помочь в строительстве храма, это приведет к введению идолопоклоннических обрядов в богослужение. Возможно, они каким-то нелогичным образом чувствовали, что само здание было бы осквернено, если бы какая-либо часть работы была выполнена такими наполовину евреями, какими были самаритяне. Никому не нравится, когда его объявляют недостаточно хорошим для какой-либо работы, которую он сам предлагает выполнить, и самаритяне были крайне возмущены отклонением их предложения. Они были достаточно подлы, чтобы отомстить, выступив против евреев при персидском дворе. Они были настолько успешны, что работа, в которой им не разрешалось участвовать, была вскоре

прекращена по приказу Кира. Но примерно пятнадцать лет спустя его преемник Дарий, тот самый Дарий, который был разбит при Марафоне, тоже дал разрешение и оказал помощь, и, несмотря на самаритян, храм был закончен и освящен через двадцать лет после закладки первого камня в основание. Самаритяне, отчасти в подражание, отчасти в гневе, а отчасти, можно надеяться, из религиозных чувств, позже построили для себя небольшой храм на горе Гаризим.

3. Праздник Пурим.—Следующее великое событие произойдет с интервалом почти в пятьдесят лет. Кроткая еврейская девушка, которая, чтобы служить своему народу, стала царицей и которая в своем дворце "исполнила повеление Мардохея, как будто она росла с ним", как полагают, вышла замуж за царя Ксеркса, того Ксеркса, который в Фермопилах пожелал, чтобы спартанцы сложили оружие, и которому Леонидас ответил знаменитым ответом "приди и заberi их". Все романтические факты, о которых рассказывается в Книге Есфири и которые привели к установлению Пурима, как показывает история, имели место. во время правления этого монарха.

4. Книжник Ездра.— Влияние добрых евреев оставалось сильным при персидском дворе и среди персидского народа. У следующего царя, Артаксеркса, виночерпием был еврей, и на протяжении всего своего правления он проявлял самое доброе расположение к своим еврейским подданным. Он позволил им самим назначать судей и с готовностью разрешил Ездre возглавить другую колонию из Вавилонa, чтобы присоединиться к поселению в Иудее; и он назначил Неемию, который был его виночерпием, губернатором Палестины. Эзра — Писец, как его называют, — был прекрасным человеком, с сильными руками и сильным сердцем, многогранным человеком. Похоже, он получил свое имя писец (סופר) за свои литературные способности, которые он в основном использовал при переписывании Пятикнижия со староеврейских иероглифов на те, что используются в настоящее время. Постепенно это название стало применяться ко всему классу. Соферимы, или книжники, в свою очередь были искусными писцами, тщательными толкователями и терпеливыми исследователями закона. Они были "людьми Книги", ¹ законниками Пятикнижия. Малахия, последний из пророков, жил в этот период, и книжники со временем в какой-то степени выросли и заняли место пророков в религиозной жизни еврейского народа. מַלְאֲכֵי הַיְיָ, the servant of the Most High, had spoken His message—the סופרים Их любовь к Закону и знание Закона придавали книжникам духовную силу, а со временем и политическую. Ибо по мере того, как Закон постепенно становился единственным национальным достоянием, оставшимся у евреев, те, кто был наиболее сведущ в нем, естественно, выходили на первый план. Самые мудрые и искусные в толковании Закона были призваны исполнять его и принимать участие в управлении обездоленным народом. Книжник Эзра был первым, главой и представителем огромной группы учеников и учителей, которые последовательно под именами Соферим, Танаим и Амораим стали властью в Палестине.

5. Работа Ездры и Неемии.—И Эзра, и Неемия были людьми с лучшим типом еврейского характера. Они любили Господа 'всем своим сердцем, душой и могуществом', что можно

понимать как использование ума, сердца и рук в служении. Они охотно оставили легкость и комфорт придворной жизни ради тяжелой работы всех видов в Палестине. Они желали помогать своим братьям всеми возможными способами. Они обнаружили, что им необходимо много проповедовать, а также много работы более практического характера. С одинаковой энергией они взялись и за то, и за другое. Стены Иерусалима были в руинах. Они мудро рассудили, что их следует отремонтировать и перестроить заново, ибо народ, чья обороноспособность слаба, находится во власти всех. Это была нелегкая задача, ибо самаритяне, возглавляемые Санбаллатом, преследовали рабочих всеми доступными им средствами и препятствовали им. Они выступали против них и оскорбляли их, а когда обнаружили, что злые слова не действуют, попытались бороться. Еврейские лидеры оказались на высоте положения; они дали своим людям оружие и инструменты, и в конце концов мужество и терпение победили. Стены были восстановлены, дом правителя укреплен, и Неемия смог на некоторое время вернуться к своим придворным обязанностям. Тем временем Ездра был занят другим. Защита религии, так же как и города, имела бреши. Многие женились среди язычников и воспитывали своих детей в слабой и наиболее вредной смешанной вере. Уведомив об этом за три дня, Ездра созвал собрание. Затем, без всяких окольных разговоров, он сказал им: 'Вы согрешили; оставьте своих чужих жен; исполняйте волю Бога'. Это была трудная сделка. Божье благоволение и человеческое - часто одно и то же, но не всегда. Быть хорошим и быть счастливым - это не редкость, но иногда, если кто-то хочет быть хорошим, он должен быть несчастлив. Наступает осознанный выбор между исполнением воли Бога и нашей собственной, как у этих древних евреев. Они сделали более высокий и трудный выбор. Из любви к Богу и повинаясь Его закону, они отказались от своей 'странной', сладкой, незаконной любви. При таком настроении людей остальные реформы Ездры и Неемии дались сравнительно легко. Это был великолепный материал для работы. Было некоторое сопротивление со стороны более состоятельных семей, которым нравилось, когда их оставляли в покое, но усилия Ездры и Неемии на благо нации не были ослаблены этим. Они настаивали на надлежащем соблюдении субботы, они восстановили права собственности и вернули закону Моисея его место в качестве богодухновенного кодекса для постоянного чтения и обращения. Ездру называли вторым Моисеем, и работа, которую он выполнял, несомненно, была того же рода. Моисей-законодатель с прямой Божественной помощью превратил племя в нацию. Книжник Ездра с косвенной Божественной помощью превратил обездоленную нацию в бессмертный народ. В обоих случаях использовались одни и те же средства — Божий Закон.

ГЛАВА III.

ЖИЗНЬ В ПАЛЕСТИНЕ.

1. Положение людей.— После стресса и надрыва, связанных с религиозным возрождением при Ездre и Неемии, все на долгое время вошло в спокойное русло без происшествий. Это было время зарождения национального характера, время, когда рост активен, хотя и незаметен. Персидские завоеватели, занятые своими греческими войнами, не слишком беспокоили своих еврейских подданных в Сирии. Время от времени очередная небольшая группа изгнанников присоединялась к своим друзьям в Иудее или отправлялась в Египет, чтобы сформировать там

новую маленькую еврейскую общину. Даже завоевание Персидской империи Александром Македонским мало что изменило для евреев. Их личное правление находилось в их собственных руках, и изменения в политическом управлении мало что изменили в их жизни. Они всегда были законопослушны, и ни от персов, ни от греков не поступало никаких пугающих или смущающих требований к их лояльности. Существует история о драматической встрече у ворот Иерусалима между Александром Македонским и первосвященником Джаддуа, когда вооруженный царь, пришедший в ярость, внезапно упал на колени перед священником в белом одеянии. Но гнев, и доспехи, и мантии, и поцелуй мира, и встреча в целом, похоже, вместе со многими другими очаровательными и несколько шаткими реликвиями были сметены новыми жесткими метлами на свалку истории.

2. Литературные труды.—Спокойное время было благоприятно для ученых. За сто лет, прошедших между смертью Неемии и смертью Александра, в Палестине было много литературной деятельности. К Пятикнижию, которому Ездра учил в школах, а также читал и разъяснял в синагогах, была добавлена вторая часть Священного Писания² — Пророки; и за ней последовала третья часть, Священные Писания. То, что называется каноном еврейских Писаний,² по форме и порядку нашей еврейской Библии, было определено приведено в порядок еще немного позже. Почти вся эта работа была выполнена на иврите, который все еще был языком народа. Затем в этот период начали собирать, просеивать и придавать форму великому запасу мудрости, накопленному веками. Там были пословицы, притчи и всевозможные мудрые изречения, множество долгих споров и дискуссий, а также некоторая дополнительная и, возможно, не всегда очень точная история. Все это начало изучаться. Частично на арамейском, частично на греческом, большая часть этого постепенно была записана. Часть мудрости и большая часть истории переросли в этом и следующем столетиях в то, что называется апокрифическими книгами. Они, хотя и не имеют ценности богодухновенных писаний, имеют свои собственные значительные достоинства. Кроме того, лучшее из бесед, текстов и легендарных преданий было собрано воедино и легло в основу мидраша, главной целью которого было изложение Библии, и особенно Пятикнижия. И помимо всех этих задач, энергия и серьезность людей нашли еще одно русло. Они приступили к разработке ритуала, который представляет собой регулярную организацию молитвы и служения.

3. Александрийские евреи.—Во времена Александра Македонского, Александра Македонского, как его называют, в его честь был основан город Александрия в Египте. Очень много евреев присоединились к греческим и египетским колонистам и были среди первых поселенцев в городе. Постепенно александрийские евреи стали немного менее еврейскими, чем иудейские евреи. Они обладали точно такими же правами и привилегиями, как и македонцы. Греческая культура, греческий образ мыслей были в самом воздухе, которым они дышали, и они вдыхали их, возможно, с большим жаром, чем те, для кого они были родными. Они говорили по-гречески, и через некоторое время забросили свой национальный язык и были неспособны даже понимать Священные Писания, когда их читали в синагоге. Но хотя они позволили языку своих отцов стать для них чужим и были несколько вялыми и ненаблюдательными, все же они никогда не переставали быть евреями. Были ли они постоянными прихожанами, мы не знаем, но у них определенно была своя большая и великолепная синагога; а в Гелиополисе, другом городе

Египта, был храм, чем-то похожий на иерусалимский. И далее в Апокрифах рассказывается, что около 300 из этих египетских евреев когда-то были достаточно стойкими в своей вере, чтобы предпочитать быть затоптанными до смерти дикими слонами, чем стать новообращенными. Продолжение звучит немного легендарно, поскольку слонов, как добавляется на том же основании, не удалось побудить сделать евреев мучениками. Они благоразумно свернули в сторону и растоптали зрителей, а не намеченных жертв.

4. Септуагинта.— Евреев в Египте становилось все больше, и многие из них начали занимать важные посты в государстве и армии. Изучение иврита становилось все более и более заброшенным. Эти египетские евреи, должно быть, лишились гражданства, поскольку они неохотно брали на себя труд ознакомиться со своим национальным языком. Но, как бы ни были они готовы отказаться от языка, они не собирались отказываться от литературы. Они по-прежнему хотели читать закон и пророков, если только это можно было сделать без особых проблем. Они решили сделать перевод. Около 250 года до н.э. египетский царь Птолемей Филадельф отправил в Иерусалим посольство, умоляя первосвященника одолжить семьдесят двух ученых книжников. Говорят, что каждый из семидесяти двух сделал отдельный перевод, и что все семьдесят два перевода оказались совершенно одинаковыми. Это довольно сомнительная история. Но независимо от того, согласились ли семьдесят два переводчика — что, поскольку они работали порознь, не кажется невозможным, — или же это были их переводы, которые были единодушны, что кажется менее вероятным, несомненно, что была создана греческая версия Священного Писания, получившая название Септуагинта. Некоторые из этих авторов, которые всегда будут отличаться от других, говорят, что переписчики вообще не имели к ней никакого отношения, но что Септуагинта обязана своим происхождением разным авторам, странам и эпохам.

5. Под властью Египта.—Когда Александр умер (323 год до н.э.), все его великие завоевания были разделены между его генералами. Сирия и Египет стали соперничающими державами на Востоке. Палестина более века была похожа на поле битвы между двумя волаками. Какое-то время египтяне владели преимуществом в игре, и при первых трех Птолемах евреи были очень слабо отброшены. Они должны были платить дань Египту, но их внутреннее управление было предоставлено их собственным первосвященникам, и в их религию никто не вмешивался.

6. Под властью Сирии.—203 года до н.э. Антиох III Сирийский, прозванный Великим, отвоевал Палестину у четвертого египетского Птолемея. Эта смена хозяев сама по себе не внесла никаких изменений в положение евреев. Ими продолжали мягко управлять, и их правительство по-прежнему оставалось в их собственных руках. Селевк, сын и преемник Антиоха, оказался таким же миролюбивым, как и его отец. Но назревали неприятности. Цивилизация сирийцев была греческой по своей природе, и их образ мыслей и богослужения, несомненно, ужасно противоречили строгим представлениям иудейских евреев. Пока священники стояли между двором и народом и избегали любых реальных контактов, столкновений не происходило. Когда обнаружилось, что священники не нужны, наступил кризис.

7. Самоуправление.—С течением времени управление народом перешло в руки первосвященника. Должность первосвященника передавалась по наследству. Должность передавалась от отца к сыну или ближайшим родственникам и по большей части достойно исполнялась как доверие, так и достоинство. Это была не совсем легкая должность. Евреи нуждались в правлении, а их хозяева — персы, египтяне, сирийцы или греки, кем бы они ни были, — нуждались в примирении. Священники должны были быть тверды в своей вере и приятны в своих манерах; ошибка в том и другом случае означала неудачу; следовало опасаться разобщенности, а слабость вообще была фатальной. Долгое время трудности были преодолены. Иаддуа, и Ония, и Симон Праведный, который был одним из последних оставшихся в живых членов Великой синагоги, основанной Ездрой, — все они были опорой для священства и народа. Но некий неспособный первосвященник по имени Онииас II (230 г. до н.э.) едва не втянул свой народ в неприятности с Египтом из-за задолженности по дани, которую он задолжал; и Онииас III (210 г. до н.э.), хотя и был хорошим человеком, совершил ужасную ошибку, призвав сирийцев для урегулирования семейного спора. Антиох воспользовался этой возможностью, чтобы узурпировать право выдвижения кандидатуры на первосвященство. Брат Онии давно желал этого поста для себя. Он предложил взятку сирийской казне и в знак дальнейшего уважения к правящему государству сменил свое еврейское имя Иисус Навин на звучащее по-гречески имя Ясон. Он добился своего и, можно надеяться, заслужил, кроме того, презрение как тех, кому он льстил, так и тех, кого бросил. Вскоре появился другой кандидат, по имени Менелай, и, чтобы раздобыть средства для необходимого подкупа, он ограбил сокровищницу храма. Что касается сирийцев, то непосредственной моралью для евреев была старая мораль вязанки хвороста. До тех пор, пока евреи были самоуважающими и самоуправляющимися, их, их правительство и их религию уважали и оставляли в покое. Как только их лидеры начали бунтовать и ссориться между собой, судьба вязанки хвороста постигла народ.

ГЛАВА IV.

ВОЙНА МАККАБЕЕВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

1. Антиох Епифан.Селевку на сирийском троне наследовал его брат Антиох, которого льстецы называли Эпифаном Прославленным, а более искренние друзья — Эпиманом Безумным. Ко дню его восшествия на престол Древняя Греция утратила свое господство, и Рим становился великой державой в мире. Все маленькие цари вели свои маленькие войны или планировали свои большие проекты, думая о Риме на заднем плане. Антиох не был исключением. Он возглавил экспедицию против Египта и потерпел поражение от Рима. Он знал, что политика Рима заключалась в том, чтобы разрушать империи и как бы притягивать к себе осколки. Географическое положение Иудеи делало ее ценным союзником Рима. Он решил избавиться от этой возможности, избавившись от евреев. И, кроме того, споры и беспорядки в Иерусалиме по поводу священства делали евреев и их религию лично неприятными для Антиоха. Он вошел в столицу в 169 году до нашей эры, разграбил Храм, возложил свиное мясо на алтарь и предал смерти великое множество жителей.

2. Тирания Антиоха.— Это было только начало. Он установил языческих идов в самаритянском храме, а также в Иерусалимском. Еврейские Писания были сожжены, а чтение закона и его соблюдение запрещено под страхом смерти. Тем, кто отречется от иудаизма, были предложены большие награды. Мать и ее семеро сыновей подверглись искушению по отдельности и последовательно. 'Я лучше вынесу, если они все умрут, чем если один из них будет жить как трус', - сказала храбрая женщина; и они поверили ей на слово, и одного за другим мальчиков повели на смерть. Старик по имени Елеазар тоже внес свою лепту, чтобы доказать, что спокойствие старости может быть таким же непоколебимым, как порыв юности. Они пробовали давать взятки и подвергать его пыткам; все безрезультатно. "Слушай, о Израиль, Господь, Бог наш, Един", - было последним, что произнесли его умирающие уста.

3. Соппротивление Мататьягу.— Дела приняли плохой оборот. Мучеников, которые были непоколебимы в завете, было намного больше, чем слабоумных людей, которые уступили, но преследователи превосходили числом и тех, и других. Это была страсть негодования, которую испытывали как слабые, так и сильные, и это чувство нужно было только направить, чтобы найти сильное выражение. В маленьком городке Модииин, недалеко от Иерусалима, жила семья Асмонеев, главой которой был старый священник по имени Маттафия. Офицер Антиоха посетил это место, призывая евреев совершить языческое жертвоприношение. Несколько колеблющихся в толпе с трепетом подчинились. Маттафия сбил его с ног и, нацелив еще один удар в алтарь, призвал всех, кто был 'ревностен к закону', следовать за ним. На его сторону немедленно встал народ. На этот день враг был разбит, и Мататьягас со своим отрядом немедленно покинул город и поднял знамя восстания по всей стране. Это было началом страшной неравной борьбы, длившейся двадцать семь лет и закончившейся заслуженной победой евреев.

4. Хасиды и цаддикимы. Призвав тех, кто был "ревностен к закону", собраться вокруг него, Мататьягу сразу же приобрел сильных и восторженных последователей. Ибо среди евреев выросла большая группа, которые были 'ревностны к закону' в самом полном смысле этого слова. Они любили его преданно, хотя иногда, возможно, и немного показно. Этих людей называли хасидами, Святыми; и иногда, возможно, они принимали на себя притязания, а также качества, присущие этому имени. Бок о бок с ними было много таких, кто довольствовался тем, что просто подчинялся закону и выполнял свой долг, так сказать, в общих чертах. На библейском языке таких называли цаддиким, или 'праведниками'. Возможно, этим праведникам было немного трудно соответствовать святым. В ответ они, во всяком случае, иногда становились немного менее "праведными", даже несколько распущенными и грецизированными евреями, и их называли эллинистами.

5. Успех Иуды Маккавея.— При большой поддержке хасидов Маттафия вскоре выступил против врага. С ним работали пятеро сильных, храбрых сыновей. Что касается второго, Иуды, то он оставил командование, когда вскоре после начала кампании умер. Маленькие оборванные последователи к тому времени превратились в дисциплинированную армию. Кто подобен тебе

среди богов, Господи?’ (וְיִצְחָק לֵאמֹר מִי־כִמְכָה) был девиз на флаге, и ответ, казалось, пришел в ряды били сирийцев. Начальные буквы этих мужественных, скромных слов ('י צב) были взяты для образования фамилии этой семьи героев, центральной фигурой которой является Иуда. Победа не пришла ни сразу, ни внезапно. Ради нее нужно было работать и ждать, жертвуя многим, что было дорого. Хасидов призвали отказаться ради общего дела от некоторых очень сильных религиозных угрызений совести, и они показали себя истинными патриотами, готовыми пожертвовать своим мнением так же, как своей жизнью на службе своей стране. У Аполлония, главного военачальника Антиоха, был подлый обычай нападать на евреев в субботу, полагая, что в этот день строгое соблюдение ‘закона’ помешает евреям защитить себя. Однако эти исключительные обстоятельства были признаны лидерами народа, разрешение было дано, и евреи, в том числе хасиды, когда на них нападали в субботу, сражались за свою землю и свою веру так же храбро, как и в будние дни.

6. Установление Хануки. — Медленно и верно, шаг за шагом, этот представитель иудаизма Вильгельм Телль вырвал свою страну из цепких объятий угнетателя. Решающее сражение кампании было разыграно и выиграно на равнинах Эммауса, примерно в семнадцати милях к западу от столицы. Иуда Маккавей беспрепятственно вошел со своими победоносными войсками в Иерусалим, и двадцать пятого Кислева 3592 года (169 г. до н.э.) יָד יִזְרְיָהּ был радостно и торжественно зажжен в ныне очищенном и заново освященном храме. Была проведена радостная служба посвящения, и его годовщина была установлена как религиозный и исторический праздник среди евреев.

7. Договор с Римом. —Иудея была отвоевана евреями. Но смогут ли евреи удержать ее? Вот вопрос, который после очень короткого опыта возник перед их храбрым командиром. Маленькое ‘царство священников’ превратилось в лагерь солдат; нация ‘свидетелей’ дала показания; но могли ли они сами сохранить то, что они приобрели для себя? Иуда Маккавей достаточно знал своих соотечественников, чтобы сомневаться в этом. Он считал, что без союзников евреям было бы невозможно удержать Иудею. Сирия была опасным врагом и, казалось, могла оказаться еще более опасным другом. Вскоре после повторного освящения храма умер Антиох Епифан, и после взятия Иерусалима евреями было заключено нечто вроде перемирия. На короткое время сирийскому престолонаследию помешал узурпатор. Когда законный наследник вступил в свои права, он пожелал включить Иудею в эту категорию. Но он оказался чересчур отеческим в своих идеях. Он взял на себя смелость назначить первосвященника, возможно, рассчитывая, что партийные чувства между хасидами и цаддикими вызовут сильное расхождение во мнениях по вопросу престолонаследия и что та часть людей, которой он понравился своим назначением, станет его приверженцами. Он был немного чересчур умен. Цаддикимы, которые уже были эллинистической партией в государстве, действительно казались немного польщенными таким иностранным интересом, проявленным к их делам, но Иуда и большая часть евреев справедливо возмущались этим. Сирийские предложения были серьезно отклонены Иудой, и Алкимос, сирийский кандидат, которого поддерживал сирийский генерал, был лишен своего достоинства. Сирия боролась за своего кандидата и потерпела поражение. Однако его успех только укрепил Иуду в его затруднениях. Он предпринял смелый шаг, провозгласив Иудею независимым государством, и

направил посольство в Рим с просьбой о союзе. Посольство было любезно принято, и союз был принят.

ГЛАВА V.

ПАЛЕСТИНА Под ВЛАСТЬЮ ТУЗЕМЦЕВ.

1. Смерть Иуды Маккавея. В начале кампании был убит Елеазар, один из пяти храбрых братьев Маккавеев, и теперь, через четыре года после взятия Иерусалима, Иуда пал, защищая его. "Величайший дар, который герой оставляет своей расе, - это быть героем". Военная удача может потерять, как и военная удача может выиграть, существенные дары, которые герой приносит своей расе; но его жизнь, если она действительно героическая, останется ценным достоянием для них 'на протяжении всех поколений'. Хотя он не привез никаких подношений своей стране, кроме Хартума, Гордон навеки принадлежит англичанам как великий дар. Так же обстоит дело и с Иудой Маккавеем, хотя ни пяди земли, которую он завоевал для них, не осталось его расе. 'Мои еврейские солдаты - настоящие маккавеи', - сказал царь Николай сэру Мозесу Монтефиоре, когда в 1846 году английский филантроп отправился вступаться за своих бедных угнетенных русских братьев, у которых, за исключением армии, было так мало шансов на честное поле боя. Имя Маккавеев использовалось российским императором как свидетельство характера. Здесь было наследие, оставленное его расе героем, и представленное спустя 2000 лет после даты.

2. Ионафан Маккавей.—Сразу после смерти Иуды Ионафан, еще один из преданных братьев-Маккавеев, взял на себя руководство делами. Он выполнял работу священника, солдата и государственного деятеля. Но третий брат погиб на поле боя, и какое-то время казалось, что мужество и мастерство бессильны против превосходящих сил сирийцев. Однако время было на стороне Джонатана. Он продолжал 'привязываться', и примерно через десять лет после смерти Иуды враг узнал, из какого материала он был сделан, и попытался примириться. В то время правящему царю Сирии противостоял соперник. Этот новый претендент, Александр Балас, и старый противник, Деметрий, оба пытались заключить с Ионафаном союз. Вероятно, каждый думал, насколько полезным был бы на его стороне такой умный и воинственный генерал и насколько приятнее быть союзником, чем врагом. Итак, царь, который был, и царь, который хотел быть, поспорили друг с другом за дружбу еврейского полководца. Ионафан выступил на той же стороне, что и Рим, за Александра Баласа. Затем в течение восьми лет царили мир и покой, и Ионафан отложил свой меч и надел белые одежды священника, и у евреев все наладилось. В конце того времени очередная революция нарушила сирийскую преемственность. Узурпатор по имени Трифон предъявил права на трон, предательски заполучил Ионафана в свою власть и воспользовался этим, чтобы предать его смерти.

3. Симон, первый из династии царей-жрецов.—Из пяти храбрых сыновей Мататъи остался только один. У всех братьев патриотизм был самым сильным чувством, и Саймон не давал себе

времени предаваться горю. Он сразу же взял себя в руки, и так успешно, что сирийскому гарнизону пришлось очень скоро отступить из Иерусалима. Симон возобновил союз с Римом, и укрепив таким образом свое положение, нашел необходимый досуг для выполнения мирных обязанностей, которыми в течение некоторого времени довольно пренебрегали из-за более неотложных военных. Он превратил Иоппию в гавань, которая была удобна для торговли на побережье, и заботился о сельском хозяйстве, которое поощряло труд во внутренних районах страны. Симон был практичным и набожным человеком. Он настолько впечатлил свой народ, что они признали его ценность еще при его жизни. На торжественном собрании, состоявшемся в месяце Элул 140 г. до н.э., Симон был провозглашен наследственным первосвященником и принцем.

4. Сыновья Симона. —Симону, как и другим братьям Маккавеям, было суждено умереть в своей постели. Примерно через четыре года после его принятия сана царя-жреца в Сирии снова сменились правители. Новый монарх, Антиох Сидетес, вернулся к старой порочной политике, стремясь превратить Иудею в вассальную провинцию, вместо того чтобы признать ее независимым и союзным государством. В первую очередь, как обычно, был применен подкуп, и зять Саймона был признан достаточно подлым, чтобы служить сирийским целям. С помощью этого вероломного Птолемея Симон и его старший сын Иоаннан были преданы и убиты. Иоанн Гиркан, младший сын Симона, спасся и вскоре облачился в свои священнические доспехи.

5. Правление Иоанна Гиркана.—Он носил его двадцать девять лет (135-106) смело и бескомпромиссно. В возложенных на него двойных обязанностях Иоанн Гиркан был, пожалуй, скорее царем, чем священником, более справедливым, чем милосердным. Он быстро расправлялся со своими врагами, будь то местные или иноземцы; и когда он сразился с сирийцами и разбил их наголову, он начал иметь дело с самаритянами. Он не потерпел бы никакого иудаизма-полукровки. Он объяснил самаритянам, что в религиозных вопросах они должны принять решение быть теми или иными, и, чтобы помочь им прийти к решению, он разрушил храм, который они построили на горе Гаризим. Это была своевольная мера. Его собственные подданные очень одобрили ее, и после того, как их столица была осаждена и превращена в пепел, самаритянам пришлось уступить. Отныне самаритяне перестают иметь сколько-нибудь примечательную историю как отдельная религиозная национальность.

6. Его последние годы.—Нет ничего успешнее успеха. Римляне поддержали Иоанна Гиркана, и его царство выросло почти до пределов владычества Давида и Соломона. Но на ясном небе сгустились тучи в виде политических неурядиц, и к концу своего правления популярный король оказался в оппозиции.

ГЛАВА VI.

ИУДЕЯ В ОСТАВШИЙСЯ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АСМОНЕЕВ.

1. Соперничающие группировки. Фарисеи и саддукеи.—В штате выросли две партии. Они были соперничающими политическими группировками, а не религиозными сектами, хотя их разногласия были в первую очередь религиозного характера. Несчастья не влияют одинаково на все натуры. В случаях кораблекрушения всегда найдутся люди, которые бросятся к лодкам, а некоторые сразу же обратятся к насосам. Сравнение может сослужить хорошую службу евреям в этот период. Вавилонское завоевание угрожало национальному крушению, и после того, как Изгнанники встали на якорь, началась длительная борьба за национальное существование. Не раз казалось, что волны вот-вот сомкнутся над людьми. Приходилось преодолевать сирийские штормы и римские ветры, противостоять греческому солнечному свету; и солнечный свет, пожалуй, был самым парализующим из всех. Вскоре проявилось различное воздействие неприятностей на разные натуры. На передний план вышли две разные партии. Одна из них любой ценой удерживалась на корабле. Горячие, грязные и ужасно усердные, они работали на насосах. Они придерживались этой единственной задачи и, опасаясь протечек, латали и закладывали мостовую, постепенно устанавливая новый киль. Другая команда со всей добросовестностью отправилась на лодки. Они несли с собой то, что считали необходимым для национального существования, но то, для чего у них не было места и что они считали излишним, они выбрасывали за борт.

2. Как они получили свои названия.—Людей, которые стояли у корабля и, по сути, спасли его, стали называть фарисеями. У корня *פָּרַשׁ*, от которого происходит название, есть два возможных значения. Это означает расширять или объяснять, а также отделять. От одного или обоих этих значений фарисеи, вероятно, и получили свое название. Их первой целью было отделиться от всего, что могло бы загрязнить их внешне или внутренне. Страх повредить их любимый корабль "Закон" заставил их надеть на него, так сказать, дополнительный слой защитной брони. Они добавляли строку за строкой и заповедь за заповедью к первоначальным пропорциям. Гордость за свое патриотическое лоскутное одеяло побудила их также, как мы видели, принять имя хасидов, или Святых, которое дали им чужаки, и постепенно, и несколько демонстративно, отделить себя коллективно, а также индивидуально от более покладистой части нации. Люди, которые садились в лодки, саддикимы, полагавшиеся на свою собственную праведность, стали известны как саддукеи. Традиция повествует о некоем Садоке, известном ученом, от которого саддукеи почерпнули некоторые из своих идей и, возможно, свое имя.

3. Их принципы и позиция, религиозные и политические.—Фарисеи были строгими приверженцами закона. Они верили, что это руководящее правило жизни не только для отдельного человека, но и для государства. Они ужесточали и сужали, одновременно усиливая обязательства закона. Они настаивали не только на высоком уровне исполнения обязанностей, но и на самом тщательном соблюдении всех заповедей, мозаичных и традиционных. Многие люди считали, что фарисеи немного перестарались, переборщили с броней корабля и были в

какой-то степени ответственны за появление нескольких уродливых ракушек, которые вовремя появились, чтобы облепить киль. Те, кто думал таким образом, сформировали корпус саддукеев. Саддукеи относились ко всему этому гораздо более легкомысленно. Они довольствовались соблюдением основных обрядов иудаизма, не особо заботясь о каждой детали. Они смотрели на вещи этого мира и на вещи другого мира как на совершенно разные вещи и в целом, возможно, считали этот мир более интересным. Саддукеи вообще не очень верили в потусторонний мир. Они говорили, что добро должно совершаться ради самого добра и без надежды на вознаграждение. Чистая и возвышенная доктрина сама по себе, но вряд ли стоящая таких затрат, поскольку она заставила их пойти еще дальше и полностью отвергнуть мысль о будущих наградах и будущей жизни. Но саддукеи были в основном состоятельными людьми, и рай для них был бы еще большей роскошью. Фарисеи принадлежали к народу, менее богатым и культурным классам. Однако не все они обладали одним и тем же высоким типом характера. Нам говорят, что существовало целых семь разновидностей фарисеев, и эти семь разновидностей варьировались от настоящих святых до настоящих притворщиков в своем 'рвении' к закону. Как сила в государстве, на стороне фарисеев были численность и ученость, в то время как на стороне саддукеев были деньги и то, что сейчас называется культурой. Используя политические термины, саддукеи называли себя либералами, а фарисеи в своих целях, безусловно, были консерваторами. На самом деле саддукей весьма гордился своими либеральными принципами. Он бы сказал вам, что искренне признает право каждого человека на собственное мнение и что он никогда не вмешивался в соблюдение правил другими людьми. И это, возможно, было правдой. Но затем он остановился на достигнутом. Он никогда не стремился смотреть на вещи с точки зрения других людей, он не проявлял ни сочувствия к их исследованиям, ни уважения к их достижениям. Такой непрогрессивный склад ума у мнимых друзей прогресса был фатальным препятствием для либерализма в любом справедливом смысле этого слова. И, по сути, фарисеи были истинными либералами; а Саддукеи, несмотря на их широкие взгляды и легкий нрав, были обструкционистами. При всей их жесткой приверженности закону, целью и практикой фарисеев было расширить и разъяснить его, сделать достаточно гибким, чтобы соответствовать потребностям каждого. В своем страстном желании удержать корабль на плаву они покрыли его броней, но в равной степени они никогда не колебались, при случае срезав на некоторое время мачту или рангоут. Саддукеи, когда садились в лодки, брали с собой все, что хотели оставить. У них не будет никаких 'форм', никакого "традиционного" бремени любого рода; они заявили, что будут подчиняться закону во всей его полноте и чистоте, не больше и не меньше. Это звучало многообещающе. Но небольшое усилие мышления покажет, что политика абсолютной неподвижности, удовлетворенности настоящим, игнорирования прошлого и отрицания будущего - это не прогресс. Точно так же нельзя по праву назвать либеральным настроение, которое легкомысленно выбрасывает традицию за борт, отказываясь видеть, что она с такой же вероятностью окажется компасом, как и грузом. В своих намерениях, вероятно, и лучшие из фарисеев, и лучшие из саддукеев были правы. Фарисей хотел сохранить свою религию в неприкосновенности и заключал ее в соблюдении обрядов; саддукей, возможно, с той же целью, лишил бы ее форм и церемоний и полагался бы только на поведение (פְּדוּתָא). Саддукеи, надо признать, считали церемониальный закон обязательным, но только в том виде, в каком он предписан законом, и в том виде, в каком он применяется в соответствии с их собственной интерпретацией. И, как ни странно, они, которые были такими покладистыми в своих привычках, были гораздо тверже в своих суждениях, чем строгие фарисеи. Отвергая представление о будущих наградах или наказаниях, саддукеи считали долгом человека быть

как можно более суровым в оценке поведения своего ближнего. Они стремились быть справедливыми (צדק), в то время как фарисеи довольствовались милосердием. У каждого были недостатки, присущие его качествам, но недостатки фарисея были, на поверхностный взгляд, более явными и доставляющими больше хлопот, чем у его соперника. Постоянная серьезность делает мужчину явно неудобным собеседником. 'Рвение' фарисеев могло бы сделать их благочестивыми и набожными, могло бы сделать из них первоклассных мучеников и даже вполне терпимых фанатиков, но вряд ли, ни при каких обстоятельствах, хороших придворных. Должно быть, с саддукеями всегда было приятнее жить. В первые дни боевых действий 'ревностные' хасиды были очень подходящим придворным кругом солдат для воинственных маккавеев, и первые два царя-священника были вполне довольны тем, что нашли свою опору в фарисейской фракции. Но по мере того, как все становилось более устоявшимся и мирным, фарисеи становились требовательными и несколько надоедливymi компаньонами. Многочисленные ограничения, которые традиционный закон накладывает на волю и желания человека, заставляли князей и придворных смотреть на фарисеев как на неудобных людей, как на препятствия. При дворе их недолюбливали все больше и больше, и к концу правления Иоанна Гиркана наступило решительное отчуждение.

4. Государственная ссора с фарисеями.—Ко времени Иоанна Гиркана отношения между двором и народом стали настолько натянутыми, что в конце концов было достаточно самого незначительного повода, чтобы вызвать фактический разрыв. Однажды на большом банкете, который давал Гиркан, человек, оказавшийся фарисеем и которому, возможно, не было предоставлено место, которое ему нравилось, воспользовался случаем, чтобы громко разразиться скандалом против матери царя-священника и поставить под сомнение вытекающее из этого право Гиркана на священство. Похоже, он был более строг в своих понятиях, этот фарисей, чем корректен в своих фактах. Его невежливое поведение, по-видимому, не имело оправдания даже в правде. Гиркан был чрезвычайно возмущен несвоевременным и вспыльчивым нападением; он ошибочно принял этого назойливого фарисея за представителя своего класса, и в своем раздражении до конца своего правления царь выбирал себе друзей и чиновников из числа саддукеев.

5. Ессеи.—Еще одна партия среди людей требует небольшого внимания. Едва ли достаточно многочисленные, чтобы называться сектой, и не имеющие достаточного политического значения, чтобы считаться фракцией, ессеи все же выделяются в тот период. Ессеев называли монахами иудаизма, и они являются ближайшим приближением ко всему на пути монахов, что может показать иудаизм. Это были люди, которые, руководствуясь своего рода святым эгоизмом и предельной усталостью от мира, полностью отказались от него, насколько могли. Их собственные души были главным объектом их интереса. Они проводили свои дни в молитвах и проповедях, и то небольшое имущество, которое у них было, было общим для всех в равной степени. Они жили самым простым и неудобным образом, обитая в пещерах, хижинах и безлюдных местах, больше похожие на птиц и зверей, чем на людей. Они вели такой образ жизни из чувства долга, но это была странная концепция долга, и она настолько полностью противоречила еврейским представлениям, что ессеи никогда не вызывали особой симпатии у

евреев и никогда не рассматривались как нечто большее, чем эксцентричное ответвление иудаизма. Маленькое тельце никогда не было многочисленным и постепенно вымерло.

6. Правление Александра Яннея (105-79 гг. до н.э.). —Старший сын Гиркана сменил его на посту царя-жреца, но он прожил всего год, чтобы носить одежды и корону. Его брат, Александр Янней, который затем взошел на трон, был очень храбрым и воинственным, и в течение двадцати семи лет своего правления находил много применения своей энергии как за границей, так и дома. Он постоянно сражался за расширение или защиту своих границ, и в одной из своих многочисленных небольших войн он нашел союзников и помощников в еврейско-египетских генералах. В его собственной столице происходили беспорядочные столкновения между соперничающими группировками, временами доходившие почти до масштабов гражданской войны. Однажды, когда он совершал служение в качестве первосвященника на празднике кущей, некоторые из заброшенных фарисеев, разгневанные поведением царя-священника, забросали его и смысленных саддукеев, стоявших вокруг него, лимонами, которые были поставлены совсем для другой цели. Александр Янней отреагировал на нападение скорее как царь, чем как священник. Он атаковал народ, и около шести тысяч из них были убиты. Ему, конечно, не могли нравиться фарисеи, но он, должно быть, был о них хорошего мнения, потому что, когда он обнаружил, что умирает, он пожелал, чтобы его жена сформировала правительство с ними, а не с саддукеями.

7. После смерти Александра Яннея.—Саломея Александра последовала совету своего мужа. Она сама была серьезной, с сильным сердцем женщиной и достаточно проникательной, чтобы оценить эти качества в фарисеях. Она сразу обратилась к ним в своей беде, и фарисеи оказались на высоте положения. Они забыли самих себя и помнили только о нуждах королевства. Они оказались мудрыми советниками и верными друзьями овдовевшей королевы, и в течение девяти лет, в течение которых Саломея Александра правила Иудеей, страна процветала и жила в мире. У нее было двое сыновей. Старший, Гиркан II, который был довольно сонным, ленивым человеком, был назначен верховным жрецом. Младший, Аристокбул, обладавший гораздо более энергичной натурой, занимался государственными делами и проявлял активный интерес к армии; и, в отличие от своей матери и брата, он искал своих друзей и сторонников среди саддукеев.

ГЛАВА VII.

НОВАЯ ДИНАСТИЯ.

1. Антипатр Идумеянин.— Когда мудрая царица Саломея Александра умерла (70 г. до н.э.), различия между характерами и интересами двух ее сыновей привели к открытому раздору. Некий Антипатр, сын правителя Идумеи, нашел возможность для удовлетворения своих амбиций в раздувании пламени. Он был смелым, хитрым, беспринципным человеком, этот Антипатр, и хотел получить верховную власть для себя. Он сразу же ухватился за положение. Он

понял, что было бы важно не наживать врагов обоим братьям. Чтобы добиться своей цели, он должен казаться сторонником того или другого. Он не жаждал должности царя-жреца, только царя. Гиркан, слабый старший сын Александра Яннея, уже был возведен в сан священника. Антипатр решил пока поддерживать его в двойном достоинстве. Он проницательно подумал, что было бы легче обмануть и, когда придет время, вытеснить такую марионетку, как Гиркан, чем сделать из младшего брата орудие.

2. Рим вершит правосудие.—Итак, после смерти матери два брата начали борьбу за корону. Фарисеи были в основном на консервативной стороне Гиркана, а саддукеи - на стороне более привлекательного Аристовула. В недобрый час Аристовул попросил Помпея, великого римского консула, выступить арбитром в этом вопросе. Помпей в то время был занят своими завоеваниями в Азии, но вскоре он принял в Дамаске послов от братьев-соперников. Некоторое время решение Помпея вызывало сомнения, и однажды нетерпеливый Аристовул ушел, не дожидаясь его больше. Этот неуважительный поступок помог Помпею прийти к решению. Победоносный римский полководец решил уладить спор по-своему. Он выступил походом на Иерусалим, взял его после трехмесячной осады (63 г. до н.э.), объявил владения Александра Яннея конфискованными Римом, провозгласил Аристовула мятежником и утвердил Гиркана в сане священника, но с более низким титулом этнарха вместо короля. Это была решительная мера со стороны Помпея. Тем не менее, это была строго политическая, а не религиозная война, и в этом смысле ее следует с честью отличать от тактики Антиоха Эпифана. Помпей объявил войну евреям, а не иудаизму. Хотя Храм был в его власти, он оставил его алтари неосвященными, а сокровища нетронутыми.

3. Планы Антипатра.—Арбитраж оказался удачным для Антипатра. Он был очень умен и совершенно беспринципен. Он признавал власть Рима и, не испытывая никаких чувств к Иудее, кроме тех, которые относились к нему самому, решил любой ценой сохранить дружбу с римским правительством. Каким бы великим ни был Рим в то время, он не презирал мелких сторонников; и, подобно мыши из басни, Антипатр не раз оказывался по-настоящему полезным льву. Мало-помалу он достиг своей цели и увидел, как возвышается его собственный дом и падает дом Асмонеев. Он добился назначения двух своих сыновей, Ирода и Фазаила, губернаторами Иерусалима и Галилеи. Позже он устроил брак своего сына Ирода с красивой девушкой по имени Мариамна, правнучкой Александра Яннея. Этот союз, подумал он, стал еще одной прочной заклепкой в семейной цепи, которую он создавал. Если бы он только знал, этому, казалось бы, крепкому звену суждено было лопнуть первым. Но если бы он знал, это, вероятно, ничего бы не изменило в его эгоистичном, опрометчивом поведении. Гиркан был такой марионеткой, что ему оставили такое призрачное достоинство, какое давало священство. Антипатр вел государственные дела от имени Гиркана, а мелкие и местные вопросы в провинциях решались на месте представительными советами, которые были созданы в пяти разных местах. Верховная власть по всем вопросам осуществлялась Синедрионом, который располагался в Иерусалиме.

4. Синедрион.—Синедрион был советом, состоящим из семидесяти одного ученого человека, избранного исключительно за их доброту и мудрость. Главное - это был характер; ни один прозелит, ни один ростовщик не допускался. Члены Синедриона были избраны из всех слоев общества, но сам первосвященник не мог *претендовать* на то, чтобы быть членом Синедриона, и царь был исключен, чтобы его мнение, подкрепленное его высоким положением, не имело слишком большого веса. Молодые люди, которые могли быть поспешны в своих суждениях, и неженатые мужчины, которые могли быть резкими, одинаково не подходили. Тяжкие дела, подобные тем, которые рассматриваются нашими английскими судьями в уголовных судах, передавались на рассмотрение Синедриона, и было прекрасно продумано, что люди, у которых нет сочувствия и опыта, которые приносят годы и дети, не могут правильно взвесить искушения, которые толкают менее счастливых людей ко греху. Синедрион мог разрешать мелкие споры, возникающие из гражданского или церемониального права, а в серьезных случаях он обладал правом наказания, с некоторыми ограничениями, вплоть до крайней меры наказания в виде смертной казни. Но это право было отнято римлянами примерно в 30 году. С этой даты прокуратор должен был подтверждать приказ о вынесении любого смертного приговора, который мог быть вынесен Синедрионом. Некоторые люди думают, что начало этого национального суда справедливости, как и многих других хороших вещей, можно отнести к Эзре. Они думают, что служители Большой синагоги, которую Ездра основал по возвращении в Палестину, постепенно превратились в советников Синедриона. Другие историки говорят, что Великая синагога и Синедрион были совершенно разными учреждениями, хотя оба названия происходят от греческих корней и означают одно и то же - "собираться вместе".

5. Падение Дома Асмонеев.—Аристокл и двое его сыновей были взяты Помпеем в плен в Риме (61 год до н.э.). Они бежали, были отбиты и снова восстали; и несколько лет спустя Аристокл умер, а старший сын, Александр, был обезглавлен по приказу Помпея. Прошло еще несколько лет, и младший сын, Антигон, после отчаянной борьбы был казнен по приказу Марка Антония (37 год до н.э.). Промежуток был бурным. При последовательных сменах римского правительства Иудея оставалась данницей Рима, а к асмонеям относились как к мятежникам. Гиркан продолжал править, но не управлял как римский выдвигенец. Помпей, Цезарь, Кассий и, наконец, Марк Антоний - все они отдавали предпочтение Антипатру, который был фактическим правителем. Он обладал такой властью даже над Синедрионом, что, когда его сын Ирод, губернатор Галилеи, однажды был вызван перед этим собранием для ответа за незаконный акт кровопролития, в котором он был виновен, у самого судьи не хватило смелости обвинить сына ужасного узурпатора. Ирод под свою личную ответственность казнил нескольких пленников. Смертный приговор был особым и торжественным правом, которым редко пользовался только Синедрион. Тем не менее, лишь с большим трудом бедного, слабого Гиркана удалось убедить созвать совет. Ирод выступил вперед, смелый и вызывающий, и при виде его и его вооруженных сторонников все члены Синедриона, за исключением старого судьи Шемаи, потеряли мужество и достоинство, и с гораздо большей поспешностью, чем он предполагал, Гиркан распустил свой совет. Вспыхивали бесконечные восстания. При триумвирате (Кассий, Цезарь и Помпей) произошло серьезное восстание, Иерусалим был оккупирован, а Храм разграблен (52 г. до н.э.). Когда Юлий Цезарь стал первым консулом Рима и

первой державой в мире, возникла небольшая передышка. Он проявил себя дружелюбно по отношению к евреям, и его убийство (44 год до н.э.), которое было настолько большой ошибкой, что о его преступлении немного забываешь, нигде так не сожалели, как в Иудее. Горе евреев длилось, возможно, тем дольше, что преемник Юлия Цезаря, Кассий, обложил их очень тяжелой данью. Ирод был главным сборщиком налогов и показал себя большим римлянином, чем римляне, в своей вымогательской деятельности. Римское правительство, столь поддерживаемое идумейскими узурпаторами, продолжало последовательно оказывать им поддержку. Антипатр был отравлен во время консульства Кассия, а его убийца был казнен римскими солдатами. Наконец Антигон подумал, что у него появился шанс. Это было после битвы при Филиппах, когда Марк Антоний прибыл в Палестину (40 г. до н.э.). Антигон призвал на помощь парфян, и в течение трех лет этот храбрый потомок Маккавеев удерживал Иерусалим от врага. Он подчинил Фазаила и Гиркана своей власти, и Ирод едва спасся. Фазаилу, похоже, не хватало дерзости идумейнина; он покончил с собой в своей тюрьме. Бедному старому Гиркану отрезали уши — тяжелая участь для кроткого, безобидного старика. Но надеждой Антигона было не только восстановление Асмонея, но и объединение и обновление в его собственном лице должностей жреца и царя. Ни один изуродованный священник не мог стоять у Божьего алтаря, поэтому Гиркану отрезали уши, и это так же эффективно устранило его с дороги племянника, как если бы он был приговорен к смерти. Возможно, Гиркан, если бы с ним посоветовались, предпочел бы последнюю судьбу как более милосердную. В конце концов, он добился своего. Триумф Антигона, каким бы великим он ни был, длился совсем недолго. Римлянин и его легионы были более чем достойны асмонеяского принца. Марк Антоний наконец взял Иерусалим (37 год до н.э.), ровно через двадцать шесть лет после взятия города Помпеем. Антигон был предан смерти, а Ирод Идумейнин был провозглашен царем Иудеи.

ГЛАВА VIII.

ПРАВЛЕНИЕ Ирода.

1. 'Желание' Антипатра исполнилось.—В семьдесят восьмом псалме дается своего рода драматическое резюме некоторых ранних переживаний израильтян. Нам рассказывают историю о грехах и скорбях в пустыне, об "огне, который возгорелся против Иакова" и "гневе, который возгорелся против Израиля". Вскоре мы натываемся на стих: "И Он исполнил их собственное желание". Если бы мы не знали продолжения, с какой радостью мы остановились бы на этом радостно звучащем маленьком стихотворении, подумав: "Теперь, конечно, их беды позади; наконец-то наступил мир для этих ворчливых путников, поскольку Бог исполнил их собственные желания". Но мы знаем. Вся история перед нами, а не изложена по крупицам, как это было с ними. И мы знаем, что подарок по их собственному желанию был худшей из всех их проблем. Мораль легко понять, хотя и немного трудновыполнима. Все мы время от времени испытываем жадное вожделение к 'плоти в пустыне'. Мы взываем об этом и молимся об этом с нетерпеливой, гневной страстью. И иногда нам исполняют наше 'желание' и позволяют досыта наесться нездоровой пищи, которой мы жаждем. Так было и с Антипатром. Он страстно желал основать царский дом, с этой целью плел интриги и грешил. Его желание было 'удовлетворено'.

Его сын Ирод был теперь царем Иудеи, и из всей законной семьи не осталось никого, кроме старого, глухого Гиркана и молодого парня по имени Аристокбул, брата жены Ирода Мариамны.

2. Как Ирод укрепил свое положение.—Этот Аристокбул, правнук Александра Яннея, был, конечно, настоящим наследником как короны, так и священства. О короне не могло быть и речи, но Ирод подумал, что сможет ублажить свою жену и тещу и, возможно, умиротворить народ, позволив этому молодому асмонею надеть одеяние первосвященника. Итак, Аристокбул был установлен в офисе. Он был красив и храбр, как и вся эта раса героев; и народ, который никогда до конца не забывал, что Ирод был идумеянином и узурпатором, был более доволен возведением Аристокбула на престол, чем царь рассчитывал или считал безопасным. Вскоре Аристокбул утонул, как говорили, случайно, но те, кто знал, возложили ответственность за "несчастный случай" на царя и назвали это убийством. Овдовевшая мать Аристокбула и его прекрасная сестра Мариамна были ужасно разгневаны его смертью — сестра, которая тоже была женой, возможно, была слишком несчастна, чтобы показать свой гнев. Но подозрения матери в отношении Ирода были так сильны, а ее жажда мести так велика, что она тайно обратилась к Клеопатре с просьбой убедить Марка Антония вмешаться. Римлянка сочувствовала еврейке, несмотря на всю разницу их обстоятельств. Ирода немедленно вызвали в Рим и приказали объяснить свое поведение. Он объяснил это так хорошо, что Марк Антоний не только не усомнился, но и пришел от него в восторг, и Ирод вернулся в свою столицу с триумфом. Позже, когда Антоний потерпел поражение в битве при Акциуме (31 год до н.э.) и сбежал с Клеопатрой, Ирод, сомневаясь в том, какой может оказаться политика завоевателя Октавия, счел самым безопасным позволить бедному старому изувеченному Гиркану тихо исчезнуть. Было объявлено, что он умер. Возможно, так оно и было. Если так, то его смерть была исключительно своевременной, поскольку устранила последний слабый шанс римского вмешательства или народного выступления в защиту асмонеев. Затем Ирод отправился в Рим и имел беседу с Октавием. Его манеры, должно быть, были лучше, чем мораль, потому что великий римлянин был очарован им. Его дружба с побежденным Антонием была ему прощена, и Октавий с готовностью возобновил и подтвердил ценный союз Иудеи с Римом. Ирод вернулся в Иерусалим, уверенный в своем положении, гордый и довольный результатом своей дипломатии.

3. Ирод как муж.—Обрадованный своим успехом, Ирод добрался до своего дворца, надеясь получить от жены сочувствие, которое было бы желаннее всего. Он был разочарован. Чтобы осуществить свое 'желание', Антипатр, как мы знаем, женил своего сына на юной асмонеиной принцессе. Это был дипломатический брак, который не увенчался успехом. Мариамна, если у нее и были какие-то чувства к своей расе, вряд ли могла испытывать хоть какую-то любовь к человеку, который спланировал ее падение и воспользовался им. Ирод, надо отдать ему справедливость, действительно любил ее по-своему. Но это было некрасиво. Он был ревнив и недоверчив. Оба раза, прежде чем отправиться в Рим, он оставлял секретные распоряжения о том, что, если с ним случится несчастный случай, она не выживет. Секрет просочился наружу. Мариамне не была терпеливой женой-индуской, чтобы подчиняться невольному принуждению. Она была гордой и страстной принцессой, и ей было наплевать на своего мужа. Она никогда не хотела его любви и была горько возмущена этими нечестными доказательствами этого. Таким

образом, в адрес Ирода по случаю его возвращения прозвучали не яркие поздравления, а самые холодные, гневные упреки. И при дворе была проказница, некая Саломея, сестра Ирода, которая усугубляла отношения между царской четой. Саломея намекнула, что осведомитель, сообщивший Мариамне о тайном договоре, был большим поклонником прекрасной королевы. В общем, это было самое жалкое возвращение домой, и Ирод, разрываясь между своей любовью, подозрительностью, честолюбием и разочарованием, был наполовину безумен. Возможно, на тот момент это было именно так, поскольку в ярости он приказал казнить сначала доносчика, а затем и саму Мариамну. На этом этапе его карьеры становится жаль Ирода. Его раскаяние было глубоким и более длительным, чем гнев.

4. Ирод как Отец.—В этом отношении он тоже потерпел неудачу. ‘В общем, я предпочел бы быть свиньей Ирода, чем сыном Ирода’, - сказал римский император Август, а Август был другом Ирода! У бедной Мариамны было совсем немного наследников, ни одного из них не любили так сильно, и ни с кем не обращались так жестоко, как с ней; но эти восемь, некоторые говорят, десять, преемников породили между ними бесконечные ссоры и заговоры во дворце. Ирод боялся, или его внушала страх та или иная из более поздних жен, что двое его сыновей, которые называли Мариамну матерью, однажды отомстят за ее смерть. Итак, эти двое сыновей были казнены. Другой сын, Антипатр, не раз подвергался опасности из-за подозрений этого необычного отца, и в конце концов, всего за пять дней до своей смерти, Ирод приказал убить и его.

5. Ирод как царь.—Разочаровавшись в завоевании расположения своей семьи, Ирод также не смог привязать к себе своих подданных. Он прилагал огромные усилия. Он восстановил храм ценой огромных затрат; он построил для себя огромный дворец, чтобы дать работу безработным; и когда во время эпидемии и голода ему представился шанс, он был действительно полезен и щедр к страждущим. Но все было напрасно. В лучшем случае он добился лишь угрюмой покорности. Во-первых, он никогда не понимал людей. Даже руководствуясь благими намерениями, он совершал ошибки и возмущался ими. Он ввел в Иерусалиме римский обычай публичных игр и боев с дикими зверями. Он делал это, чтобы позабавить и порадовать своих подданных, но это было страшным оскорблением чувств евреев. А его семейная жизнь была постоянным скандалом для всех хороших еврейских мужей и жен, которые жили счастливо и респектабельно со своими детьми. В целом его доброте не доверяли, его мотивы вызвали подозрения, а его приятные отношения с Римом рассматривались как многочисленные уступки язычеству. Ирод хвастался, и не без оснований, что евреи во всех частях великой Римской империи были защищены благодаря ему и его влиянию. Благосклонность, которой пользовался римский император, была, по правде говоря, полезна евреям. Но, тем не менее, за все свои тридцать три года царствования Ирод так и не завоевал ни капли преданной любви ни от одного еврея, который был достаточно близок к нему, чтобы знать его.

6. Конец правления Ирода.—Наконец, он умер за четыре года до н.э. Долгое и неприятное правление идумейского узурпатора закончилось. ‘Он не был отчужден от своего желания; и

пока мясо было еще у него во рту, гнев Божий настиг его'. Злой, несчастный король так остро осознавал радость, которую вызовет его смерть, что фактически отдал приказ о массовых казнях, которые должны были состояться в день его похорон. Он страстно желал, и в этом было что-то трогательное, несмотря на гротескную, порочную форму, которую это принимало, чтобы в городе раздался какой-нибудь траурный звук. Но его несправедливая воля, которая при жизни исполнялась из страха, после смерти была проигнорирована. Он жил, и мужчины и женщины плакали; он умер, и они улыбнулись друг другу.

7. Гиллель: Контраст.—Нет худа без добра. В то время как Ирод Идумеянин бушевал во дворце, Гиллель, 'величайший из раввинов', преподавал в школах. Гиллель был президентом Синедриона с 31 года до нашей эры по 9 год нашей эры. Он был одним из первых и, безусловно, самым известным из президентов, которому был присвоен титул Наси³. Гиллель родился в Вавилоне, но совсем молодым он отправился в Иерусалим, который был чем-то вроде университета для студентов. Он был очень беден, и однажды у него возникли некоторые трудности с поступлением в определенную школу. Рассказывают, что однажды зимним утром он забрался на подоконник классной комнаты и там слушал так внимательно, как только мог, пока холод и судороги не навели на него сонливость. Урок продолжался, и учителю показалось, что в комнате стало темнее, чем можно было бы объяснить даже густо падающим снегом. Он подошел к окну и увидел беднягу Гиллеля, который крепко спал, свернувшись калачиком, и более чем наполовину замерз. Когда Гиллель вырос и стал учителем, а не учеником, ученики в его школе не сталкивались с подобными приключениями. Он всегда был готов выслушать и помочь, столь же кропотливый и добродушный, сколь и мудрый. 'Терпеливый, как Гиллель' и 'скромный, как Гиллель' вошли в поговорку. Однажды в дверь его школы постучали. Там стоял юноша-язычник, смеющийся и дерзкий. 'Научи меня закону, - кричал он, - пока я могу стоять на одной ноге'. Он хотел посмеяться над раввинами и Законом, которому они учили, и его уже отогнали от дверей Шаммая, другого знаменитого раввина. Шаммай воспринял дерзость как личное оскорбление. Гиллель рассматривал ее скорее как признак болезни или недостатка. 'Разумный и хорошо воспитанный человек не обидит меня, и никто другой не сможет'. Именно в таком настроении Гиллель принял грубого шута. 'Конечно, - мы можем представить, как он говорит парню с достоинством, 'это довольно короткое время для урока, и, возможно, тебе было бы удобнее стоять передо мной в обычной позе. Но я могу научить тебя тому, что ты хочешь знать, пока ты стоишь на одной ноге. "Не делай другому того, чего ты не хотел бы, чтобы другой делал тебе. В этом весь закон; остальное - комментарии"'. "Часто Гиллель прикрывал свою мудрость остроумием, что в какой-то степени является еврейской чертой характера. 'Я должен поспешить домой к гостю, которым в последнее время довольно пренебрегал, - сказал он однажды, закончив свою лекцию в школе, - гостю, который сегодня здесь, а завтра уйдет'. Некоторые из его учеников недоумевали, но некоторые были достаточно быстры, чтобы догадаться, что имел в виду их учитель. Гиллель имел в виду свою душу, гостя, который имеет свое "господское жилище" в теле, но часто очень мало отдает за пределами этого жилища.

Сохранилось великое множество высказываний Гиллеля. Вот два средства против самомнения и поспешных суждений. "Не верь в себя до дня своей смерти". "Не суди ближнего своего, пока сам не встанешь на его место". И Гиллель обладал еще одним обаянием, которое, возможно, не столь распространено среди ученых, как остроумие и мудрость. Он был очень придирчив к своей внешности. 'Они моют статуи,' обычно говорил он, 'и очищают и украшают храм.

Насколько больше внимания мы должны уделять храму души!’ Его работа тоже была так же хороша, как и его речь. Он с трудом разобрался в традиционной куче товаров и внес в хаос некоторый порядок и систему. Он приступил к работе над многочисленными судебными запретами и положил начало их сбору. Он установил определенные правила — всего семь — для толкования Закона. Позже его труды были очень полезны другим работникам в той же области. Однако его собственная жизнь была самым лучшим из всех его уроков.

ГЛАВА IX.

ИУДЕЯ ПЕРЕД ВОЙНОЙ.

1. Завещание Ирода.—Такая дурно воспитанная семья, как семья Ирода, естественно, стала ссориться из-за его собственности после его смерти. Его завещание было характерным. Он оставил большую часть своего богатства Риму и разделил его владения. Корона с Иерусалимом и большей частью королевства была завещана сыну по имени Архелай; другому сыну, Ироду Антипе, достались Галилея и Петра; а третьему сыну, Филиппу, были переданы северные провинции. Но поскольку сам Ирод был всего лишь царем-данником, все завещание должно было получить одобрение Рима, прежде чем оно могло быть приведено в исполнение. Император Август принял решение не сразу, а тем временем соперники предавались бесконечным беспорядкам. Страна перенесла все невзгоды гражданской войны, не имея никаких мотивов для придания ей достоинства. Помимо названных в завещании постоянных соперников, появились самозванцы и претенденты на корону, и у каждого претендента была своя небольшая группа приверженцев, и каждый вел себя так, как будто сила - это право. Единственным пунктом, по которому можно было хоть как-то приблизиться к согласию, было очень общее желание разделить сокровища Ирода со всеми. Из всех депутатий, которые прислуживали ему, император Август, должно быть, был склонен наиболее благосклонно принять ту, которая принесла ему смиренное прошение о полной отмене царского правления в Иудее. Наконец римский император вынес свое решение, и во всех важных пунктах воля Ирода была подтверждена.

2. Иудея превращается в римскую провинцию.—Под титулом этнарха, а не царя, Архелай правил Иудеей и Самарией девять лет. Он в слабой степени подражал порокам своего отца, и в 6 году новой эры был свергнут и сослан римским указом в Галлию. Его владения были объявлены утраченными Римом, и римские губернаторы Иудеи были назначены, и их штаб-квартира находилась в Кесарии. Эти прокураторы, как назывались римские наместники, подчинялись сирийским проконсулам, а те, в свою очередь, верховной власти Рима. Каждому прокуратору в течение срока его полномочий было предоставлено право назначать всех еврейских должностных лиц, включая даже первосвященника. Ответственность за подписание смертных приговоров в настоящее время была возложена исключительно на римского губернатора, а полномочия Синедриона были сведены к рамкам действующего совета

синагоги. Ввиду последующего обвинения, выдвинутого против евреев этого периода, хорошо иметь в виду этот факт, касающийся строго определенной судебной власти Синедриона. Только римский суд мог выносить или приводить в исполнение смертный приговор. Прокураторы быстро сменяли друг друга. Их притеснения были ужасно схожи, и многочисленные восстания и бунты, вызванные их поборами, мало отличались по характеру.

3. Иисус из Назарета.— Рим со всех сторон сжимал свою железную хватку, и каждый новый налог и каждое новое ограничение были поводом для восстания. Несчастный, нетерпеливый народ жаждал лидера, другого Иуды Маккавея, который поднял бы знамя и 'разорвал их узы'. И если бы такой герой восстал и поступил с римлянами так, как Иуда Маккавей поступил с сирийцами, евреи, несомненно, приветствовали бы его как Мессию, помазанника Господня. Беспокойство и беспорядки, центром которых был Иерусалим, распространились по всей Палестине, и нигде они не были так сильны, как в Галилее, северной провинции, в которой Иисус, сын плотника Иосифа, впервые привлек к себе внимание. Когда Иисус был крошечным ребенком, некий Иуда из Галилеи, действительно самый обычный герой, только что избежал опасного отличия - полной веры в его соотечественников. Иуда Галилеянин возглавил неистовый порыв страстного патриотизма. На местном уровне он имел успех. Возглавляемые им галилеяне восстали, римляне отступили, и, подобно своему великому тезке, этот Иуда на некоторое время одержал победу. Но это продолжалось очень недолго, и его последователи не успели превратить своего лидера в Мессию, как он был распят римлянами как мятежник. Восторженный прием, оказанный этому жалкому подобию героя, показывает тенденцию времени и характер людей. Казалось, сами камни зывали к Искупителю и Избавителю, который пришел на Сион. При таких обстоятельствах Мессия был почти неизбежен. И точно пропорционально его притязаниям и их собственным безумным надеждам был бы гнев населения, если бы их Мессия разочаровал их, что, если быть совершенно правдивым и честным, он вряд ли мог бы не сделать. При всей их крайней нужде Иисус из Назарета так и не был признан евреями Мессией. Его титул перешел к нему в греческой форме. Христос означает Мессию, или помазанник; но это означает это по-гречески, а не по-еврейски. Иисус из Назарета никогда не имел реальной власти над своим собственным народом. Его последователи при его жизни были немногочисленны, неважны и неграмотны. Евреи того времени мало обращали внимания на его существование и его деяния. Он жил и работал точно так же, как тогда жили и работали многие другие еврейские учителя. Он переходил с места на место, исцеляя, помогая, увещевая и пробуждая в сердцах тех, кто прислушивался к ощущению лучшего. Но многие ессеи проповедовали и ухаживали за больными, а такие добродетели, как смирение и милосердие, а также презрение к мирскому, были добродетелями, общими для всех честных фарисеев. Иисус привлек к себе внимание главным образом в Галилее, среди язычников и среди тех евреев, которые умышленно или по неосторожности сбились с пути истинного. Основная часть нации была настроена не столько враждебно, сколько безразлично. И все же, хотя симпатии Иисуса были открыто на стороне "заблудших овец дома Израилева", массовые и огульные обвинения, о которых сообщается в Новом Завете, сделанные им против фарисеев, являются изобретениями более позднего времени, когда христиане начали занимать враждебную позицию по отношению к своей материнской религии. Несомненно, среди фарисеев были обманщики и лицемеры, которые вполне заслуживали осуждения; но также мы знаем, что среди них был целый класс — их, должно быть, было довольно много, чтобы их можно было классифицировать, — которые "исполняли волю своего Отца Небесного, *потому что они*

любили Его' (Иерусалимский талмуд, Брахоф, ix. 5). Сам Иисус, вероятно, никогда не осуждал ни фарисеев, ни иудаизм. Но о самом Иисусе известно очень мало заслуживающего доверия. Лишь спустя много времени после его смерти, возможно, через пятьдесят лет, была написана даже первая из его биографий, которые содержатся в различных книгах Нового Завета.

Евреи с готовностью признают, что Иисус из Назарета, восторженный проповедник их собственной расы, был добрым и добродетельный. Они считают мораль, которую он проповедовал, идентичной морали, лежащей в основе иудаизма. Они считают ее чистой до непрактичности, и в этом она отличается от еврейской этики, которая была ее источником вдохновения. Они считают достаточным предписанием 'Возлюби ближнего твоего, как самого себя' (Ветхий Завет). Повеление 'Если он попросит у тебя одежду, отдай ему и свою' (Новый Завет) они считают чрезмерным. Они прослеживают текст Закона, который, как заявил Иисус, он "пришел не нарушать", во всех речах Иисуса; они находят влияние пророков в его притчах, и они читают Гиллеля между строк знаменитой нагорной проповеди. Но в то же время евреи полностью отвергают божественные притязания Иисуса; они отрицают возможность отмены Закона, открытого Всемогущим, и они питают отвращение к любому отклонению от чистого учения об абсолютном Единстве Бога. Что касается смерти Иисуса, евреи отрицают всякую религиозную ответственность за это. Они смотрят на это как на римскую казнь, причем по политическим, а не религиозным причинам. Иисус предстал перед римским прокуратором Понтием Пилатом в 29 году и был им приговорен к смертной казни по обвинению в подстрекательстве к восстанию против римской власти. На кресте было начертано "Царь Иудейский", что наглядно показывает, что Иисус был распят как претендент на престол против Рима, а не против Небес.

4. Евреи в Египте и Сирии.—Александрия, столица Египта, и Антиохия, столица Сирии, в этот период занимали одно место с Римом во всех областях цивилизации; а в науке, философии и торговле евреи ни в чем не отставали от своих соседей. В то время в Египте проживало большое количество евреев, возможно, всего около миллиона. По большей части это были ремесленники и торговцы, но было также немало солдат и ученых. И в столицу съехались, так сказать, сливки всей культуры страны. Александрийский философ Филон, пользующийся столь широкой классической репутацией, был евреем не только по расе, но и по убеждениям и симпатиям. Он родился примерно в 1 году н.э. И в Египте, и в Сирии цивилизация была полностью греческой, а греки были теми, кого называют язычниками. Теперь есть язычники и язычницы. Каннибалы, убившие бедного капитана Кука, были одного сорта; эти были совсем не того сорта. Греки были образованными, восхитительными, привлекательными язычниками, и наука и философия, а также очарование и лоск, которые евреи Египта и Сирии приобрели в результате общения с греками, принесли им неоспоримую пользу. Недостатком всего этого, слабым местом, было, конечно, язычество, которое оказалось почти таким же распространенным, как польское. Греческие евреи постепенно стали отличаться от палестинских евреев. Для палестинских евреев Закон, по трезвой правде говоря, был "светом", а заповедь - "светильником". Они не жаждали никакой другой "мудрости"; и хотя ее пути больше не были "путями мира", ее "пути" к ним были 'путями удовольствия', и часто единственными путями удовольствия, которые они знали или хотели знать. Греческие евреи, возможно, сказали бы, что у них более широкие взгляды на иудаизм. Они, безусловно, придерживались достаточно широких взглядов, чтобы многое упускать из виду, и их широкий взгляд на вещи делал их

немного неточными в отношении древних достопримечательностей. Для грекоязычных евреев жесткие обычаи иудаизма стали немного утомительными, а мистические обряды язычества - немного привлекательными.

5. Рождение христианства.—Христианство, как новая религия, противостоящая иудаизму, было основано Павлом из Тарса, который провозгласил отмену свода законов Моисея. Павел не знал Иисуса. Сначала он был противником его доктрин, но примерно в 37 году обратился в христианство и вскоре пошел намного дальше своего учителя. То, что проповедовал Иисус, вряд ли можно было назвать религией, а христианство, возможно, немного отличается даже от так называемой религии Христа, которую сформулировал Павел. Павел стал апостолом язычников, которые, в некотором смысле, были готовы принять его. Образованным язычникам к этому времени не хватало более духовной религии, чем их собственная, и они привыкли поклоняться стольким богам, что требовать веры только в трех было большим упрощением их веры. Для строгих иудеев Троица была бы немыслима. То, чему учил Павел, было, по сути, новой верой — новой в догме и новой, в некоторой степени, в доктрине. Иисус ясно сказал: "Ни одна йота, ни одна черта Закона не должна прейти". Павел проигнорировал это и определенно и намеренно отказался от обязательств "Закона". Строгое соблюдение Моисеева Закона было бременем, которое язычник не взвалил бы на себя, и было тем, от которого распущенный еврей был рад освободиться. Антиохия и Александрия были колыбелями новой веры, и, лишенное еврейских пеленок, младенческое христианство вскоре окрепло настолько, что могло жить самостоятельно, и языческие образы, подобные Дагону, пали перед ним ниц.

6. Правление Ирода Агриппы.—В 36 году прокуратор Понтий Пилат был отозван в Рим, и в лице внука Ирода произошло восстановление династии Иродианов, которое продолжалось семь лет. Когда примерно сорок пять лет назад сыновья Мариамны были казнены по приказу своего полубезумного отца, казнь оставила безутешными мать и крошечного ребенка. Жена убитого Аристубула бежала со своим маленьким мальчиком-сиротой в Рим, а невестка императора Тиберия, которая тоже была вдовой, подружилась с бедной еврейкой. У императора был маленький сын по имени Друз, примерно того же возраста, что и Ирод Агриппа, и оба мальчика постоянно были вместе при дворе. Когда Друз умер, императору поначалу было слишком больно видеть Ирода Агриппу, поскольку это так сильно напоминало ему о потере сына; а позже, когда между приятным молодым еврейским принцем и Калигулой, внучатым племянником императора и вероятным наследником, возникла близость, Тиберий, казалось, считал эту новую привязанность столь же мучительной для своих чувств, как и воспоминание о старой. Возможно, он завидовал своему наследнику и завидовал его друзьям. Как бы то ни было, Ирод Агриппа, который был придворным любимцем, стал придворным узником, и железные цепи заменили золотые. В 37 году Калигула стал императором, и одним из его первых действий было вызволить из тюрьмы своего друга Агриппу и найти для него трон. Сын Ирода Филипп, который правил северными провинциями Иудеи в качестве тетрарха с 4 года, когда император Август утвердил волю Ирода, как раз в этот момент своевременно скончался. Владения его дяди Филиппа были переданы Ироду Агриппе, а вскоре к ним добавились владения Ирода Антипы и был утрачен царский титул. Римские наместники были отстранены, и Ирод снова воцарился в Иудее. Ирод Агриппа был совсем не похож на прежнего Ирода, своего

деда. Процветание и невзгоды - каждое по-своему пронизательные учителя, и Агриппа был способным учеником. Он повесил в своем дворце свои железные и золотые цепи бок о бок; и железо, вошедшее в его душу, и золото, позолотившее его обстоятельства, придали заклепкам и обрамлению очень законченную жизнь. Ирод Агриппа был хорошим евреем и хорошим царем. Он 'укрепил основы' в двойном смысле. Он построил третью стену вокруг Иерусалима и начал воспитывать в своем народе чувство товарищества и сдержанности, которые были бы для них тройной линией обороны от их врагов. Но у него было так мало времени. Он умер в 44 году, на пятьдесят третьем году жизни, всего через семь лет после своего вступления на престол.

7. Калигула и евреи. — Влияние, которое давала ему дружба, Ирод Агриппа оказывал на Калигулу ради блага его еврейских подданных. Но невозможно налить в литровый сосуд галлоны воды. Калигула мог оценить Ирода только в меру его способностей, а они были невелики. Он был своим собственным героем, поэтому его сила поклонения герою неизбежно была низкой и ограниченной. Он верил в себя, этот Калигула, и это было такое ничтожество, что стоило растрачивать веру на него. Тщеславие сводило его с ума. Он приказал отлить его статую из золота и установить в своих собственных языческих святилищах, а затем отдал приказ воздвигнуть подобную статую и поклоняться ей в еврейских храмах Иерусалима и Александрии. До единого человека евреи сопротивлялись. Из Александрии они послали депутацию в Рим, и философ Филон оставил свои занятия греческим, чтобы возглавить эту делегацию и вступить за своих собратьев-евреев. В Иерусалиме Агриппа устроил грандиозный банкет, а после обеда представил обращение императору. Оба храма получили отсрочку от этого нечестивого оскорбления. Сколько бы это продолжалось, мы не можем сказать; но Калигула был убит в 41 году, и при его преемнике Клавдии религиозная свобода евреев не нарушалась.

ГЛАВА X.

ВОЙНА С РИМОМ.

1. Agrippra II. Римские наместники.— Сыну Ирода Агриппы, названному в его честь, было всего семнадцать лет на момент смерти его отца. Иудея снова была, по сути, римской провинцией; ибо, хотя император Клавдий оставил молодому Ироду Агриппе номинальное владение своими владениями и титулом и был лично с ним в приятных отношениях, все же римские губернаторы Иудеи снова были введены в действие. Это римское правление было подобно открытой ране для евреев. Дело было не только в том, что прокураторы часто были грабителями и угнетателями; народ мог бы сносить это более или менее терпеливо; но само присутствие иностранных правителей, чуждых по вере и расе, вызывало постоянное раздражение. И, с другой стороны, они были выбраны неразумно. Однажды отступник, племянник Филона, был поставлен командовать, и люди должны были повиноваться человеку, которого они по праву презирали. В другой раз брат любимого раба императора Нерона был назначен губернатором, и это родство было единственным условием для назначения, которое кто-либо когда-либо находил в нем. Евреи всегда, даже в лучшие времена, немного нетерпимы к власти. Управлять ими было не так-то просто даже при Моисее. Под властью этих несимпатичных римлян и их

покровительствуемого Римом царя они стали беспокойными и отчаявшимися. Ирод Агриппа, по правде говоря, был им мало полезен. У него была красивая сестра Береника, и иногда она преклоняла колени в живописных позах, а он красноречиво обращался с мольбами к тому или иному римскому угнетателю; но, в целом, Ирод и Береника оба поддерживали прекрасные отношения с Римом, и их идеалом было благоразумие, а не патриотизм. Они происходили из эгоистичной расы, эти царственные брат и сестра. Ирод Агриппа проповедовал мир, когда его подданным не было покоя; и когда он обнаружил, что к его мягким советам не прислушиваются, он удалился со своей сестрой в Рим и там нашел, о чем поговорить с Титом. Тем временем в Иудее беспорядки переросли в восстание, а восстание - в организованный бунт. В 66 году римский гарнизон в Иерусалиме был разгромлен и предан смерти евреями, и римскому губернатору Цестию Галлу пришлось обратиться за помощью к префекту Сирии.

2. Веспасиан отправляется в Иудею.—Война началась всерьез. Император Нерон не мог понять отпора римскому оружию из этого маленького уголка мира; однако, судя по дошедшим до него отчетам, что отчаяние евреев делало иудейское восстание несколько серьезным делом, он послал знаменитого полководца Веспасиана и его сына Тита с приказом немедленно подавить его. Издали это не казалось сложным приказом — опытные когорты Рима, с послушной Сирией в качестве операционной базы, против этой горстки недисциплинированных головорезов. Но на это ушло четыре года — четыре долгих, ужасных года ужасно неравной борьбы. Рим считал этих евреев не обычными мятежниками, и вторжение в Иудею не было 'уступкой' завоевателям мира. Римляне столкнулись с народом с историей и верой, доблестно сражавшимся за то и другое, и обнаружили, что победить их очень трудно.

3. Подготовка к обороне.—Евреи сразу поняли, что с таким врагом, как Рим, затевать сражения на открытом месте было бы ошибкой. Их лучший шанс заключался в защите укрепленных городов и в попытках истощить сопротивлением терпение захватчика. Найти командиров не составляло труда, трудность заключалась скорее в выборе. Добровольцев на офицерские должности было предостаточно, возможно, в большей пропорции, чем на должности рядовых. Но припасы и войска были наготове, и на севере, юге, востоке и западе страна поднялась для борьбы за свободу.

4. Иосиф Флавий.Провинцией Галилея командовал человек по имени Иосиф Флавий, потомок асмонеев, который жил для того, чтобы заслужить себе лучшую репутацию летописца своей страны, чем солдата на ее службе. В то время (66) Иосифу Флавию было около тридцати лет, он был чрезвычайно умен и способен и вполне склонен сыграть роль своего знаменитого предка и повести своих последователей к победе, если победа должна была быть одержана. Все дело было в 'если', поскольку Иосиф Флавий был человеком совсем иного сорта, чем Иуда Маккавей. Если бы Иуда потерпел поражение от сирийцев, он бы погиб, сражаясь; он никогда бы не сдался. Иуда Маккавей сражался в бескомпромиссном духе, который Седрах, Мисах и Авденаго сделали историческими. "Мы неосторожны, о царь, отвечать тебе в этом вопросе", - сказали эти образцовые евреи: "Если наш Бог, которому мы служим, избавит нас от огненной печи, Он избавит нас; но если нет, да будет тебе известно, о царь, мы не будем служить твоим

богам.' Иосифу Флавию и в голову не приходило таким образом пресекать всякую возможность отступления. Его служение больше походило на служение нерешительного язычника Неемана. Он сражался за Иудею, но Рим был для него Риммоном на заднем плане, и в моменты своего самого энтузиазма Иосиф Флавий никогда не забывал о своих собственных интересах. Он организовал свои войска и лично защищал прекрасную крепость, построенную на скале в Иотапате. Эту цитадель он удерживал сорок семь дней против Тита, и его солдаты доблестно поддерживали его. Римляне не раз получали отпор, и вскоре Тит установил строгую блокаду, намереваясь заставить гарнизон сдаться голодом. Евреям больше нравилось воевать, чем умирать с голоду, и о капитуляции не могло быть и речи. У них не было еды, и почти не осталось воды, но они намочили свою одежду в последних нескольких драгоценных ведрах и повесили промокшую одежду на солнце. Римляне не могли поверить в такое умышленное вызывающее расточительство и, полагая, что гарнизон, должно быть, снабжен лучше, чем они предполагали, сняли блокаду и снова начали атаку. Измученный голодом гарнизон сражался как герои — снова и снова римляне были отброшены назад. Наконец "битва досталась сильному", и Иотапата пал. Римляне вошли в крепость и не нашли никого, кто мог бы принять их, кроме мертвых и умирающих. Иосифу Флавию и немногим подобным ему удалось скрыться в соседней пещере, и в это безопасное маленькое убежище вскоре был отправлен римский посланник из главного штаба. Веспасиан больше всего стремился превратить Иосифа Флавия из врага в союзника, а Иосиф Флавий в равной степени стремился передать свою силу более сильной стороне. Но с этим нужно было справиться. Его последователи не были так готовы, как он, действовать подобно крысам из пословицы. Посланнику было предложено подождать. 'Мы должны подчиниться воле Божьей', - благочестиво начал Иосиф Флавий, и, когда его спутники потребовали более ясного совета, он продолжил настаивать на том, что, поскольку им было отказано в смерти мучеников во время осады, было бы тщетно искать этого отличия сейчас. Лица вокруг выглядели наполовину убежденными, и затем, более смело, искуситель намекнул: 'Мы можем жить, чтобы служить Богу и нашей стране другими способами'. Нетерпеливые слушатели нахмурились; они достаточно запнулись, чтобы убежать, но не для того, чтобы окончательно пасть. Такие советы звучали для них как благочестивые, непатриотичные банальности. Хитрый командир быстро заметил мрачные взгляды своих товарищей и изменил тактику. Он заявил, что согласен с ними. - Вы правы, - воскликнул он, - лучше умереть, чем сдаться. Пусть наши собственные мечи будут хранителями нашей чести. Это был более желанный совет для людей в приподнятом настроении, и все они согласились умереть от рук друг друга, а последний оставшийся, как было условлено, должен покончить с собой. Они бросили жребий, чтобы решить, в каком порядке им следует умереть, и в конце концов, то ли по счастливой случайности, то ли благодаря хорошему управлению, Иосиф Флавий был одним из немногих оставшихся. Иосиф Флавий сразу же вежливо предложил стать палачом, но тот заколебался и предложил свои услуги в этом качестве Иосифу Флавию. Ни один из них на самом деле не хотел быть жертвой, и поэтому оба решили жить и вместе покинули пещеру. Иосиф Флавий сопровождал ожидавших его послов в Рим и был принят Веспасианом со всеми знаками уважения. Факт капитуляции был замалчиваем; Иосиф Флавий называл себя пророком, а не отступником, и утверждал, что исполняются события, которые он с самого начала предвидел. Веспасиан спокойно улыбнулся этим претензиям. Он получил то, что хотел, - сотрудничество Иосифа Флавия, и угрызения совести этого человека его не волновали.

ГЛАВА XI.

КОНЕЦ ВОЙНЫ.

1. Защита провинций.—История осады Иотапаты повторилась по всей стране. Одно укрепленное место, а затем и другое пали после героического сопротивления. Таричея, Гамала и Гишала - названия столь же почетные для евреев первого века, как Лакхнау и Севастополь для англичан девятнадцатого. Изучающим историю древние и современные имена в равной степени напоминают о терпении и отваге, которых не уstraшило численное превосходство. Но в случае с евреями весь героизм был напрасен. Гамала, как и Джотапата, пал, и Гишала была покинута, и Таричея был предан, и конец всегда был один и тот же, хотя средства различались. Веспасиан и его сын Тит, также сопровождаемые Агриппой, находившимся на временной службе, продвигались на север через страну с жалким подобием триумфального шествия. Прекрасное Тивериадское озеро покраснело, когда они проезжали мимо, не в лучах заката, а в крови; и ворота были открыты не в знак приветствия, а в ответ на удары таранов. Было короткое затишье, пока Веспасиан принимал свои императорские титулы в Риме, но в 69 году, когда он был коронован императором, он решил, что настало время, ради его собственной чести, полностью сокрушить эту маленькую зависимость. Титу было приказано наступать на Иерусалим, император рассудил, что, когда столица окажется в руках врага, угрюмое, упорное сопротивление провинций прекратится.

2. Дела в Иерусалиме.—Столица не была готова к встрече с врагом. Она проявляла себя сильнее в неповиновении, чем в обороне, и тратила время, энергию и припасы впустую в жалкой внутренней борьбе. В Иерусалиме были партия войны и партия мира, и каждая из них разделилась на различные фракции, и каждая нашла какую-то отдельную форму выражения. Партия войны была самой многочисленной и самой шумной. Каждый рвался в бой, но у каждого было свое собственное мнение относительно наилучшего способа ведения боя; и если каждый точно не рассчитывал сам занять командный пост, он, по крайней мере, придерживался твердых взглядов относительно достоинств и притязаний своих ближайших соседей. Зелоты, сражавшиеся под командованием Иуды Галилеянина в четвертом году, с тех пор стали еще свирепее, и люди похуже присоединились к поднятому им знамени восстания и опустили его. Те, кто кричал, что они будут повиноваться только Закону Божьему, теперь протестовали, что они не будут повиноваться закону Рима, а это была совсем другая позиция. По сути, это почти означало быть самим по себе законом и отвергать все признанные авторитеты. Во многих случаях эти люди отдавали себя во власть закона, и поэтому у них были личные причины ненавидеть его и бросать ему вызов. Другая крайняя часть народа, самая робкая, добилась бы мира любой ценой. Они съезжались при одном упоминании Рима и, потеряв доверие к 'сильной Руке и протянутой Руке', становились пугливыми и суеверными. Из уст в уста с трепетом передавались странные истории о 'свете, которого никогда не было ни на земле, ни на море', который появлялся и исчезал в звездных небесах и порывистыми отблесками раскрывал ужасный конфликт, бушующий между ужасными воинами. Банды самых беззаконных зелотов под заслуженным именем сикариев, или ассасинов, патрулировали улицы, в то время как

бедные души, видевшие видения, прятались в тени. "Ночной ужас" обрушился на обреченный город, "стрела, летящая днем" приближалась к его стенам.

3. Партия войны и Партия мира: их лидеры.— В начале своей карьеры у Иосифа Флавия был соперник в лице некоего Иоанна, который впоследствии был назначен командующим Гисхалой. Иоанн достаточно умело руководил обороной этого места, но в конце концов был вынужден капитулировать. Он принял римские условия, а затем сбежал от них. Была запрошена отсрочка с пропуском врага в Гишалу, и она была предоставлена, и Иоанн воспользовался этой отсрочкой, чтобы сбежать со всеми своими вооруженными сторонниками. Когда римляне вошли в город, там были только женщины и дети, которых нужно было увести в плен. Иоанн благополучно добрался до Иерусалима и, будучи на самом деле беглецом, был принят как воин и патриот, пришедший сложить оружие на службе обезумевшему городу. Скорее обстоятельства, чем его заслуги, обеспечили ему радушный прием. Правдивая история о падении Джотапаты только что достигла столицы. В те дни новости распространялись медленно, и люди полагали, что Иосиф Флавий погиб, сражаясь при Иотапате во главе своих людей, и искренне оплакивали его как героя и мученика. Когда им стала известна тайна темной пещеры и они обнаружили, что командир, которому они доверяли, предал свое доверие и был удобным предателем в римском лагере, их возмущению не было предела, и в их ярости Иоанн из Гишалы нашел свой шанс. Он присоединился к протестам против непатриотичного Иосифа Флавия, которого когда-то предпочитали ему. "Это твои боги, о Израиль!" - воскликнул он, и импульсивный народ, помня только, что этот человек был соперником ненавистного Иосифа Флавия и был обойден ради него, теперь стремился загладить свою вину. Они приняли Иоанна из Гишалы за лидера на основании его собственных показаний, и они не были достаточно спокойны, чтобы услышать фальшь в его храбрых словах, и были слишком ослеплены яростью, чтобы увидеть, насколько амбициозными и бесполезными были его, казалось бы, справедливые замыслы. Это было ужасное время. Зелоты призвали идумеян на помощь в обороне, и их присутствие в городе внесло еще один элемент раздора. Партия шла против партии, дом был разделен на дома; даже члены одной семьи принимали разные стороны, и руки и оружие, которые были крайне необходимы против Рима, с яростным гневом и подозрением были обращены против братьев-евреев. К этому времени более умеренные люди пришли к печальному пониманию того, что никакой героизм не мог предотвратить римское завоевание, что защита Иерусалима была в лучшем случае самым отчаянным шансом и что при таких людях, которые возглавляли военную партию, борьба должна была быть безнадежной. Это меньшинство верило, что своевременная уступка могла бы смягчить жестокость врага и сохранить для них их религию даже ценой гибели их страны. Более истинные патриоты выступали за примирение, и во главе их стоял старый добрый первосвященник Анания. Но его мягкий совет был отвергнут, а его сторонников обвинили в сочувствии Риму и осудили как предателей, а сам бедный старик еще до окончания войны принял насильственную смерть от рук зелотов.

4. Осада Иерусалима.— Это был сильный и красивый город, на который смотрел Тит, медленно объезжая стены для разведки. Иерусалим был построен в горной чаше. Даже в его руинах, и восемнадцать столетий спустя, о городе, который его поэты называли "радостью всей земли",

написано: "Я никогда не видел ничего более поразительного, ни один город, кроме Афин, чье местоположение не имеет такого исключительного значения".⁴ В те дни он был укреплен тремя огромными стенами, и Храм во всем своем великолепии находился внутри самой внутренней.. Евреям казалось невозможным, чтобы была взята даже первая и самая внешняя из этих защитных стен. Начатая Иродом Агриппой и сложенная из огромных блоков необработанного камня, стена теперь имела 45 футов в высоту и 17 в ширину, а через равные промежутки времени в ней было возведено 150 зубчатых башен. Но тараны гремели день и ночь, и после отчаянной обороны пала первая стена, затем вторая, и, наконец, только третья, самая внутренняя, осталась охранять Храм.

5. Отправлен посредник: предложены условия.—Тит на протяжении всей войны неизменно не был склонен к ненужной резне. Когда была взята первая стена, он намекнул на капитуляцию и предложил проводить различие между народом и гарнизоном в своих наказаниях. Он провел смотр своим великолепным войскам на виду у города, которому угрожал голод, в надежде склонить их к капитуляции, и отправил обратно искалеченных военнопленных, чтобы вызвать у них обоснованный страх перед его жестокостью. Все было напрасно; всякая идея компромисса была отвергнута, и когда во второй стене была пробита брешь, защитники обложили ее своими живыми телами и в течение трех ужасных дней фактически препятствовали продвижению завоевателя. Но и эта стена была взята, и тогда Тит, ничего не соображая, отправил Иосифа Флавия в качестве посланника, чтобы узнать, возможно ли договориться со своими соотечественниками о каких-либо условиях, кроме резни. Положение было отчаянным; римляне остались без города, а внутри бунтовали мятежники. 'В голоде, в жажде, в наготе, ни в чем не нуждаясь', они терпели 'осаду и стеснение своего врага'. И вот теперь к ним прибыл гонец с предложениями мира. Иосиф Флавий — он историк всего этого — рассказывает нам об этой беседе с удивительной откровенностью. Он подробно излагает свое собственное красноречие и выражает свое удивление по поводу возмущенного отказа какой-либо части народа даже слушать его. Возможно, по этому поводу было некоторое взаимное удивление. Если Тит был искренен в своем желании прийти к соглашению, то Иосиф Флавий, безусловно, был странно выбран послом. По правде говоря, одного вида этого беглого предателя, который так удобно встал на ноги, должно было быть достаточно, чтобы заставить самого миролюбивого гражданина схватиться за свой меч. Его миссия, конечно, провалилась. Иосиф Флавий вернулся к своему римскому покровителю, а его народ вернулся к своей невозможной защите. Напрасная надежда иногда лучше осуществленного желания. Ни один из этого героического гарнизона, несмотря на все их страдания, не поменялся бы местами с Иосифом Флавием.

6. Разрушение Храма. Как и подобает царству священников, их Храм стал для евреев, в буквальном смысле, их оплотом и оборонительной башней. Если бы только они поклонялись в этих 'пределах драгоценных камней' с половиной того рвения, с которым они сражались там, конец мог бы быть совсем другим. 7 августа 3830 года еврейской эры (что соответствует 70 году н.э.) был подожжен внутренний дворик Храма. Весь этот день и весь следующий пламя тлело, и люди, изнемогающие от голода и изнемогающие от горя, смотрели на это тусклыми глазами, не обращая внимания. Затем их настроение снова изменилось, и утром 9-го числа с отчаянным усилием они бросились на римские мечи. Они были отброшены назад, и Тит, видя, что наступил

кризис, созвал поспешный военный совет, чтобы решить судьбу Храма. Его генералы, страдая от их отпора, проголосовали за его полное уничтожение. У Тита были какие-то человеческие чувства, какое-то сочувствие к этой страсти к обороне. Он пощадил бы иудейский Храм и удовлетворился бы водружением римского орла на его стены. Это было спасено от последней деградации. В тот же вечер отряду римских солдат было приказано тушить тлеющую золу в почерневших монастырях. Сдерживаемый народ, изнемогающий от голода и неугомонный от нищеты, снова разразился бессильной яростью. Их снова оттеснили к самым дверям Храма, и римский солдат в беспечном гневе взял горящую головню и бросил ее вслед отступающей толпе. Он упал на какой-то легковоспламеняющийся материал в подъезде, и вскоре сам Храм был охвачен пламенем. Тит бросился на место и попытался руками и голосом остановить разрушительную работу. Было слишком поздно. Тень от меча приподнялась в свете пламени. Затем это тоже поблекло и вымерло, и тьма сомкнулась над евреями, густая тьма, которую можно было ощутить.

КНИГА II.

С 70 По 1600 ГОД.

ТЬМА.

תְּמָאָה וְיָהִי

ИСХОД х. 22.

"Трагедия длиною в полторы тысячи лет".

ГЛАВА XII.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

1. Тит завершает свое завоевание.—Со взятием столицы война практически подошла к концу. Иерусалим, ‘более величественный в своем падении, чем даже в дни своего великолепия’, находился в руках римлян, и Тит не медлил и не проявлял снисхождения к остальной части своей работы. То, что уцелело от огня и меча, было приказано намеренно уничтожить, и руины города, его Храма и стен сравнялись с землей. Главные руководители обороны были доставлены в Рим, и Иоанн Гисхальский проявил большой интерес к триумфальному въезду Тита. Вскоре состоялась церемония, в которой честолобивый еврейский солдат снова сыграл первую роль; его вывели на публичную казнь.

2. Масада. — Было три крепости, которые выстояли даже после падения Иерусалима, и одна из них, по имени Масада, в определенном смысле так и не была взята римлянами. Гарнизон этого места командовал потомок Иуды Галилейского по имени Елеазар. Елеазар совершенно не надеялся на победу и совершенно не боялся смерти. Когда он обнаружил, что вторжение врага - всего лишь вопрос нескольких часов, он созвал весь свой маленький мирок и произнес перед ними речь. Он рассказал им о римском способе обращения с военнопленными и предложил им сделать выбор между капитуляцией и самоубийством. Как голос одного человека, прозвучал ответ девятисот человек, которые слушали его. 'Мы умрем от своих собственных рук, мы, наши жены и наши дети; лучше смерть, чем бесчестье'. Затем они намеренно подожгли свои бедные жилища и обменялись смертельными ранами. Так, руководствуясь кострами, зажженными мертвыми руками, и спотыкаясь о не сопротивляющиеся трупы, римляне вошли в безмолвный город и овладели последним оплотом евреев.

3. Что стало с главными действующими лицами.—Из-за событий войны Ирод Агриппа потерял свое царство и репутацию, но он сумел сохранить свое состояние, и это сохранило ему друзей, о которых он заботился. В Риме его очень ценили. Он, его деньги и его очаровательная сестра Береника были очень желанными гостями при дворе императора Тита. Иосиф Флавий очень часто бывал в этой компании. Выйдя на пенсию, он занялся литературой, и ему почти удалось запятнать ее репутацию. Он написал 'Иудейские войны' и 'Иудейские древности', а также свою собственную наиболее поучительную автобиографию. Все эти работы являются очень ценным вкладом в историю — фактически, это главные и почти единственные дошедшие до нас записи об этих событиях; но в каждой из его книг доказательства авторства достаточно очевидны, чтобы сделать их несколько ненадежными. В знак уважения к своим римским покровителям Иосиф Флавий взял фамилию Флавий. Он жил в лучах императорской милости и сумел найти трех женщин подряд, которые вышли за него замуж. Мы можем заключить, что они не были еврейками.

4. Что стало со Страной и Народом. Палестина была разделена на участки; части земли были отданы в качестве награбленного римским солдатам, а другие были проданы тем, кто больше заплатит. Многие люди были убиты наповал; многих приберегли для более артистичной смерти в гладиаторских боях или в схватках с дикими зверями. Некоторых из них угнали в рабство, а некоторые остались рабами на земле. Рынки рабов по всему миру были переполнены, и еврейские пленники стали наркотиком на прилавках. Как граждане отдельного государства евреи перестали существовать. У них больше не было национального центра. Задолго до разрушения Иерусалима началось рассеяние нации, но теперь оно было полным и, так сказать, официальным. Евреи жили в Александрии со времен Птолемея, а в Риме - со времен Помпея; в то время их можно было встретить во всех местах, достаточно важных, чтобы их помнили, по всем обширным римским владениям. Евреев было много в Антиохии, в Греции, в Италии, на северных побережьях Африки и на солнечных островах Средиземного моря. Но все эти рассеянные и отделенные евреи до сих пор были верноподданными мыслями к Иерусалиму, и добровольный налог, взимаемый 'с того, кто был рядом, и с того, кто был далеко', регулярно пересылался в Иерусалим каждый год для поддержки Храма. Этот самый налог

теперь использовался как средство для вытеснения национальности из народа. Тит постановил, что отныне каждый взрослый еврей в его владениях должен вносить аналогичную сумму на содержание храма Юпитера.

5. Спасение.—Смиренно мириться с предотвратимым злом - это только меньшая слабость, чем постоянно беспокоиться о том, чего не избежать. Евреи в этот переломный момент своей истории не впали ни в одну из ошибок. Они поняли, что потерпели крушение, и храбро огляделись вокруг, чтобы посмотреть, кого еще можно спасти. Их страна исчезла, их национальность оказалась под угрозой, их религия была в опасности. Их 'Закон' остался за ними. Они сделали из этого плот и спасли иудаизм.

6. Йоханан бен Саккай: школы.—После падения Иерусалима некоторые члены ныне бездомного Синедриона попросили и получили разрешение Тита обосноваться со своими свитками в Джамнии, деревне на морском побережье, недалеко от порта Яффо. Йоханан бен Саккай в то время был президентом Синедриона, и он сразу же созвал своих учеников и основал школу. Вскоре такие школы стали всеобщими, но та, что в Джамнии, была первой и самой известной и называлась "Виноградник". Хорошее название и, как оказалось, пророческое; для запаса живительного вина, которое начал давать этот виноградник. Их Закон за очень короткое время занял место Храма в сердцах людей. Он стал новым еврейским оплотом, и мало-помалу раввины разместили в нем гарнизон. Это было мудрое движение, и Йоханан был именно тем человеком, который мог его возглавить. У него был не только сентиментальность, но и здравый смысл, и он был столь же практичен, сколь и патриотичен. 'Бойтесь Бога так же, как вы боитесь людей', - таков был самый последний совет, который Йоханан дал своим ученикам. Тогда он был стар и смертельно болен, и некоторые из тех, кто слушал, раскритиковали эти слова. Они показались недостаточными для данного случая. От последнего высказывания многого ждут. 'Что?' с сомнением спросили ученики. 'Бойтесь Бога только так, как мы боимся Его созданий?' 'Даже так', - последовал ответ слабым, волнующим тоном. "Вы боитесь поступать дурно в присутствии человека; вы всегда находитесь в присутствии Бога; поэтому бойтесь Его, как вы боитесь своих ближних".

7. Непредвиденный результат войны: евреи-христиане.— Было одно печальное и продолжительное последствие войны с Римом, которое естественным образом вытекало из сложившихся обстоятельств, но которое не может быть возложено непосредственно на Рим. Тридцать лет прошло со смерти Иисуса и обращения ревностного апостола Павла. Немногочисленные последователи превратились в секту, не очень большую, не очень важную и пока еще не очень ярко выраженную в своих взглядах. Члены секты были известны как иудео-христиане и, возможно, в то время принадлежали в равной степени к тем и другим. Война с Римом сделала разделение между евреями и христианами резким и окончательным. Борьба на стороне евреев была борьбой за жизнь, за национальное существование. Они были так страстны и так серьезны, что даже помощь самаритян и идумеян, впервые в своей истории, была принята евреями. В условиях острой необходимости совместных действий все различия казались незначительными, и их нельзя было игнорировать перед лицом того факта, что их

страна находилась в смертельной опасности. Единственным непростительным грехом в глазах иудеев было то, что любой еврей по какой бы то ни было причине холодно держался в стороне. Среди евреев существовала партия мира; небольшое меньшинство, которое, как мы видели, искренне и печально верило в невозможность победы и которое выступало за примирение по принципу спасения того, что можно было спасти. Эта партия позволила бы стране уйти - при условии, что их религия была оставлена им в неприкосновенности. Они даже не были слишком популярны. Но иудеохристиане отличались от них. Они надеялись на успех римского оружия и именно во имя религии отказались помочь своим соотечественникам. Они заявляли, что видят исполнение пророчества в разрушении Иерусалима. Они отказались быть по другую сторону от пророков. Они верили, что Храму было суждено пасть, и они не будут сражаться, чтобы предотвратить его судьбу. Ко всему этому они призывали вполне серьезно и вполне религиозно в свете своего нового толкования Священных Писаний. В любое другое время их мнения вызвали бы лишь дискуссию в школах; в этот кризис национальной истории это вызвало национальное негодование. С точки зрения патриотически настроенных евреев, эти другие, евреи по расе и по родству, евреи, которые по религиозным соображениям отказались нанести удар за Иудею, были не только отступниками, но и предателями. Заповеди Иисуса и практика этих его первых последователей постепенно стали рассматриваться как причина и следствие. Все движение стало ненавистным евреям, социально, религиозно и политически ненавистным. Ненависть порождает ненависть и углубляет разделение. Маленькая секта иудео-христиан постепенно становилась все менее и менее иудейской и все более и более христианской. Особое положение, которое они заняли во время войны, придавало им определенный статус и было еще одной причиной их роста численности и значимости. Трещина, которая поначалу была такой крошечной между старым учением и новым, расширилась и углубилась, а новые причины для вражды не позволили ей закрыться по мере того, как годы перетекали в столетия.

ГЛАВА XIII.

ВОССТАНИЕ При АДРИАНЕ.

1. Покоренные евреи на Западе.—Первые несколько лет после падения Иерусалима, в отличие от того, что было до этого, не были, как это ни странно, совсем несчастливym временем для евреев в Палестине. Худшее наступило, и худшее оказалось не таким ужасным, как ожидание его. Римляне были суровыми хозяевами, но не мстительными. Пока евреи принимали новые условия, они не применялись жестоко, и ни в какие частные религиозные обряды обездоленных людей не вмешивались. Рабы во многих случаях покупали свою свободу. Их школы представляли интерес для покоренных евреев и были связующим звеном между ними; и какими бы рассеянными они ни были и в какой-то степени презируемыми, какими они были, евреи не деградировали. Существование их Синедриона с его достойными литературными работниками, избранными из их собственных рядов, поддерживало их чувство самоуважения. Глубокой была преданность, испытываемая по отношению к председателю Синедриона. Он стал в некотором роде некоронованным королем этого падшего народа. Они называли его своим מלך "принцем"; и, не имея ни пяди территории, этот духовный властелин приобрел очень широкую и вполне реальную власть над сердцами и умами своих братьев. Внутреннее управление различных

еврейских общин в Римской империи было различным. В Александрии глава, которого греки называли этнархом, председательствовал в совете из семидесяти старейшин. В Риме каждая из многочисленных синагог имела свою отдельную администрацию и свое отдельное название. Почти в каждом месте, где собирались евреи, был свой маленький совет, своего рода миниатюрный синедрион, который занимался местными еврейскими делами. Но все различные общины западного мира, какими бы разделенными они ни были, имели одну общую черту: все они признавали верховную власть *WBR_ж* ' или президента на тот момент Синедриона в Палестине. Его стали называть патриархом, и его штаб-квартира находилась сначала в Джамнии, затем в Сепфорисе, а затем в Тверии.

2. Современные евреи на Востоке.—Изгнанники и пленники в Вавилонии и Месопотамии веками вели спокойную жизнь. Они, как и их собратья, были расой пленников, но парфянские цари, как и персидские, были более мягкими хозяевами, чем римляне, и, возможно, сами вавилонские евреи были более терпеливыми, чем палестинские евреи. Во всяком случае, быть подданным в изгнании было легче, чем быть подданным на родной земле. Разрозненные общины, расселенные между Тигром и Евфратом, постепенно создавали школы и учебные заведения в стране Вавилонян. Кроме того, руководители этих школ (*כלי רִישִׁי*), был политическим руководителем или начальником, которого восточные евреи вложили много общего власти, и которых они называли *נְלוֹתָא רִישִׁי*, главы или князя из плена.

3. При Траяне.—Спокойное время для евреев закончилось в правление Траяна, который был императором Рима с 98 по 117 год. Он предпринял поход против Парфии, и это подняло всех еврейских подданных Парфии на восстание, частично в поддержку своих парфянских хозяев, а частично, возможно, в страхе перед Римом и судьбой своих западных братьев. Траян завоевал Парфию в 114 году, но его смерть положила конец страху евреев перед римским владычеством на Востоке, поскольку преемник Траяна, Адриан, отказался от этого последнего завоевания.

4. Политика Адриана.—Адриан, когда он стал императором в 117 году, вернул Парфию парфянам. Он обнаружил, что ему нужно было сделать достаточно, чтобы сохранить то, что он получил. Но еврейская готовность восстать против римского превосходства не ускользнула от него. Он не забыл, как быстро евреи сражались. На востоке или на западе ему казалось, что если бы в воздухе витало дуновение свободы, то оно превратилось бы среди этой еврейской расы в настоящий вихрь. Почему бы им не подчиниться Риму и не отказаться от своей собственной национальности? Более великие народы, чем они, более или менее мирно жили под римским игом, в то время как подчинить эту крошечную, вызывающую беспокойство зависимость было поручено Титу! Покорить евреев было недостаточно; они хотели сокрушения. Таков был взгляд этого нового императора на дело, и он приступил к нему. Он был достаточно проницателен, чтобы увидеть, что в основе этого упорного еврейского сопротивления лежала религия; что евреи боролись за свои убеждения не меньше, чем за свою страну; что они были людьми Книги, а также людьми своей Земли. Рассуждая таким образом, император Адриан решил вырвать эту еврейскую религию с корнем, а не довольствоваться обрезанием ветвей, как это делали его предшественники. Он проведет лемехом плуга по Иерусалиму, он построит на

его месте новый город с новым названием, а на том месте, где раньше стоял Храм, он воздвигнет святилище Юпитеру. И он сделал все это, и все же потерпел неудачу. Языческий император не знал, что иудаизм был совершенно неподвластен его легионам. Он никогда не слышал: "Ни одно оружие, созданное против тебя, не преуспеет. Это наследие слуг Господа". Если бы он услышал, то, вероятно, не обратил бы внимания. Но он, безусловно, сделал все, что в его силах, чтобы достичь своей цели.

5. Евреи в восстании: их лидер. Ни один Иосиф Флавий не оставил подробного описания последней борьбы между евреями и Римом, и очень многие подробности вообще отсутствуют. В целом мы знаем, что еврейское сопротивление Адриану продолжалось три года, с 132 по 135 год; и что Юлия Севера пришлось отозвать из Британии, прежде чем римлянам удалось добиться успеха. Евреи сражались против Адриана так же, как пятьдесят лет назад они сражались против Тита, с упрямой отвагой людей, которые ценили свою собственную жизнь меньше, чем жизнь нации. Их возглавлял человек, которого в начале восстания они в своем энтузиазме называли Баркочба, сын звезды, а в конце, в своем отчаянии, Баркосба, сын лжи. Его настоящего имени мы не знаем. Он сражался и умер, сражаясь и защищая правду, как он в нее верил; и до сих пор, хотя он потерпел неудачу, он занимает свое место среди героев истории и заслужил право на титул, присвоенный ему первым. Его претензии ко второму, к счастью, менее ясны. Традиция повествует о трюках, которые он проделывал, чтобы склонить людей к мысли, что его силы были сверхъестественными; и есть также истории, рассказанные для его дискредитации, которые, если они правдивы, могли бы сделать 'самозванца' вольным переводом Баркосбы. Но единственные факты, в которых мы уверены, это то, что он руководил палестинскими евреями в их втором восстании против Рима с 132 по 135 год; что на какое-то время казалось возможным осуществить слабую надежду народа и что Баркохба овладел руинами Иерусалима; что он и его последователи были оттуда вытеснены и что последний бой против римского врага был дан в укрепленном месте под названием Битер, который пришелся на ту же печальную годовщину, 9 Ав, которая уже была полна роковых воспоминаний для евреев.

6. Акиба: романтика его юности.— Был один хороший и знаменитый человек, который верил в Баркочбу и был рядом с ним до конца. Это был Акиба, один из величайших раввинов, который оставил свои книги и свой дом, чтобы разделить опасности кампании, и нести знамя рядом с еврейским лидером. И книги, и дом значили для Акибы больше, чем для большинства мужчин, потому что он не унаследовал это счастье, но должен был работать и ждать его. Это была романтическая история. Он, как и Моисей, был пастухом. Вдоль скалистых потоков и по травянистым равнинам бродил он со своими стадами, пока однажды не встретил прекрасную девушку, и они гуляли и разговаривали вместе, и тогда, казалось, долгий чудесный летний день необъяснимым образом сократился. Он и девушка сразу же полюбили друг друга. Но она была дочерью богатого человека, и ее отец, когда услышал об этом, очень рассердился. Он заявил, что она не должна выходить замуж за "этого нищего", что означало оскорбления, и не совсем правдивые, потому что Акиба не был нищим. Тогда отец пригрозил. Он сказал, что у нее не будет состояния, если она будет упорствовать в своем 'безумии'. Девушка была слишком сильно влюблена, чтобы заботиться о деньгах, и Акиба, который, возможно, колебался и не считал

честным жениться на богатой девушке, с радостью взял ее теперь, когда она была бедна и не имела друзей. Итак, они поженились и какое-то время были невероятно счастливы. Но, конечно, это был неразумный брак. Они были очень бедны, им приходилось спать на соломе и ходить в поля, чтобы собрать ее. Жена Акибы была разумной женщиной, а также любящей; из тех женщин, которые будут делать своему мужу добро, а не зло, все дни его жизни. Она видела, что так больше не может продолжаться. Она знала, что у ее мужа есть талант; она посоветовала ему уехать и поступить в одну из школ, где его таланты были бы признаны, и у него была бы возможность учиться. Она сказала, что не пойдет с ним, чтобы быть ему обузой: он должен трудиться, а она будет ждать. Итак, он ушел, и годы тянулись медленно и печально для нее, потому что ее отец был неумолим; медленно и успешно для него, потому что незнакомые люди были добры. У него был не только талант, но и упорство, и когда, наконец, его выбрали главой колледжа, в который он поступил бедным студентом, он вернулся на родину за наградой. К тому времени он был известным раввином, и толпы людей стекались вокруг него в нетерпеливом приветствии. Одна потрепанная большеглазая женщина немного попятилась, но Акиба увидел ее и сразу узнал, хотя вся ее девичество и половина красоты исчезли. Он вывел ее вперед, крепко прижал к себе и с гордостью рассказал историю о ее терпении и доверии к нему сочувствующим зрителям. И пока они слушали, пришло сообщение от богатого человека, который не присоединился к общей приветственной толпе. Он хотел посоветоваться со знаменитым раввином, чей визит был событием и честью для этого места. Этот богатый человек, должно быть, был одним из тех евреев, которые в душе называют себя евреями; он очевидно, не был евреем ни по своим действиям, ни по своим интересам, иначе он наверняка услышал бы, что Акиба был чем-то большим, чем выдающийся незнакомец. Однако Акиба пошел к нему и обнаружил, что требуется его совет. Богатый человек рассказал раввину о данном им обете никогда не видеться со своей дочерью и не помогать ей; он уже старел — мог ли раввин предложить какой-нибудь способ сознательно нарушить этот обет? "Вы бы не возражали, если бы ваша дочь вышла замуж за выдающегося ученого, даже если бы он был беден?" - спросил раввин. 'Нет,' озадаченно ответил отец, 'но она вышла замуж за глупого нищего'. 'Что ж,' сказал Акиба, улыбаясь, - я не знаю, тот ли я выдающийся ученый, как меня называют люди, но я точно знаю, что я тот самый Акиба, который женился на вашей дочери'. Итак, все закончилось счастливо, и добрая, терпеливая жена вернула себе мужа и отца одновременно.

7. Акиба: романтика его возраста. — Это была главная сторона истории жизни Акибы. В школах он занимал почетное место и всю свою жизнь был так же верен своим обязанностям, как и своим привязанностям, и был верен и тому, и другому даже до смерти. Во время восстания против Рима ученый превратился в солдата, а муж был патриотом. Акиба стоял рядом с Баркохбой до последнего, и когда Битер пал, римляне взяли его в плен и самым жестоким образом предали смерти. Но его прекрасный энтузиазм не покинул его даже под пытками. Существует талмудическая легенда, что он улыбнулся своим палачам, и что один из них насмешливо воскликнул бедному старику, медленно умирающему у них на руках: 'У тебя такой вид, словно ты радуешься!' 'И я верю', - последовал решительный ответ. "Каждый день своей жизни я повторял *שמחה*. Сегодня я впервые чувствую, что значит любить Господа Бога моего всем своим сердцем, и всей своей душой, и всеми своими силами. Как мне не радоваться?"

8. Решение Адриана выполнено.—Смерть Акибы была последним актом в этой войне, которую Талмуд называет 'войной на истребление'. Адриан сделал то, что сам себе предложил сделать. Над тем, что когда-то было Иерусалимом, провели лемехом плуга, и был заложен фундамент нового города, который называли Элия Капитолина — Элия в честь Императора, Капитолина в честь Юпитера. "Сто пятьдесят лет спустя Иерусалим стал термином древней географии".⁵ Евреи Палестины были истреблены тысячами. Многих продавали в рабство по той же цене, что и лошадей, на ежегодной ярмарке, проходившей недалеко от Хеврона. Иудея практически превратилась в пустыню. По разрушенному городу рыскали волки и гиены, а те из людей, кого не продали и не зарезали, вели изгнанное, запуганное существование в горных пещерах. Одно право римский император уступил евреям, которых он 'сокрушил'. Раз в год им предоставлялась возможность 'купить свои собственные слезы', как выразился церковный историк святой Иероним. На протяжении всех долгих месяцев им под страхом смерти запрещалось приближаться к городу. Но в каждую годовщину разграбления Иерусалима все евреи, кто желал, могли подойти поближе и посмотреть на то, что было 'радостью всей земли'. Изгои могли прийти и прислониться к обломку стены, который был всем, что им осталось от всего, что когда-то принадлежало им. Они могли плакать и молиться; но если они просили подождать и поплакать немного дольше, чем разрешено законом, тогда римский стражник, наблюдавший за ними, мог назначить свою собственную цену за эту привилегию. Он мог заставить их "купить свои слезы".

ГЛАВА XIV.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ШКОЛ: ИХ РАБОТА.

1. Одно из чудес истории. Если, дрожа зимой, мы стоим в замерзшем поле, полном сухих коричневых деревьев, сплошь пни, сучья и ветви, выглядящие одинаковыми и безжизненными, мы с трудом можем поверить, что через шесть месяцев это голое поле превратится в цветущий фруктовый сад, на который сквозь розово-бело-зеленый полог будет падать солнечный свет. Это кажется чудом, и в каком-то смысле так оно и есть. Подобно природе, в истории тоже есть свои чудеса, и оба вида чудес легко понять, если вспомнить, что "цари земли и все люди", такие как "снег, град и штормовой ветер" דְּבָרָיו עֲשֶׂה, "исполняют Его слово". Адриан оставил Иудею пустыней, а жизнь, как он думал, вытеснила иудаизм из нее. Едва он умер — он умер в первый день 138 года, — как на кажущихся безжизненными веточках начали дрожать свои маленькие нежные побеги. То, что можно назвать лесным дубом, славным Храмом, было безнадежно разрушено бурей, но, чтобы поддержать сравнение, от него были посажены маленькие черенки, которые поливали слезами, и они пустили корни и выросли. Небольшие молитвенные дома стали обычным явлением по всей стране. И эти молитвенные дома служили также двойной цели, демонстрируя тесную практическую связь, существующую между благотворительностью и религией. 'Хорошо молится тот, кто хорошо любит'. Эти маленькие здания использовались также как временные жилища для бедных странников, которым там предоставляли бесплатное питание и ночлег. Чтение שִׁיר in our synagogues on the eves of Sabbaths and holy days, and of the הַבְּדִלָּה И в этих древних, скромных синагогах, как и в наших более величественных современных,

присутствие десяти человек (*миньян*) было достаточным началом собрания. Одна за другой вновь открывались школы Палестины, и к 175 году Синедрион начал активную работу во главе с Симоном, шестым президентом по прямой линии от Гиллеля.

2. Школы: их работа.—Штаб-квартиры школ запада были расположены в Тверии, а центр восточной группы находился в Суре. *כֹּהֵנִי*, или Князь, был патриархом западных евреев; а *נְלוּתָא רִישִׁי* Но между патриархом и князем существовала большая разница, как в социальном, так и в религиозном положении. Патриарх на западе был председателем Синедриона и обычно отличался образованностью и знанием Закона; принц на востоке был всего лишь политическим вассалом персидского или парфянского двора. Некоторые ‘принцы’ добились отличия в знании Закона, но это было случайностью их положения, а не причиной или следствием этого. У каждой восточной школы был свой президент. Высшие колледжи, или Каллы, заседали не всегда; они собирались только на несколько месяцев в году. Работа, которую они выполняли, была не совсем похожа на университетское образование наших дней, хотя имя Каллах, возможно, имеет сходное значение. Некоторые комментаторы находят корень этого слова в *כָּל*, что означает "все" или "универсальный". Учение, безусловно, было таким во всех смыслах. За неделю до каждого фестиваля читались популярные лекции, и любой желающий мог войти в залы. Часто ставились палатки для размещения дополнительных номеров. Говорят, что у одного преподавателя того периода было 1200 собственных постоянных учеников. Профессора, однако, не читали лекций, которые их студенты более или менее внимательно записывали. Обучение в этих колледжах проводилось посредством дискуссий. На вопрос отвечали контрвопросом, а ответы часто заключались в притчу или аллегорию. Поощрялись самые широкие отступления. Простое упоминание о каком-нибудь историческом персонаже, который где-то жил, возможно, привело бы к долгим дебатам по политической географии; они могли бы перерасти в описание физических особенностей места или названных людей, а это снова в оживленный ботанический или даже физиологический дискурс. В ‘курс’ обучения были включены всевозможные предметы — этика, метафизика, юриспруденция и все науки, на которые был способен тот период. Астрономия была одним из любимых предметов, и некий знаменитый ученый по имени Самуил, умерший около 250 года и бывший другом Шапора, царя Персии, сказал: "Пути небесных тел мне так же ясны, как улицы Нехардеи".

3. Руководители школ.—Если метод обучения несколько отличался от нашего современного, то не менее отличались и инструкторы. Многие из самых выдающихся ‘врачей’ были всего лишь скромными торговцами. Часто изготовителями палаток или сапожниками, плотниками, ткачами или пекарями. Один из них, рабби Садок, недвусмысленно учил: ‘Используй Закон не как корону, которой сияешь, и не как лопату, которой копаешь’. Их практика выражала их веру в то, что труд - это одна из форм похвалы, и, возможно, не в последнюю очередь достойная восхищения. Они ненавидели праздность и любили учиться. Им удавалось полностью задействовать свои головы и руки, и они также поддерживали свои сердца в активном и здоровом состоянии, поскольку целью их учебы было благо других, а не самосовершенствование. The *Танаим*⁶ не занимались написанием книг, но они делали хорошую обувь, хорошие палатки и хорошие хлеба, и из них получались хорошие и довольно

образованные молодые евреи. Так что мы, их потомки, можем быть благодарны как за то, что они сделали, так и за то, чего они не делали.

4. Моральное влияние школ.— Поскольку евреи были рассеяны среди всех людей, эти школы стали волнорезом против потоков варварского невежества и нечестивого культивирования, которые бушевали вокруг. Школы давали религиозное образование в самом широком смысле этого слова, поскольку слово Божье служило текстом для каждой дискуссии и для каждого дискурса. Руководство по охране здоровья, кодекс справедливости, тема для литературы, поле для всех отраслей исторических и научных исследований были найдены в Библии. "Проверни это и еще раз проверни, - говорит Мишна, - ибо в этом все". "Закон" был для еврея сокровищницей знаний, а также "древом жизни". Второстепенным моральным принципам, повседневным добродетелям трезвости, довольства собой и жизнерадостности ученики, должно быть, научились на примере своих скромных и трудолюбивых учителей.

5. Политическое влияние школ.— Политически эти школы объединяли евреев и сохраняли их как нацию. Каждую общину по очереди посещал легат патриарха, и это привело весь рассеянный народ к тесным отношениям. И помимо этой официальной связи друг с другом, существовало чувство масонства, которое всегда существует среди ученых и которое поддерживает узы взаимного интереса. Организация школ также помогла и подтвердила это чувство общности. В Каллах не было никаких классовых различий, не было широкой границы между "городом и мантией" - абсолютно никаких различий, за исключением характера и умственных способностей, между учеником и студенткой или даже между студентом и профессором. Все те, кто учил, и все те, кто учился, были рабочими и всем народом. Эта старая еврейская школьная система создала демократию очень чистого и патриотического толка, в которой не было места демагогам.

6. Литературное влияние школ.— Литературное влияние было самым длительным из всех, поскольку Талмуд был его результатом. 'Моисей заповедал нам закон'. С самого начала 'Закон' нужно было объяснять и применять. Неписанные записи о бесчисленных примерах, в которых это объяснялось и применялось, со времен Моисея до Ездры, стали к этому времени огромным традиционным хранилищем. К каждой фразе и почти каждому слову в Пятикнижии были приложены комментарий и прецедент. Комментарии к Закону датируются его дарованием на Синае. Возьмем, к примеру, заповедь 'Вы должны жить в шалашах'. На первый взгляд это выглядит достаточно просто. Но вскоре возникнут вопросы. Означало ли 'вы' мужчин, женщин и детей? включало ли "жилище" сон и прием пищи? из какого материала должны были быть "будки"? Все эти моменты были бесконечными темами для комментариев и практически решались обычаями. Комментарии к этому времени разрослись до неуправляемой массы, а обычай, по мере рассеивания, становился несколько неопределенным и неурегулированным. Пока стоял Храм, а люди жили на своей земле, мудрые и образованные люди всегда были под рукой, чтобы разъяснять Закон, и не было необходимости хранить все изменчивое богатство традиций, так сказать, в одной банке. Но когда школы были разбросаны и могли в любой момент закрыться, возрос страх, что валюта, так сказать, может обесцениться и, возможно,

некоторые ценные ее части вообще будут потеряны. Постепенно сформировалось решение превратить устный Закон в письменный и превратить традиции семнадцати веков в авторитетный кодекс. В каком-то смысле это было жаль, потому что мудрецы, которые получили знание Закона Моисея с его традиционной интерпретацией через *наставления живым голосом*, были лучше способны постичь истинный дух Закона и традиции, чем те, кому приходилось полагаться на мертвую букву книг. После того, как это будет записано, могут возникнуть недоразумения, и то, что было полезно в качестве направляющей вожжи, неловкими руками может быть скручено в хомут или уздечку. Существовала опасность, что даже очень серьезные люди воспримут этот новый письменный закон с таким энтузиазмом, что будут считать его вторым откровением и приравняют к самому Закону. Но мало что является несмешанным добром или несмешанным злом. В большинстве вопросов необходимо соблюдать баланс, и здесь, безусловно, было лучше рискнуть некоторыми недостатками при превращении устного Закона в письменный, чем столкнуться с серьезной вероятностью его постепенного полного забвения. Гиллелю, за 30 лет до нашей эры, впервые пришла в голову идея собрать и просеять огромные традиционные запасы; и примерно в 200 году принц Иегуда, или Иегуда Святой, как его часто называют, седьмой президент Синедриона после Гиллеля, серьезно приступил к работе по компиляции. Это была нелегкая работа. Ручейки из 'источника живых вод', которые впервые потекли на Синае, разделились на два русла — Галаху, правило; и Агаду, легенду - одно было спорным и юридическим комментарием к Закону, другое - разговорным, поэтическим и дискурсивным. Иегуда ха-Наси собрал весь обширный запас Галахи: традиции и толкования дикой природы, решения судей, конституционные обычаи при царях, искренние общения изгнанников, яркие толкования Ездры, а также более поздние комментарии и обсуждения в школах. Иегуда ха-Наси классифицировал все это скопление Галахи, и к 200 году он разделил все это под шестью различными заголовками примерно на пять сотен глав. Сборник раввина Иегуды стал известен как Мишна, от корня *למד* "учить наизусть", в отличие от Микры, что означало чтение Библии, от *קריאה* Мишна содержит почти четыре тысячи правил, разделенных на шесть глав: Семена, Праздники, Женщины, гражданское и уголовное право, законы о жертвоприношениях и законы Чистоты. Позже к этому кодексу была добавлена Гемара, которая является своего рода дополнением и комментарием к Мишне и включает в себя хранилище Агады. Мишна и Гемара вместе образуют Талмуд. И по мере роста литературы по Талмуду, которая была литературой, более или менее предназначенной для образованных людей, и была результатом научных дискуссий в школах, выросла также система популярных лекций, библейских разъяснений и проповедей для народа. Эти беседы читались в синагогах и легли в основу литературы мидрашим (Мидраш, от *מדרש*) Язык талмуда частично раввинский иврит, частично арамейский. Существуют два талмуда: Иерусалимский талмуд и Вавилонский талмуд. Вавилонский является более совершенным и авторитетным, и был завершен неким ученым рабби Аши примерно в 500 году. Задолго до этой даты палестинские школы одну за другой пришлось закрыть, и палестинские ученые в основном эмигрировали в Вавилон.

ГЛАВА XV.

ХРИСТИАНСТВО как ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ.

1. Как новая вера распространялась среди язычников.— В то время как ростки от семени, посеянного Моисеем, обмолачивались в школах, на возвышенностях собирали урожай, собранный апостолом Павлом. Новая религия добилась прогресса за первые триста лет своего существования, но без практики всеобщей любви, которой она якобы учила. Христианская заповедь 'Любите друг друга', действительно, через триста лет после смерти Иисуса, соблюдалась еще реже, чем предписание Моисея, на котором оно было основано, "Возлюби ближнего твоего, как самого себя", через триста лет после смерти Моисея. Но, несмотря на то, что секты в христианстве уже были многочисленны и драчливы, новая вера оттесняла язычество к стене, и нетрудно понять, как это произошло. Для евреев догма о Троице была и всегда остается немыслимой; но для язычников это было желанным прореживанием рядов на их переполненном Олимпе. Христианство дало им гораздо более чистое и простое представление о Божественности, чем они до сих пор придерживались, и такие отступления от старой морали, которые им было предложено принять вместе с новой доктриной, не были утомительными. Все обряды и многие ограничения Иудейского закона Павел, как мы знаем, отбросил, и таким образом, его учение было хорошо воспринято язычниками почти с самого начала. Павел был сговорчив, и прозелитов в первые дни завоевывали убеждением; но христианство, окрепнув, стало агрессивным, и к концу третьего века оно стало политической, а также религиозной угрозой языческому господству. В 306 году, когда Константину после борьбы удалось обрести императорское достоинство, он ясно увидел преимущество, которое обеспечило бы ему становление во главе христианской партии. Какое-то время он сталкивался с обоими путями, но к концу его правления христианство стало государственной религией Рима.

2. Первый император-христианин.—Константину было шестьдесят два года на момент его официального обращения. Все эти шестьдесят два года он был вполне благополучным язычником и после своего восшествия на престол поначалу правил честно. Но когда политические мотивы и его мать, императрица Елена, которая была горячей приверженкой нового учения, объединились, чтобы заставить его изменить свою веру, вместе с этим изменился и его характер. Он стал одновременно жестоким и несправедливым. Казалось, что он действительно не мог понять, почему, если он был обращен, язычники или евреи тоже должны оставаться необращенными. Он никогда не мог осознать тот факт, что он, в своем необращенном состоянии, был язычником, в то время как евреи, в своем необращенном состоянии, были евреями. Но это действительно имело значение.

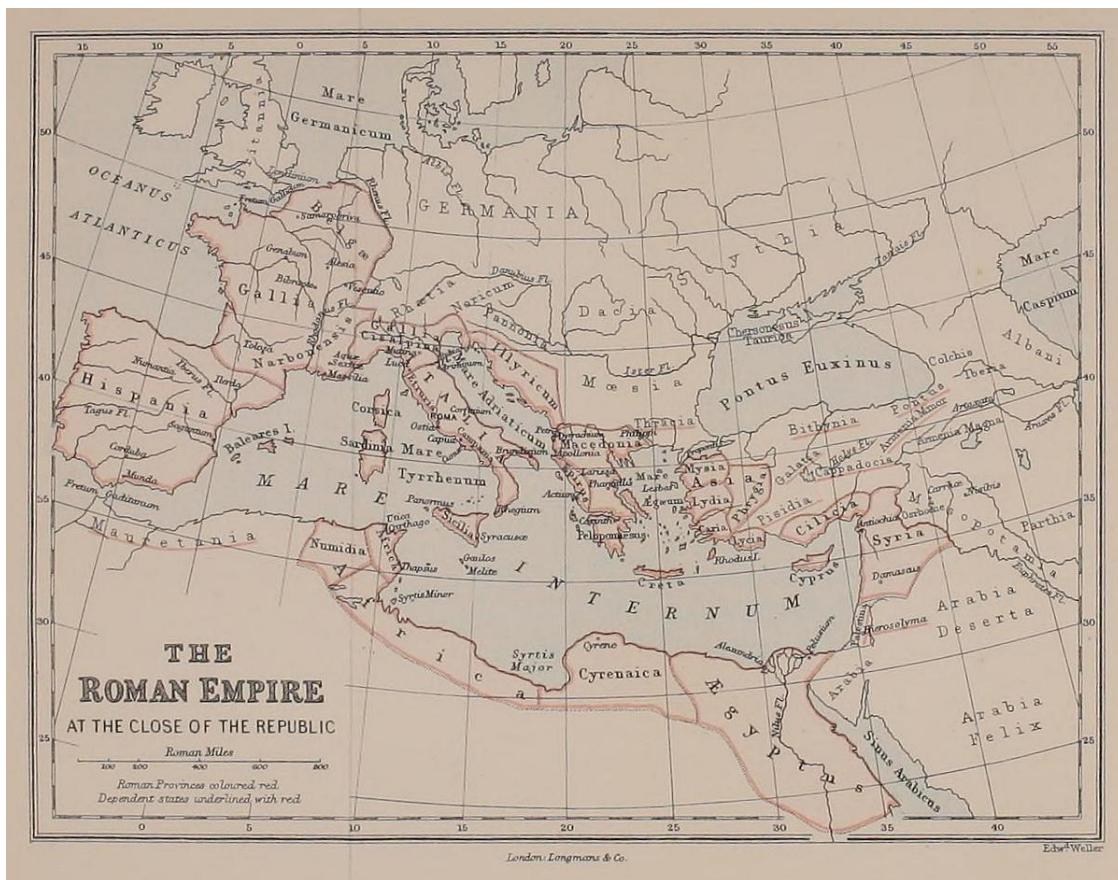
3. Константин издает законы по этому вопросу: последствия.—Константин пытался принудить евреев принять христианство, сделав иудаизм трудным для них и неприятным для других. Всевозможные жесткие и репрессивные меры были приняты в качестве закона. Во всех римских владениях еврейским подданным было запрещено владеть рабами или собственностью, и, если они не были крещены, для них были закрыты все должности в государстве или армии. Не

разрешалось строить новые синагоги, и были наложены ограничения на еврейские формы богослужения. На том месте в Иерусалиме, где раньше стоял Храм, была возведена грандиозная церковь в память об Иисусе. Разрешение совершать случайные паломничества к руинам города было отозвано. Евреи больше не могли приближаться к стенам Иерусалима и покупать привилегию плакать там. Констанций, сын и преемник Константина, был столь же ревностен в новой вере, как и его отец, и столь же безуспешен в достижении своей цели. Его еврейские подданные не стали обращенными в христианство, но толпы их по всей Римской империи покинули свои дома и присоединились к своим собратьям в Вавилоне и Месопотамии или основали новые поселения на берегах Тигра и Евфрата. Школы в Палестине постепенно закрывались, и власть патриарха, когда его последователи так поредели, естественно, пошла на убыль. Это был один из последних патриархов, Гиллель II, который установил постоянный еврейский календарь, действующий до сих пор. До него каждый председатель Синедриона, на данный момент, месяц за месяцем устанавливал дату новолуния путем наблюдений и в начале каждого года путем расчетов определял, каким должен быть характер года, будь то високосный год или обычный. Гамалиил, умерший в 420 году, был самым последним патриархом ^{ר'גמליאל}.

4. Евреи на Востоке под властью персов.— Восточные евреи, усиленные этими западными, оставались под властью своих персидских хозяев в целостности и сохранности еще целое столетие. Персы были огнепоклонниками, и их простая вера запрещала преследования под названием религии. Солнце было их божеством, и каждое утро, стоя на вершинах холмов, чтобы приветствовать его восход, и наблюдая, как оно беспристрастно сияет на море и на суше, на башенках королевского дворца и на веточках птичьего гнезда, они придавали этому прекрасному зрелищу прекрасный смысл. Они увидели, что в лучах их бога солнца нет предела и выбора. Когда он согревал розы, пробуждая их к жизни, он не задержался, чтобы спросить, будут ли это белые розы или красные. Поэтому эти персы, поклонявшиеся солнцу, смиренно пытались подражать его широкому и щедрому обычаю. Они не остались, чтобы задать какие-либо вопросы своим согражданам, но, подобно солнцу с розами, пока каждый был хорош "в меру своего вида", отдавали каждому причитающуюся ему долю тепла и света вместе с остальными. Таким образом, под доброй защитой огнепоклонников вавилонские школы процветали, когда палестинские школы были закрыты. И по мере того, как патриарх Запада терял своих последователей, правящий принц Плена ^{נְלוֹתָא רִישׁ} Он пользовался большим уважением всех ученых того периода, будь то коренные подданные Персии или иммигранты из западного мира.

5. Юлиан Отступник. Рвение первых обращенных и законодательство первых двух христианских императоров очень осложнили жизнь евреев; и христианство, во имя которого они подвергались гонениям, стало им очень неприятно. Когда после смерти Констанция в 360 году был коронован император, провозгласивший себя язычником, среди еврейских подданных Рима возник великий и едва скрываемый восторг. Оценка человека людьми или вещами во многом зависит от точки зрения. Отцы Церкви называют этого языческого императора Юлианом Отступником; главы синагоги, должно быть, смотрели на него как на спасителя. Сразу же после своего восшествия на престол он объявил все законы о преследованиях мертвой буквой; он снизил налоги, отменил инвалидность и, наконец, разрешил евреям отстроить свой Храм

заново. Велико было ликование везде, где распространялась эта благая весть. На востоке и западе, во всех римских владениях, евреи встречались и поздравляли друг друга, и все спешили послать подарки и пожертвования в Иерусалим, как в старые времена, когда Скиния была оборудована в пустыне любящими, щедрыми руками, которых приходилось 'удерживать от подаяния'. Те, кто был на месте, с готовностью принялись за работу, и стены поднялись как по волшебству; и евреям, в том приподнятом настроении, в котором они находились, действительно показалось, что руины помогают превратиться в Храм. Все это было похоже на сон — такой поспешный, такой чудесный и такой нереальный. Все правление Юлиана длилось всего три года. Он был коронован императором в 360 году, а умер в 363-м, и его смерть положила всему этому конец. Еще до его смерти пришла проверка. На месте руин произошло небольшое землетрясение или взрыв, который сильно напугал легковозбудимых рабочих. Этот инцидент породил всевозможные рассказы о сверхъестественном вмешательстве в их замысел; и очень скоро работа, начатая с таким энтузиазмом, была в отчаянии заброшена. В Риме был коронован новый император-христианин, и старое плохое положение вещей было восстановлено. В целом, этот краткий впадение в язычество в середине четвертого века подобно вспышке молнии из густых грозовых туч. Это просто позволяет нам видеть окружающую "густую тьму".

Edwd. Веллер

Edwd. Веллер

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

ГЛАВА XVI.

РАСПАД РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ.

1. Политические изменения.—Феодосий, умерший в 395 году, был последним из римских императоров, безраздельно владевшим этими обширными владениями. После его смерти древняя римская империя была разделена на два великих государства и названа Империей Востока и Империей Запада. Северные варвары нашли свою возможность в этом разделении, и в 410 году, а затем снова в 455 году огромные орды готов и вандалов обрушились на прекрасный, униженный Рим и разграбили его. В течение столетия после смерти Феодосия Западная Римская империя прекратила свое существование. Императоры Восточного раздела — византийские императоры, как их постепенно стали называть, — обосновали свой двор в Константинополе и сохраняли свой титул и большую часть своей власти более тысячи лет — фактически до 1453 года, когда Константинополь был разграблен сарацинами. Общее изменение границ, последовавшее за распадом такой великой державы, как Рим, привело к различным изменениям в правительстве, которые легче распознать, чем изменения в настроениях и обстоятельствах. Сначала мы рассмотрим политические изменения, и карта поможет их понять. Завоевания варваров привели к появлению новых имен и новых хозяев старых исторических мест. Готы и вандалы, лангобарды и франки поднялись на руинах великого римского государства. Со второй половины четвертого века до конца пятого в этих владениях бушевали всеобщие бури и перевороты, почти в каждой провинции, где можно было найти евреев. Не говоря уже о Восточном разделе империи, евреи были в Италии, в Греции, на Архипелаге, в тех частях Германии, которые были цивилизованными, в Галлии и в Испании. К началу шестого века все немного успокоилось, и мы можем увидеть некоторый порядок и найти несколько хорошо известных имен и достопримечательностей. Юстиниан был в то время императором восточных остатков великого римского государства; Рекаред, первый христианский король готов, правил в Испании; Хильперик, которого называли Нероном Франции, был его современником; а к концу того же столетия главой Церкви был папа Григорий I.

2. Социальные изменения.—В этот период стресса и бури евреи были рассеяны по всем местам, где это ощущалось. Но законодательство того времени запрещало им принимать сторону римских граждан в борьбе. Они не считались римскими гражданами ни Церковным советом, ни государственным кодексом. В глазах закона они были еретиками, которых следовало принудить или обратить в христианство, но при этом они явно стояли вне этого. Война была почти универсальной профессией. Евреи могли не иметь воинского звания. Они могли даже не быть гражданскими стражами мира, поскольку 'ни один еврей ни в каком деле не может быть свидетелем против христианина'. Они могли не стремиться быть ни владельцами земли, ни

лидерами людей. Были трудности с тем, чтобы они владели собственностью, и трудности с тем, чтобы они ее завещали. Ко времени Юстиниана (530-560) "не должен" и "не должен терпеть", причиной которых были евреи, составляли довольно значительную часть знаменитого римского кодекса. Такого рода законодательство и военные действия, последовавшие за распадом Римской империи, вместе произвели один очень примечательный эффект. С падением Иерусалима жители Страны стали в некотором смысле людьми Книги. С падением Рима они, похоже, постепенно превратились и на многие столетия останутся людьми из гробов. Это было другое, более узкое изменение, за которое самих евреев нельзя винить. Жестокое законодательство превратило народ с сильнейшими домашними инстинктами в почти добровольное сообщество странников. Это привело людей, которые на протяжении поколений любили жить делом своих рук, к необходимости жить упражнением своего ума. Не было свободного времени, чтобы обучать работников типа Бецалиля и Ахолиаба "искусству во всех видах хитроумной работы", поскольку грубое оружие было главным требованием того времени. У стариков больше не было возможности спокойно посидеть с чувством собственности под своей собственной виноградной лозой и смоковницей, в то время как молодые земледельцы энергично 'собирали их зерно, их вино и их масло'. Оливковые сады, виноградники и кукурузные поля часто были полями сражений, а иногда и приятными пристройками к начинавшим строиться монастырям. В любом случае, они предназначались не для евреев, которые, возможно, и не были землевладельцами, за исключением того, что наш английский Гарольд навечно предложил захватчику "шесть футов английской земли".

3. Монахи и святые.—В практической жизни евреи и христиане были четко разделены законодательством, и из-за религиозных чувств они все больше и больше отдалялись друг от друга. Примерно в этот период, в конце пятого века, церковным героем дня был некий Симон Столпник, впоследствии канонизированный как святой и добавленный к тому длинному списку обожествленных существ, которым молились и которых защищали, что делало христианские небеса чем-то вроде языческого Олимпа. Притязания святого Симона Столпника на святость и поклонение героям заключались в том факте, что он жил на вершине колонны, и что "жизнь" означала для него не обычный круг повседневных обязанностей и забот, а жалкое и бесполезное существование, которому он упорно следовал из самых чистых побуждений. Святой Симон Столпник может служить ярким примером того, что было тогда и на протяжении столетий после этого высшим христианским идеалом. Возник целый класс мужчин, называемых монахами, и женщин, которых называли монахинями, которые по собственной воле отказались от всех невинных радостей и счастья жизни. Они молились, и постились, и бичевали себя через регулярные промежутки времени, и предпочли жить в наготе и дискомфорте, а часто и в настоящей грязи. Они набивали себе ботинки горохом, а на спину надевали власяницы; и доброта, которую они делали — а они делали много — была совершена скорее из долга перед Богом, чем из любви к человеку. В промежутках между своими постоянными молитвами и постами они лечили больных, но редко вспоминали, что 'веселое сердце приносит пользу, как лекарство'. Когда-то среди евреев существовала небольшая секта⁷, которые думали, что смогут наилучшим образом служить Богу, эгоистично удалившись от мира, в который Он их поместил, которые предпочли страдать, а не творить, и которые уделяли особое внимание изучению и особой заботе о своих собственных душах. Эта секта ессеев, которая была немногочисленной и недолговечной, никогда не испытывала симпатий к основной массе еврейской нации. Это была система, совершенно противоречащая еврейским представлениям о том, что угодно Богу.

Чистота в еврейском кодексе даже не соседствует с благочестием, но является его детальной и незаменимой частью. Умышленная грязь, дискомфорт и уныние - все это в равной степени считается аморальным, и все библейское учение строится на том, что 'слуги Господа возрадуются пред Ним' и 'служите Ему с радостью'. Христианские монахи были преувеличенным результатом этого изжитого заблуждения, ессеев иудаизма; и мы можем понять, как молчаливые монахи в капюшонах и босоногие, а также множество охотно почитаемых 'святых' сделали принципы христианства неприятными для евреев, точно так же, как преследующее, неуклюжее население сделало их практику позорной. Все больше и больше евреев вели отдельную жизнь от народов, среди которых они жили, отделенные религиозной мыслью, а также так называемым религиозным законодательством.

4. Как евреи стали торговцами.—Досуг и чувство безопасности необходимы для любого трудолюбивого или культивируемого занятия. Вторжение варваров с войной, которую оно привело за собой, не только не оставляло свободного времени для промышленности, но и постоянное передвижение вооруженных полчищ делало невозможной какую бы то ни было оседлую работу. Кроме того, было меньше возможностей для квалифицированной рабочей силы, поскольку еда, одежда и оружие были главными потребностями этих завоевательных и некультурных орд с Севера. Однако страдания, которые эти люди причиняли во время своего марша, ощущались евреями меньше, чем коренными жителями этой земли, чьи мирные дома и растущие посевы были уничтожены. Евреи к тому времени привыкли к самым незначительным трудностям. Они очень долго были странниками и париями. На протяжении веков они учились "держат все земные радости свободной рукой". "Я называю свою жену не женой, а домом", - сказал однажды еврейский ученый. Нежная маленькая любовная речь приобрела очень широкое и буквальное значение. Дом, в нашем смысле этого слова, часто был для еврея без крыши над головой, а его рюкзак служил ему подушкой. Но непоколебимая, верная привязанность, как это часто бывало, окружала жилище без крыши, словно огороженный город, а жена и дети делали для него "дом" в самых неожиданных местах.

Евреи приняли новое положение вещей. Они мужественно приспособились к изменившимся обстоятельствам своей судьбы и извлекли из этого максимум пользы. Они должны были жить, хотя это была тяжелая, торопливая и недостойная жизни. С быстротой, которой научил опыт, и обостренным эгоизмом они пытались стать полезными и приемлемыми. Их собственные потребности, как путников в чужих краях, заставляли их быстро улавливать потребности других. Они использовали свои горести как ступеньки. Они познали "стеснение и нужду во всем"; несомненно, они могли бы восполнить их. То имущество, которое им удалось сохранить, должно было быть портативным, и большая его часть была пригодна для использования, и, вероятно, могла оказаться полезной грубым новичкам. Естественно, последовал бы бартер, и то, что покупатель не мог получить от ближайшего еврея, вероятно, можно было бы получить через его посредника у еврея, живущего дальше. И это было очень маленькое начало великой системы международной торговли, в которой евреи имеют столь большую долю. Потомки певца Давида и Книжника Ездры, а также бесчисленных незарегистрированных поколений, которые 'собирали свое вино и свой елей' и были "искусны во всяком ремесле", занялись покупкой и продажей, а часто и торгом и накопительством. Именно обстоятельства сделали торговцев из прилежных виноградарей-ремесленников, о которых говорится в Книге. И именно обстоятельства, в такой же степени, как и их собственный ум, сделали их успешными и

опытными в своем новом призвании. Евреи были широко рассеяны, но в то же время тесно связаны и были вынуждены быть наблюдателями, а не действующими лицами в мировых делах. Это положение давало им исключительные возможности для торговли. Им было отказано во всех здоровых и обычных амбициях, и поэтому зарабатывание денег стало для них интересным, а иногда и поглощающим занятием, даже когда оно таковым не являлось; а по большей части это была болезненная и грязная необходимость. Евреи перестали быть производителями; земля и Книга, казалось, были одинаково закрыты для них. Они превратились в главных торговцев и финансистов средневековья, начиная от разносчиков и лоточников и заканчивая подрядчиками по государственным займам.

5. Работорговля.— Непрекращающиеся войны и несовершенная цивилизация первых веков сделали мужчин, женщин и детей признанным предметом торговли. Продажа людей в рабство звучит ужасно, но в те дни это было не так ужасно и даже не так легко предотвратимо, как в наши дни. Огромные участки обработанной земли постоянно опустошались; что было делать с побежденными обитателями этих земель? В той грубой и готовой системе ведения войны прошли столетия, и было слишком рано пробовать какие-либо из наших современных методов заключения мирных договоров или дипломатического урегулирования. Враждебные жители завоеванного государства должны были быть истреблены или обезврежены. Для победителей это действительно сводилось к вопросу о резне или рабстве. И после этого трудного выбора рабство, возможно, было менее неприятной участью для побежденных, в то время как для завоевателей оно было определено более экономичным и, в целом, возможно, более гуманным; ибо, превратившись из врагов в собственность, рабы были вполне уверены в справедливом обращении как со стороны покупателя, так и со стороны продавца, и их главной трудностью была бы возможность быть проданными отдельными партиями и быть разлученными со своими семьями, а также со своей страной.

6. Евреи как рабовладельцы.—Во всяком случае, как показали события, пленникам по большей части повезло с их владельцами. Основными покупателями рабов были евреи. К тому времени евреи были настолько широко рассеяны, что, казалось, у них всегда и везде были под рукой покупки и средства, одинаково готовые заплатить. Они были добрейшими из хозяев. 'Вспомните, какими вы были рабами в земле Египетской' - это предисловие к Божьему закону об обращении с иждивенцами. 'Ибо вы знаете сердце незнакомца', - далее следует нежный призыв. К чести этих евреев-торговцев, которые так часто поддавались искушению заключить выгодную сделку, казаться и даже быть жесткими, грязными и жадными, — к их чести следует сказать, что они действовали в духе своего Закона и оказались самыми мягкими и щедрыми рабовладельцами, которых когда-либо знал мир. Благодарные рабы так полюбили своих еврейских хозяев, что очень часто сами желали стать евреями и, таким образом, были косвенной причиной огромного количества суровых и подозрительных законов. Церковь сознательно ненавидела евреев. Нельзя было ожидать, что компания будет спокойно взирать на возможное производство новых таких устройств. Таким образом, собор за советом Церкви занимались разработкой планов предотвращения или наложения наказаний за любое обращение в иудаизм.

7. Церковные соборы.—Ранняя Церковь в своей практике, как и в своих предписаниях, многое заимствовала у древней синагоги. Синедрион был чем-то вроде образца для Совета. Обе ассамблеи претендовали на верховную власть совершенно независимо от политических условий. Новая вера провела свое первое совещательное заседание в Иерусалиме примерно в 50 году, когда предстояло решить вопрос, поднятый в Антиохии, о том, могут ли новообращенные язычники отказаться от Авраамического завета. Согласно церковной традиции, брат Иисуса председательствовал на этом собрании, а Павел открыл дискуссию. В любом случае, это был самый первый так называемый Совет Церкви. Со временем количество встреч увеличилось, хотя дебаты редко решали такие важные вопросы, как в тот, первый. Евреи были частой и излюбленной темой для обсуждения, и в отношении них выражение мнения и последующее законодательство, к сожалению, были склонны к единодушию. Иногда были исключения. Папа, или Отец Церкви, какое-то время был главой этих соборов, и ближе к концу VI века, когда папой был Григорий I. его твердость и человечность на короткое время несколько обуздали манию преследования. Папа Григорий был так же серьезен, как и любой из церковных сановников, прошлых или нынешних, в ненависти к работорговле, но он ненавидел ее потому, что это было рабство, а не только потому, что евреи были рабовладельцами. Он любил праведность и ненавидел несправедливые поступки, но он не навешивал еврейских или христианских ярлыков на эти вещи и соответственно не любил или ненавидел. Папа Григорий опередил свою эпоху на несколько столетий.

8. Восточные евреи.—В то время как готы и вандалы наводняли Европу, а евреи Запада превращались в разносчиков, у евреев Востока также начиналась своя история, отдельная от их школ. На протяжении почти 500 лет история вавилонских евреев была почти историей счастливых народов, у которых ничего нет. Со времени падения Иерусалима и до начала VI века беды евреев, поселившихся на берегах Тигра и Евфрата, были лишь незначительными; иногда они вызывали раздражение, но очень редко были серьезными. В Месопотамии в течение очень долгого периода евреи как граждане были неотличимы от других граждан, и они, со своей стороны, как выразился некий раввин Самуэль, ‘уважали закон страны не меньше, чем закон Моисея’. Их иудаизм абсолютно не интересовал, и у них было время для небольших научных споров между собой. Правда, среди огнепоклонников существовала секта фанатиков, которые часто пытались нарушить приятные и мирные отношения, в которых евреи жили со своими персидскими хозяевами, но им это редко удавалось. Однако, к несчастью, ни мир, ни приятность не были надежными; и то, и другое зависело от множества причин, среди которых большое значение имело расположение правящего правителя. В начале VI века у восточных евреев начались неприятности, которые быстро приобрели угрожающий характер. В 530 году их царствовавший מלך בבל (царь из Вавилона) князь из Плена, был повешен по приказу государства. За этим актом последовали другие меры преследования. Многие еврейские религиозные обряды были запрещены, а школы закрыты. К счастью, к этому времени большая работа школ была завершена, поскольку вавилонский талмуд был закончен раввином Аши около сорока лет назад.

9. Война между Персидской и Византийской империями. В начале следующего столетия произошла ужасная борьба между персами и римлянами, или, если быть точным, между персами и тем восточным подразделением (всем, что осталось к этой дате) великой Римской империи, двор которой находился в Константинополе и которая теперь называлась Византийской империей. Евреи во всех персидских владениях, несмотря на недавние разногласия, были верны своим персидским хозяевам и помогали им сражаться и побеждать. Египет и Сирия были отвоеваны у римлян, а Иерусалим пал от персидского оружия. На протяжении всей войны евреи преданно помогали персам как персидские подданные, но в Иерусалиме следует опасаться, что евреи сражались скорее как личные враги Рима, чем как персы. Старые сцены пробудили старые воспоминания, и евреи помнили их слишком хорошо и слишком яростно. В Иерусалиме шли ужасные бои. Церковь, которую мать Константина, императрица Елена, построила на руинах Храма, была снесена, христиане были жестоко убиты или проданы в рабство, а иногда продавались в рабство и затем истреблялись. В значительной степени это была религиозная война, что объясняет ее ожесточенность. Персы были монотеистами в своей вере, и они ненавидели то, что было языческим в христианстве, - трицу Богов, множество святых и поклонение реликвиям. Успехи персидского императора Хосрова, однако, длились недолго. Двадцать лет спустя византийский император Ираклий все изменил. Он привел персидского правителя к покорности, он вернул Сирию и Египет под свой контроль, он восстановил свои церкви в Иерусалиме и запретил евреям, как во времена Адриана, приближаться к его стенам на определенное расстояние. Это противоречило обещанию, которое император дал евреям, и было слабой уступкой желаниям епископов, которые, однако, с готовностью отпустили ему грехи за то, что он нарушил свое слово.

ГЛАВА XVII.

ПОДЪЕМ МАГОМЕТАНСТВА. (600-650 гг.)

1. "Коран или меч". — Надвигалась еще одна перемена. И персам, и римлянам вскоре предстояло встать на защиту от общего врага. К началу седьмого века стало ясно, что границы снова должны быть изменены, а вероисповедания снова нарушены. Началось новое и таинственное движение, во главе которого стоял Магомед, наполовину солдат, наполовину пророк. Целью, которую Магомед имел в виду, было обращение; средством, которое он использовал, было завоевание. По пустыням Аравии разнесся его клич 'Коран или меч'. Это звучало достаточно яростно и фанатично, но, по крайней мере, в нем был намек на выбор, и это, возможно, было частью секрета его успеха. Люди к тому времени настолько привыкли к угрозе 'меча', что многие были более чем наполовину готовы принять, без каких-либо вопросов, 'Коран', который предлагался в качестве альтернативы. И те, кто спрашивал, были, по большей части, еще более готовы согласиться. Ибо Коран, или священная книга Магомета, был простой книгой. Единство Бога было его единственной догмой. Оно обещало многое в виде награды и мало требовало в плане веры. Его принятие было главным моментом, и для 'верующих' все

должно было стать приятным в обоих мирах. Коран был грозным соперником книг Зороастра и Евангелий христианской церкви. Огнепоклонники на Востоке, окруженные цивилизационными влияниями, были готовы к новому вероучению, а хриstopоклонники на Западе, одержимые духом преследования и материализовавшиеся под влиянием язычества, делали свою религию бесчестной и неприемлемой. Итак, победный клич "Коран или меч" разнесся повсюду, как трубный зов, и человек, который поднял его, перед смертью — а он умер в 632 году — обнаружил, что половина обитаемого мира готова кричать вместе с ним, что "Аллах был Богом, а Магомет - Его пророком".

2. Чему Магомет научился у евреев.—С самых ранних времен в Аравии существовало еврейское поселение. Традиция гласит, что царица Савская отправилась оттуда, чтобы нанести свой знаменитый визит царю Соломону. Но, как бы то ни было, существуют достаточно достоверные записи, повествующие о еврейских жителях арабских долин до христианской эры. Когда-то здесь, несомненно, существовало арабо-еврейское государство. Его пределы и даты не очень точно определены, но над этим химеритским царством, как его называли, определенно правил еврейский царь на момент его падения в 530 году. Этому положил конец христианский король Абиссинии, который, в свою очередь, потерпел поражение от Хосрова II из Персии. Существует также история, кажущаяся легендой, но в то же время историческая, о народе под названием хозары, царь которого Булан обратился в иудаизм, основал еврейскую династию и долго и счастливо правил на берегах Каспийского моря. Но как бы много или как бы мало правды ни было в этих традициях, повествующих о королях и династиях, несомненно то, что, отделенные пустыней от преследования преследователей со всех сторон, арабские евреи жили столетие за столетием в своих плодородных долинах, в безопасности, обладая совершенной свободой веры. В северных частях Аравии эти евреи были бродячими пастухами, как и их братья-измаилиты, но на юге и востоке они вели значительную торговлю с Индией, Персией и Византийской империей. Они были гораздо более цивилизованными, чем коренные арабы, среди которых они жили. Евреи были людьми с прошлым, которое само по себе впечатляет. Они могли без конца рассказывать истории о героическом происхождении или говорить о высшей жизни с авторитетом, подобающим потомкам пророков. Они были прямыми наследниками Авраама; эти другие арабы, исполнившие предназначение Измаила, чья 'рука должна была быть против каждого мужчины, и рука каждого мужчины против его руки', имели в своих жилах кровь рабыни Агари. Арабские евреи естественным образом стали оказывать то влияние на местные племена, которое высшие всегда оказывают на низшие. И так случилось, что новая вера, проповедовать которую Магомет приехал из Аравии, обнаружила много признаков еврейского окружения, в котором родился и вырос ее основатель.

3. Ислам.—Само название, которое было дано магометанству, имеет определенный еврейский подтекст. Арабский и иврит принадлежат к одной группе языков - семитским. Арабское "ислам" и древнееврейское שָׁלוֹם происходят от аналогичного радикального термина, который обозначает устойчивость, или совершенное и неповрежденное состояние. Мир - это другое толкование этого слова, и оно выражает очень похожее значение, поскольку "мир" естественным образом вытекает из здорового состояния вещей.

4. Сходства между исламом и иудаизмом.—Между арабом и евреем существовало родство религиозной мысли, а также языка и расы. Единство Бога - это первый принцип ислама, как и иудаизма. Авраам и Моисей - герои Корана и Пятикнижия, а завет Авраама и диетические законы Моисея Магомет предписывает своим последователям.

5. Различия между исламом и иудаизмом.—Но различия тоже были, и они были очень важного характера. 'Аллах был Богом'. С этой доктриной новой веры евреи, поклоняющиеся Единому, могли бы согласиться. То, что 'Магомет был Его пророком', было спорным. Даже Моисею не всегда беспрекословно повиновались. У Магомета было мало надежды. И вскоре большая часть учения нового пророка показала, что его вдохновили пустыни Аравии, а не высоты Синая. Иудаизм, несмотря на все его мелкие телесные обряды, по сути, является духовной религией. Будущие награды не планируются по какому-либо человеческому образцу, и та Загробная жизнь, на которую намекается, носит чисто духовный характер. "В Моем присутствии есть полнота радости", - вот ближайший проблеск, которого Бог удостоивает на Своих небесах. Обещанный 'Аллахом' рай был совершенно иного рода. Земные удобства и наслаждения должны были стать уделом верующих в него и в Магомета, его пророка. Эта программа, вероятно, была рассчитана на низший класс умов, и евреи остались незатронутыми ею. Магомет никогда не мог сосчитать евреев среди своих новообращенных. Среди евреев Аравии он, действительно, поначалу столкнулся с презрением и сопротивлением. Они не хотели хвататься за руку, державшую Коран, и поэтому против них была поднята другая рука, с мечом. Поначалу между евреями и последователями Магомета были некоторые стычки и много недобрых чувств. При жизни Пророка некоторые евреи подвергались притеснениям, некоторые были сосланы, а некоторые были вынуждены служить под знаменем ислама. Но после его смерти, когда волна магометанских завоеваний продолжалась, евреи нашли причину радоваться более терпимому обращению, которое они испытали со стороны правителей, принявших ислам.

ГЛАВА XVIII.

ЗАВОЕВАНИЯ ХАЛИФОВ: ВЛИЯНИЕ, РЕЛИГИОЗНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ, На ЕВРЕЕВ. (600-800 гг.)

1. Прогресс магометанства.— Распространение новой веры привело к большим переменам в положении евреев. Последователи Магомета завоевали восток и запад. Сначала Сирия была захвачена, христианские подданные Византийской империи изгнаны из Иерусалима, и на руинах иудейского храма и христианской церкви была воздвигнута мечеть, посвященная Аллаху. Могущество Персии было сломлено и окончательно покорено магометанами,⁸ и их победы над персами были тем легче, что они находили помощь и сочувствие среди угнетенных персидских евреев. Затем из Азии последователи Пророка повернули в Африку и, обосновавшись в Египте, угрожающе смотрели через пролив на Испанию. В течение

пятидесяти лет после смерти Магомета огромная империя калифов, как называли его преемников, простиралась от Каспийского моря до Гибралтарского пролива, и вскоре ей предстояло преодолеть их и достичь своего величайшего триумфа на полуострове. Именно в этих странах евреев было больше всего, и поэтому история ислама имеет особое значение для изучающих еврейскую историю.

2. Гаоним.—Первый эффект Mahomedan превосходство ощущалось в районе, где она возникла, и в основном среди тех ученых Вавилона, который, в воспоминаниях пожилых людей, видел их школы закрыты, а их גליותא ר"ש повесили. В магометанскую политику не входило вести войну со школами. Завоевание однажды обеспечено, побежденные могут заниматься тем, чем им заблагорассудится. До тех пор, пока противоположные верования не принимали активную форму противостояния исламу, носителей таких верований презрительно и добродушно игнорировали. Для евреев это был приятный опыт. Под терпимым влиянием первого калифа Омара, у которого в его ссорах с персами были причины подружиться с евреями, школы были вновь открыты, наследник убитого גליותא ר"ש был восстановлен в должности, и главы колледжей взяли на себя все свои старые обязанности и достоинства с новым именем Гаоним.⁹ Изучение талмуда было снова возрождено, и каллах (высшие колледжи) Соры и Пумбадита превратилась в довольно известный центр обучения. Они были прилежными учениками, эти гаонимы, и слепой гаон по имени Иегуда, живший примерно в 750 году, был одним из самых активных из них в составлении законов и постановлений, содержащихся в Талмуде, и приведении их в систематический порядок. Гаонимы постепенно стали великими авторитетами по всем религиозным и правовым вопросам; и только политические вопросы и предметы, которые лежали немного за пределами самых острых интересов, были оставлены на попечение גליותא ר"ש. Его авторитет снова ослаб. Некоторые из тех, кто владел им, были не очень мудры и умудрились вступить в столкновение с магометанскими правителями. Затем из наследственного достоинства оно превратилось в выборное, и наследование вызвало ссоры. На определенном этапе своей истории евреи, по-видимому, ценили ученых больше, чем "князей". Как бы то ни было, гаонимы вышли на передний план, и должность Начальника Тюрьмы приобретала все меньшее и меньшее значение. Наконец, под совместным влиянием пренебрежения со стороны евреев и некоторой ревности со стороны мусульман эта должность, просуществовав 700 лет, полностью прекратила свое существование, как мы увидим, в десятом веке.

3. Испания в руках мусульман.— Через восемьдесят лет после смерти Пророка Коран и меч, проделав свой победоносный путь в Азии и Африке, магометане провозгласили одно и вложили другое в ножны в Европе. В 710 году флаг с полумесяцем развевался над соборами и цитаделями Испании, и мусульманские халифы правили вместо католических королей. Это привело к огромным изменениям в положении евреев. Христианское законодательство веками было суровым по отношению к ним. В общественной жизни это мешало им 'пользоваться именем и славой', а в частной жизни препятствовало какому-либо достоинству или приятности. Еврей не может ни родиться, ни вступить в брак, ни любить, ни работать, ни развлекаться без наказаний и ограничений. У него могли отобрать детей, которых он произвел на свет, или купленных им слуг в любой момент без оправдания или возможности возмещения ущерба. Его могли силой привести в церковь и заставить неохотно слушать плохие проповеди, а если бы он

сопротивлялся, его могли бы выпороть. Обратится ли он в христианство или у него отберут его имущество? это была обычная форма вопроса к евреям. И когда примерно в день смерти Магомета в Испании правил католический король по имени Сисебут, даже тот большой выбор, который подразумевался в этом, был отменен. Не обращение или конфискация, а крещение или изгнание было альтернативой, предложенной его еврейским подданным этим царственным фанатиком Сисебутом. Это было ужасное положение вещей, поскольку трудность для евреев заключалась в том, чтобы найти какое-либо место, где им было бы лучше. Дагоберт был современным королем Франции, и законы, которыми он управлял, и те, которыми должен был управлять его предшественник Клотер, были точно такого же рода. Ираклий, правитель Византийской империи, лишь недавно возобновил действие эдиктов Адриана и Константина, запрещавших евреям приближаться к Иерусалиму; и, учитывая недавний опыт участия евреев в его борьбе с Хосровом, Ираклий не мог быть настроен очень дружелюбно по отношению к евреям в целом. Они не могли рассчитывать на радушный прием ни в одном уголке владений Ираклия. Возможно, они могли бы обратиться в Италию, где папы были могущественны, ибо папы, как правило, не были несправедливы к евреям. И некоторые так и сделали, и нашли в сравнительной доброте глав Церкви веские основания полагать, что религия не всегда была мотивом для преследований, хотя она слишком часто служила оправданием жестокости и грабежа. И многие мигрировали на Восток; и многие, кто был вынужден остаться в Европе, приняли на себя, в ненависти, страхе и трепете, вынужденную маскировку новообращенных. Затем последовали завоевания халифов, которые привели к совершенно новому положению вещей для евреев. В Испании мы увидим, что это стало ярким лучом надежды в облаках, просветом в том густом мраке, который опустился на страну после падения Иерусалима.

4. Караимское движение.—Магомету не удалось обратить евреев, но, тем не менее, косвенное влияние веры, которую он проповедовал, возможно, отчасти благодаря общинным спорам, создало среди евреев отдельную секту примерно в середине восьмого века. В нем так мало действительно нового, что многие историки называют караизм всего лишь старой школой мысли, возрожденной в новых условиях и под новым названием, и считают иудаизм столь же ответственным за это, как и ислам. Мы знаем, что в древности существовали три еврейские секты: ессеи, которые вообще так и не пустили корней в иудаизме; фарисеи, лучшие из которых превратились в великую серьезную организацию раввинов; и саддукеи, о которых Иосиф Флавий сказал, что "они не могли убедить никого, кроме богатых", и которые, по правде говоря, почти все вымерли вместе с процветающими днями, в которые они так легко вписались. С торжеством ислама, казалось, снова наступили дни процветания, и на ярмо Закона снова начали роптать. Устный закон теперь превратился в письменный и устоявшийся кодекс, и обязательств, вытекающих из кодифицированной традиции, было больше, чем предписаний Закона. Участники ропота сказали, что они будут соблюдать текст, но не комментариев; они будут читать Закон, но пропустят традиционные толкования. Этих ворчунов стало достаточно много, чтобы их узнали: их называли текстологами, или библеистами; и, что еще более характерно, караимами, от еврейского корня קרא, to read.

5. Мусульманские причины караизма. —В своем несогласии с традицией саддукеи и караимы были схожи, и пока что кажется вероятным, что одна секта пережила другую. Но действовали и

другие влияния, которые могут объяснить появление или повторное появление, как это может быть, в этот период более поздней секты сепаратистов. Арабы, которыми были окружены впечатлительные евреи, с энтузиазмом приняли самую простую форму веры, веру, в которой не было священства и был только один пророк. Как только сложилось предание об исламе, среди мусульман возникла секта, стремившаяся отбросить его. В Коране быстро появилась Сунна, а в Законе медленно вырос Талмуд. Одна партия в исламе отвергла более строгие традиции Сунны, а другая партия среди евреев примерно в тот же день открыто выразила недовольство раввинскими постановлениями Талмуда. Бунт любого рода заразителен, и не может быть никаких сомнений в том, что каждая группа ворчунов помогала другой.

6. Лидер караимского движения.— Человеком, который первым выразил недовольство евреев традицией, был некий Анан, сын Давида, уроженец Вавилона. У Анана была своя личная обида, позиция, которая придает определенный смысл и красноречие любому общему ощущению обиды. Он хотел быть сделаны *נָלִוְתָא רִישׁ*. Но выборы пришли и прошли, и его обошли стороной; и, что было хуже всего, на этот пост был назначен его собственный младший брат. Итак, Анан, разочарованный тем, что является патриархом своего народа и ведет его по старому и ортодоксальному пути, решил стать их представителем и защитником в новом направлении.

7. Что стало с Сектой.—Их догматы никогда не пользовались большим успехом. Фактически, они были невозможны. Караим сказал, что будет подчиняться 'Закону' — строгому и буквальному тексту, но не будет иметь ничего общего с традицией. Теперь давайте посмотрим на его трудности. Возьмем, к примеру, заповедь: 'Не разжигайте огня в жилищах ваших в субботу' (Исх. xxxv. 3). 'Буквальный', последовательный караим, живущий в холодном климате, должен был бы регулярно мерзнуть по двадцать четыре часа каждый седьмой день, поскольку он не мог согласиться с соблюдением традиций, которые облегчают бремя Закона, ограничивая значение слова 'вы' только евреями и разрешая разжигать огонь в еврейских жилищах дружескими руками посторонних. Комментарий, то есть какое—либо объяснение, необходим для каждого закона, и личное и необдуманное толкование с не большей вероятностью будет правильным, чем традиционное постановление. Несколько самонадеянно думать, что наша собственная мудрость самодостаточна, а мудрость наших предков, должно быть, ошибочна; и, возможно, это просто немного подло - чрезмерно стремиться сбросить с себя бремя, которое сознательно взвалили на себя хорошие люди. Как мудро говорит наша английская поэтесса¹¹, —

- Если бы мы попытались

Чтобы утопить прошлое под нашими ногами, будьте уверены,

Будущее не устояло бы.

Караимы никогда не были ни очень многочисленными, ни очень могущественными, хотя иногда они доставляли очень много хлопот. В настоящее время разрозненные остатки секты можно обнаружить в Иерусалиме, а также в некоторых частях Турции, Египта, Галисии и Крыма.

8. Добро из зла. —Секты никогда не процветают среди евреев. Идеал нации, как и идеал религии, - Единство. Караимы произвели лишь небольшое впечатление тем способом, которым они хотели, что было отдельным и вредным способом, но средства, которые они использовали, привели к другой и очень полезной цели. Отвергнув все комментарии и полностью полагаясь на текст Священного Писания, они были вынуждены очень внимательно изучить текст. Раввины, чтобы опровергнуть их, должны были быть столь же разборчивы в своих интерпретациях. Никакие произвольные толкования не могли быть даны там, где обе стороны были склонны быть столь позитивными. Каждый изучал и пересматривал каждую фразу, слово и букву для себя. Это соперничество между караимами и талмудистами привело к очень точной науке; а точность, как мы знаем, является одним из условий истины. Писания были исчерпывающе изучены; язык лечили грамматически и научно; пунктуация была добавлена к тексту, и к Пятикнижию, после того, разделен на части и пункты (פְּרָשִׁיּוֹת וְקָדָרִים), таким образом, как бы под микроскопом. Эта работа была в основном выполнена караимскими учеными, и называлась она "текст Массоры"¹². Таким образом, главным результатом караимского движения было религиозно-литературное возрождение. Историки, которые любят проследживать крупные события до небольшого первоначального зародыша, говорят нам, что среди причин, приведших к английской реформации (1525 г.), безусловно, можно назвать дух серьезного и глубокого изучения толкования Священных Писаний, который Анан, сын Давидов, пробудил среди евреев. В этом смысле караимов иногда называют протестантами иудаизма.

ГЛАВА XIX.

ЖИЗНЬ ПРИ ХАЛИФАХ. (700-1000 гг.)

1. Евреи на Востоке. — Пока Персия и Месопотамия находились под властью магометан, *каллы* Соры и Пумбадиты процветали, гаונים продолжали свои исследования, а Глава Пленных получил прочное звание одного из многочисленных вассалов и данников халифата. Положение евреев значительно улучшилось. Во времена Омара, второго халифа, чеканка монет, которая, конечно, была очень важным делом, была передана в ведение еврея. В начале следующего, девятого века, при знаменитом калифе Гаруне аль-Рашиде еврей по имени Исаак был нанят послом и направлен с деликатной дипломатической миссией от багдадского двора к Карлу Великому, королю Германии. Но, тем не менее, хотя отдельные евреи достигли высокого положения, а еврейским институтам никто не мешал, некоторое предубеждение против нации все еще сохранялось на Востоке. Возможно, воспоминание о противодействии, с которым их Пророк столкнулся со стороны евреев, оказало более сильное влияние на его преемников в тех местах, где он лично побывал; ибо первые калифы, или султаны, как их безразлично называют, не всегда были так благосклонно настроены к своим еврейским подданным, как Омар и великий Гарун аль-Рашид. В начале восьмого века магометанский правитель по имени Мутавакель был очень суров как к евреям, так и к христианам. Он заставил их носить кожаные пояса, чтобы

отличать их по одежде от своих 'верных' последователей, и ни евреям, ни христианам в его владениях не разрешалось ездить верхом, только на ослах или мулах. Этот султан, несомненно, казался бы всесторонним преследователем, причем довольно исключительным. Однако небезопасное положение евреев на Востоке в этот период было вызвано как внутренними разногласиями, так и преследованиями извне. Все больше и больше офис, становился камнем преткновения и правонарушением. Вопрос о престолонаследии был постоянной причиной ссор между евреями, и эти распри делали невозможным для калифов либо уважать достоинство, либо игнорировать его, и любое из этих действий со стороны магометанского монарха было бы удобным для его еврейских вассалов.

2. Закрытие школ: некоторые ученые.— Школы проделали хорошую работу и выпустили несколько хороших ученых, прежде чем наступил конец. Ближе к середине девятого века мы слышим о полном словаре Библии, составленном неким раввином Менахемом бен Саруком. Книга все еще существует. Затем был знаменитый гаон по имени Саадия бен Иосиф (892-942), который перевел Библию на арабский, который теперь становился вторым родным языком среди восточных евреев. Другого из наиболее знаменитых гаонимов звали Шерира, и он оставил нам довольно подробную хронику этих вавилонских школ. Шерира был едва ли не последним из гаонимов. Он достойно занимал этот пост в течение тридцати лет (967-997), а ближе к концу своего патриаршества возвел в сан своего сына Хая. Правящий калиф ревниво взирал на богатство и почести старика. По сфабрикованному обвинению отец и сын были брошены в тюрьму, а их богатства конфискованы. Хай сбежал, а чуть позже некий Езекия предпринял еще одну попытку присвоения этого опасного сана. Она провалилась, и этот последний гаон был казнен (1036) по приказу калифа. Все восточные школы теперь были закрыты, и ученые снова были рассеяны. Палестина и вся Византийская империя были почти покинуты евреями, и интерес переключился на западное деление мира.

3. Евреи на Западе.—В Италии в средние века мы очень мало слышали о евреях. Лангобарды и флорентийцы были главными купцами и торговцами деньгами, а папы, которые были главными в Италии, не покровительствовали евреям и не преследовали их. В качестве источника доходов папы не нуждались в евреях. Отовсюду и под всевозможными предлогами в папскую казну непрерывно поступали денежные потоки. Отпущения грехов, индульгенции, диспенсации имели свою цену, и немалую. Богатых грешников было даже больше, чем богатых евреев, и они были столь же прибыльны. Папы были по большей части слишком заняты и часто, можно сказать, слишком религиозно безразличны, чтобы обращать гонителей в угоду совести. Они жили в великом государстве и были полны решимости расширить свой политический и духовный суверенитет. В эти суеверные Средние века, которые признавали в папе действительного 'непогрешимого' представителя Бога, самое эффективное оружие в папском арсенале было бы бессильно против евреев. Евреям было бы наплевать на самое страшное из всех наказаний в католических странах - папское проклятие. Таким образом, несмотря на то, что их деньги и их души были одинаково незначительны в глазах пап, евреев во всех папских владениях в основном оставили в покое. В северных частях Европы, куда влияние магометанства почти не проникло, евреи подчинялись старому римскому праву. Они могли не поступить на военную службу, и им приходилось в основном платить за местную 'защиту' от

землевладельцев. В нашей собственной Англии евреи до этого периода не имели истории. Во всех саксонских хрониках есть лишь два очень слабых упоминания о них. По-видимому, они не селились в Англии в каком-либо количестве до Завоевания, когда, вероятно, некоторые прибыли из Франции в свите Вильгельма Нормандского. В настоящее время интересы сосредоточены в Южной Европе, и главным образом в Испании, где халифы достигли своего наибольшего состояния и где евреи достигли наибольшего процветания со времен плена.

4. Политика Ранних халифов.—Когда империя, основанная с помощью Корана и меча, однажды прочно утвердилась, меч был вложен в ножны, и Коран перестал процветать как оружие. Калифы решили отстаивать свой суверенитет с помощью соблазнительных искусств мира, а не с помощью истребительного процесса войны. Они стремились к чему-то большему, чем власть варварских вождей. Они стремились стать лидерами людей и покровителями образования, а также управлять мыслями, а также судьбами народов. С этой целью они культивировали евреев. Арабские правители были достаточно проницательны, чтобы оценить запас терпения, лояльности и учености в еврейском народе. Они хотели привить эти ценные качества своим собственным, довольно грубым и готовым последователям. Они хотели, чтобы искусство цивилизации украсило их новые владения; они стремились быть такими же великими в школах и на мировых рынках, какими они доказали это на полях сражений. ‘Учителя мудрости - истинные светила и законодатели мира’, - таково было изречение калифа Аль-Мамуна, правившего с 813 по 832 год. Магометанские правители знали, сколь многому из всего, чего они желали, можно было научиться у евреев в их среде. И вот, по всему халифату его еврейским подданным было предоставлено политическое и социальное равенство, а энергии и возможностям нации было предоставлено пространство для роста.

5. Некоторые последствия этой политики.—Империя калифов была огромной. К десятому веку в нем было три отдельных центра управления — в Багдаде, в Каире и в Кордове, и влияние каждого из этих трех халифатов ощущалось даже за пределами его непосредственных границ. Династия Карловингов во Франции на какое-то время уловила что-то от просвещенного духа магометанских правителей, и во Франции, как и в Испании, еврейские врачи, еврейские учителя и еврейские торговцы вошли в моду. В солнечных южных городах Европы появились не только переполненные колледжи, возглавляемые еврейскими раввинами, но и целые флотилии торговых судов, которыми командовали еврейские капитаны, плававшие по Средиземному морю. Это зрелище пробудило некоторую дремлющую вражду. В девятом веке некий архиепископ Лионский заботился о мирских интересах своих соотечественников так же, как самые ревностные церковные сановники могли бы заботиться о своих духовных интересах. Этот архиепископ Агобард в 829 году подал петицию своему королевскому повелителю Луи ле Дебоннеру, молясь о том, чтобы торговля добрых французских христиан была защищена от злых евреев. Воззвать к совести было бы безопаснее, чем к коммерции, и справедливее сослаться на религиозное законодательство. Король Людовик отказался принять петицию достойного архиепископа. Он явно выступал за свободную торговлю, и до тех пор, пока суда были мореходными, а фрахт честным, он, по-видимому, не считал религиозные взгляды суперкаргов каким-либо образом своим делом, равно как и своего архиепископа. У короля Людовика был врач-еврей, и, похоже, этот врач - его звали Седекия — сумел сохранить здоровье своего

царственного пациента как душевное, так и телесное. Во всяком случае, будь то от природы или благодаря 'обращению', этот король Франции, несомненно, обладал прекрасными принципами. "Божественный закон, - писал он в одном из своих посланий, - предписывает мне защищать моих подданных, которые разделяют мою веру; но он нигде не запрещает мне быть справедливым по отношению к тем, кто отличается от меня". Его действия соответствовали его убеждениям, и при более терпимом обращении, которое впервые было введено магометанами, положение евреев на всем юге Европы значительно улучшилось в восьмом и девятом веках. Расширились не только коммерческие операции, но и евреи были в основном заняты на государственных и частных должностях, пользующихся доверием. Их часто назначали сборщиками доходов и управляющими в больших домах знати. Им разрешалось служить в армии, и есть свидетельства того, что по крайней мере в одной провинции, в Лангедоке, им разрешалось быть землевладельцами. В Нарбонне в течение многих лет одним из двух ежегодно избираемых префектов или мэров города был еврей. Их синагоги и школы множились, и в Салерно, Монпелье, Тулузе и Марселе, а чуть позже и в Париже появилось несколько знаменитых раввинов и множество прилежных учеников.

ГЛАВА XX.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ. (711-1150)

1. "Как сон в ночи". — Жизнь в Испании в течение четырех столетий, в течение которых правила династия оммейядских калифов, была для евреев подобна блестящему сну, ворвавшемуся в долгую ночь их истории. Мало-помалу должно было наступить ужасное пробуждение, но пока длился сон, они отдавались его наслаждению. "Земной рай", 'эдемский сад' - так с любовью называли Испанию старые еврейские писатели тех дней. Свобода, которую это давало, была такой новой, такой чудесной, такой сладостной. Мужчины могли работать и поклоняться по своему желанию. Женщины могли быть справедливыми без страха. Дети могут вырасти умными и не обнаружить запертых дверей с надписью 'обращение', преграждающих им путь к успеху. Богатство может быть честно завоевано и доставлять удовольствие, занимая свое законное место в качестве средства распространения счастья. В каждой стране, говорит недавний автор,¹³ есть евреи, которых она заслуживает. Магометанская Испания заслуживала хороших евреев, и они у нее были, и это было щедро оплачено ее собственной щедрой монетой. В средние века Испания лидировала в культуре и торговле, и в своих верных еврейских подданных она нашла, в буквальном смысле, своих проводников, философов и друзей. Они стояли рядом с ней так же преданно на поле битвы, как в зале совета и на ярмарке. Евреи, должно быть, также были ценным контингентом армии, поскольку в 1086 году мы находим, что генералы обеих сторон накануне решающего сражения договорились установить день таким образом, чтобы он не мешал субботе их еврейских солдат. Халифы также проявляли разумный интерес и горячую гордость за своих ученых евреев, и в этой прекрасной стране было достаточно места, чтобы каждый мог наслаждаться своим маленьким уголком и своей маленькой книжкой.¹⁴ Память о солнечном небе и благодатном досуге Испании пустила глубокие корни в благодарных еврейских сердцах. Долгий сон о свободе был таким сладким ,

что резкое пробуждение от преследований было забыто, или, по крайней мере, ароматная тень апельсиновых рощ, казалось, запоминалась дольше, чем яростный жар хвороста и костра. Хорошо иметь возможность "писать обиды пылью, а доброту - мрамором". В 1492 году евреев жестоко изгнали с земли, на которой они веками были так счастливы, а 200 лет спустя мы слышим о потомках тех жестоко изгнанных евреев, которые тайно отправлялись в Испанию и Португалию за лимонами и пальмовыми ветвями, чтобы их ענף могли выглядеть "по-домашнему" в суровых северных землях, на которые выпал их жребий.

2. Школы.—Получив справедливое поле деятельности и некоторый выбор, еврейская деятельность, как и прежде, проявлялась в интеллектуальном направлении. Школы Испании вскоре стали такими же знаменитыми, как *каллы* Вавилона. Кордова, Гранада и Толедо заняли место древних Соры и Пумбадиты, а также еще более древних Джамнии и Тверии. Кордова при халифах была средневековыми Афинами для Южной Европы; а что касается Толедо, еврейский поэт¹⁵ сам расскажет о его прелести:

-Я обнаружил, что словами это не выразить

Половина всей его красоты;

С места на место Я бродил широко,

С неудовлетворенным любовным взором,

Пока я не добрался до королевы всех городов,

Толайтола, ¹⁶ лет, прекраснейшая из виденных".

И одной из самых красивых достопримечательностей этих прекрасных городов были переполненные колледжи, в которых евреи и арабы часто учились бок о бок, и из которых еврейско-арабские профессора выпускали десятками студентов, сведущих в литературе, философии и медицине, а также в своем особом богословском направлении. Достоверно известно, что в тот период, почти за тысячу лет до эры пансионеров, в Испании не было ни одного еврея, который не умел бы читать Библию на иврите и арабском.

3. Первый нагид Испании.—Однажды в 948 году в знаменитом колледже Кордовы внезапно поднялся переполох. Возник спорный вопрос, и вместо готовых ответов воцарилось озадаченное молчание, когда из незаметного угла тихо поднялся незнакомец очень потрепанного вида и разрешил возникшую трудность. Все взоры обратились на оборванного ученого, и президент порывисто поднялся со своего высокого места и тоном искреннего восхищения воскликнул, обращаясь к изумленному собранию: 'Этот раб во вретнице - мой господин, он должен быть вашим'. Это было поспешное решение, но оно было полностью оправдано фактами этой истории. Незнакомец в убогой одежде на самом деле был беглым рабом, или, если говорить совсем точно, освобожденным пленником. В недавно закрытых школах Вавилона он был одним из самых образованных раввинов. У него были захватывающие приключения с тех спокойных дней в Соре, которые он покинул в сопровождении трех других ученых с целью сбора пожертвований на содержание школ в Вавилоне. Его жена и маленький

сын путешествовали с раввином Моисеем бен Ханохом, и все они попали в руки пиратов и были доставлены на борт каперского судна, занимавшегося работоторговлей. Опасаясь худшего, чем плен, жена бросилась за борт во время плавания, трое товарищей были проданы в портах, в которые они заходили, ¹⁷ а раввин Моисей и его сын были выставлены на продажу на невольничьем рынке в Кордове. В те дни считалось первостепенной обязанностью каждой общины выкупить пленных братьев, и добросердечный еврей, увидев двух единоверцев в таком ужасном положении, сразу же выкупил их по текущей цене, которая была невысокой, поскольку их достижения не были известны и, следовательно, не принимались в расчет, и освободил их. Затем отец и сын, печальные и в то же время благодарные, побрели по величественным улицам Кордовы, и какой-то инстинкт привел их к дверям синагоги и школ, что привело к результату, который мы видели. "Моисей, одетый во вретиче", как его называли, стал довольно известной личностью в Кордове. Правящий калиф Абдерахман III был очень просвещенным правителем и проявлял к ученому раввину не только научный, но и добросердечный интерес. У Абдерахмана также был еврейский министр по имени Хасдай бен Исаак, которого он очень ценил; и вполне возможно, поскольку о всей еврейской нации часто судят по отдельным образцам, что опыт калифа с честным Хасдаем повлиял на его общую политику по отношению к евреям в его владениях. Моисей бен Ханох долго прожил на посту президента школ, и его сын, Ханох бен Моисей, сменил его. Полномочия и привилегии Ханоха бен Моисея были значительно расширены, и ему был присвоен титул нагида, или принца, еврейской общины Испании. Это стало несколько более почетной и менее официальной должностью, чем та, которую, но все же очень похожей на ту, которую раньше занимал גלוי־ראש Глава пленения в Вавилоне, и таким образом достоинство, вымершее на Востоке, было возрождено, по крайней мере, номинально, на Западе.

4. Другой нагид: смуты в Гранаде.—Другим известным Нагидом был Самуэль ха-Леви ибн-Нагрела, родившийся в Кордове почти пятьдесят лет спустя (993). В 1013 году Кордовский халифат пострадал от нашествия варваров, и многие великие люди переехали в другие города полуострова. Колледжи Гранады прославились, и Самуил ха-Леви, или Самуил ха-Нагид, как его обычно называют, стоявший во главе их примерно с 1025 по 1055 год, был не только первоклассным теологом и сносным поэтом, но и умным государственным деятелем и очень обаятельным собеседником. Как и Хасдай бен Исаак, Самуэль ха-Нагид занимал пост министра при дворе калифа, и, как и он снова, он занимал его в интересах своего государя и своих единоверцев. Его сын Джозеф унаследовал его почести, но не все его прекрасные качества. У него не было хороших манер, и он был неосторожен. Во время его правления в Гранаде произошел очень серьезный бунт (1066). Евреев обвинили в обращении в веру своих соседей. Это была ошибка, в которой они были настолько маловероятны, что нужно искать причину беспорядков глубже. Возможно, это можно найти в том факте, что население направило свой гнев не на синагоги, а на дома и склады евреев. Это выглядит так, как будто грабеж имел большее отношение к делу, чем религия. Однако вполне возможно, что Нагид Джозеф из-за недостатка такта сумел вызвать у кого-то неприязнь. Если бы это было так, он заплатил бы наказание. Он был убит в ходе беспорядков. Большое количество имущества было уничтожено и еще больше украдено, и около полутора тысяч еврейских семей были вынуждены покинуть Гранаду и найти убежище в других провинциях Испании. Этот бунт в Гранаде был первым нарушением 350-летних приятных и мирных отношений, существовавших между мусульманами и евреями. Но бунт в Гранаде был подобен "маленькому облачку", которое слуга Илии видел

"поднимающимся из моря' после долгой засухи. Мы читаем, что сначала облако было не больше человеческой ладони, но очень скоро "небеса почернели от туч и ветра, и пошел сильный дождь".

5. Возрождение католицизма в Испании.—Две причины помогли осуществить перемены, которые надвигались на евреев, и первой, к сожалению, было постепенное возвращение Испании к христианству. Со времен магометанского завоевания в 711 году небольшим остаткам вестготов, которые были христианами, удалось удержать некоторые горные перевалы на севере Испании. С самого начала это крошечное поселение никогда не прекращало попыток отвоевать свою страну у мавров. Маленький христианский остаток постепенно становился все больше и сильнее, и одно за другим, очень медленно, но очень верно, несколько магометанских государств были отвоеваны у ислама, и отдельные короны были возложены на головы католических монархов. К 1060 году Кастилия, Леон, Астурия, Арагон, Наварра и Португалия были независимыми королевствами, отделенными от Халифата в политике и религии. В 1085 году важный город Толедо был присоединен к конфедерации под председательством Альфонсо VI и стал столицей его королевства Кастилия.

6. Влияние на евреев.—До тех пор, пока магометанская власть была преобладающей на полуострове, частичное возвращение к католицизму мало что изменило в положении евреев. Католические короли не любили своих еврейских подданных так же, как магометанские калифы, но в своих недавно созданных королевствах они находили евреев слишком услужливыми и слишком уважаемыми, чтобы считать безопасным или политичным дурное обращение с ними. Их собственную позицию было трудно завоевать и трудно удерживать. Для этого требовались постоянные бои, и даже тогда она была не слишком надежной. Между тем, все дело жизни не могло осуществляться солдатами. Людей нужно было кормить, учить, исцелять; и все эти крайне необходимые функции самым замечательным образом выполняли евреи. Королям не пристало пренебрегать такими полезными подданными, и на том этапе вряд ли было возможно их преследовать. Для серьезной работы любого рода нужны свободные руки. Католицизм еще не был достаточно силен в Испании, чтобы избрать линию поведения, отличную от ислама. Возможно даже, что цари извлекли некоторые уроки из опыта калифов и смогли увидеть, как они это делали, кое-что о ценности и добродетелях иудаизма. Совершенно очевидно, что в конце одиннадцатого века, когда в моду вошли крестовые походы, ни Альфонсо (VI) Кастильский, ни Петр Арагонский, которые оба были добрыми католиками, не допустили бы, чтобы в их владениях раздавались крики "Хел, Хел", 18. И столь же несомненно, что тот же самый король Альфонсо сильной рукой подавил вспышку гнева в Толедо в 1108 году, которая угрожала еврейскому миру и еврейской собственности. Ранние халифы Испании практиковали терпимость как принцип; ранние короли, возможно, скорее как привычку; но результат для евреев был тот же. Пока династия Оммеядов сохраняла свое господство в Испании, евреи по-прежнему процветали, и иудаизм не подвергался нападкам.

7. Династия халифов Альмохадов.—Вторая причина перемены в судьбе евреев была результатом изменения магометанской системы наследования Халифата. Оммеядские халифы

были просвещенными, справедливыми и либеральными правителями, полными энтузиазма в своей вере и, следовательно, терпимыми в ее отстаивании. Династия Альмохадов, пришедшая к власти около 1150 года, установила совершенно иное положение вещей. Альмохады были сектой воинов-фанатиков. Они уже завоевали Берберию, и это был злой день как для евреев, так и для христиан, когда, воодушевленные своими варварскими успехами, они преуспели в управлении Испанией. Один из самых ранних эдиктов Абдель-Мумена, основателя этой династии магометанских государей, был направлен на обращение его подданных. Очень скоро ислам или изгнание стали единственным выбором, предоставленным евреям или христианам. Некоторые приняли на себя обличье чужой веры и тайно придерживались своей собственной, но гораздо больше выбрали более трудный и благородный путь изгнания, предпочитая 'унылые очаги пустынным душам', многие евреи вообще покинули страну и присоединились к своим единоверцам в Египте и на островах Средиземного моря. В то время в Египте существовали школы, которым не помогали терпимые магометанские султаны, резиденция правительства которых находилась в Каире. Об одном очень знаменитом студенте, семья которого искала убежища в этой стране от преследований альмохадов в Испании, мы услышим позже. [19](#)

ГЛАВА XXI.

ЕВРЕИ В ИСПАНИИ (продолжение). (1150–1492.)

1. При католических королях в Испании.—Большинство евреев, отправленных в изгнание преследованиями Альмохадов, не путешествовали дальше тех провинций Испании, которые отделились от мусульманского правления. Католические короли были готовы, ради их же блага, оказать радушный прием образованным, полезным евреям. Альфонсо VIII, правивший Кастилией с 1166 по 1214 год, был особенно благосклонен к ним. Говорили, что он любил прекрасную еврейку из Толедо по имени Рахиль; во всяком случае, бедная девушка была убита добрыми католиками по подозрению в этом. В течение следующих ста пятидесяти лет после гонений альмохадов положение евреев в Испании все еще оставалось, по-видимому, и на поверхности вещей, положением, которым можно было быть довольным. Они были богаты, им было легко, и они были полезны своим соотечественникам во многих отношениях. Но по мере того, как Испания постепенно становилась все менее и менее магометанской и все более и более католической, папы начали проявлять более активный интерес к ее делам. Главе Церкви не понравился вид такого количества синагог в христианской Испании, а в отношении ереси в целом и евреев как особых примеров ереси духовенство часто было большим папистом, чем папы римские. Более ранние католические короли, однако, были слишком озабочены своими собственными интересами, чтобы поддаться искушению подвергнуться преследованиям только по религиозным мотивам. Они нуждались в евреях. Они зависели от лояльности евреев в своих армиях и от еврейских мозгов в своих офисах. Они не могли позволить себе отказаться от такой службы. Когда в середине XIII века папа Григорий IX из всех сил пытался подстрекнуть Альфонсо Мудрого присоединиться к общему европейскому помешательству того времени против евреев, мы видим, что Альфонсо доказывает одно из своих притязаний на эту фамилию, отказываясь быть подстрекнутым. Предшественник Альфонсо, Фердинанд Святой, проявил

такую же мудрость при подобных обстоятельствах. Несмотря на пап, короли Испании продолжали лично нанимать евреев в качестве врачей и министров финансов, а также во всех отраслях культуры и торговли в своих королевствах, оставаясь вполне довольными тем, что евреи выходят на первый план. Итак, жизнь текла своим чередом под этим солнечным небом, но вулкан только дремал, и время от времени зловещие негромкие раскаты предупреждали о готовящемся взрыве.

2. Синагога Толедо.—Толедо, столица Кастилии, стала в двенадцатом и тринадцатом веках второй Кордовой. В 1360 году, когда Педро Жестокий был королем, у евреев Толедо возникли очень серьезные проблемы. Педро получил эту фамилию ‘Жестокий’ от своих собственных подданных, а не из-за своего обращения с евреями. По отношению к ним он хотел быть добрым, но он был плохим человеком, а даже нежное милосердие нечестивых, как мы читаем, жестоко. Как и у большинства его предшественников, министром финансов Педро был еврей Самуэль Леви. Одной из обязанностей такого министра является повышение налогов. Эту должность Самуил Леви исполнял с такой готовностью к своему царственному господину, что стал крайне непопулярен в народе. В то время как они стонали от своих поборов, они видели, как этот привилегированный еврей жил в большом состоянии, сколотил большое состояние и построил за свой счет великолепную синагогу в Толедо. Они смотрели на эту синагогу как на построенную на их деньги, и вид молящихся в ней вызывал у них отвращение. Нелогичным образом они ненавидели этого человека, его религию и вообще его богатство. От чувства ненависти до ее выражения был всего лишь шаг. В один печальный день евреи потеряли свою прекрасную синагогу, а бедный Самуэль Леви был замучен до смерти. Его состояние было конфисковано, и король Педро, несмотря на свое сочувствие, забрал большую его часть. Однако лично Педро, кажется, всегда делал все возможное, чтобы защищать евреев и быть приятным с ними, и они были удивительно верны ему. В долгой борьбе, которую он вел со своим братом Генрихом Транстамарским за обладание короной, евреи преданно сражались за своего сеньора Педро. В конце концов Генрих восторжествовал, и как во время гражданской войны, так и по ее окончании было совершено больше убийств и грабежей евреев, чем можно было бы описать в строгом отчете о войне. Религия служила оправданием для многих проявлений жестокости. ‘Убивайте их, как овец, если они не желают креститься’, - сказал один знаменитый рыцарь того периода, Бертран дю Геклен. В иллюстрации был мрачный и непреднамеренный смысл. Евреев обычно убивали “как овец”, сначала тщательно стригли их шерсть.

3. Нисходящий путь к смерти.—Со дня смерти Педро (1369 г.) положение евреев полуострова постепенно ухудшалось. Возможно, эпизод с Сэмюэлем Леви немного ускорил события. Возможно, это научило людей тому, что конфискация имущества еврея была более быстрым способом разбогатеть за счет его средств, чем прибегать к его услугам. Короли Испании начали больше нуждаться в денежной помощи, чем в умственном обслуживании, поскольку их положение стало более надежным, а их подданные - более образованными. И они сами в определенной степени заразились фанатичным энтузиазмом того времени. Их религия, интерпретируемая священниками, веками внушала им, что евреи - еретики, а их собственные наблюдения показали им, что евреи были богаты. Они соединили два факта и действовали в соответствии с ними. ‘Примите христианство,’ начали кричать они, - или, по крайней мере,

позвольте конфисковать ваше имущество у христиан'. И в своих подданных монархи Испании нашли ярых сторонников этих взглядов. То, что евреи разбогатели, потому что они были бережливы, умеренны и трудолюбивы, не принесло им популярности среди соседей, которым было лишь немного не хватает этих добродетелей. Духовенство тоже имело большое влияние на население, и они почти поголовно использовали это во вред евреям. Несмотря на столь прискорбную ошибку, вполне вероятно, что некоторые из священнослужителей были добросовестны в своих усилиях и искренне стремились обратить евреев в свою веру. Возможно, не последним испытанием того времени был эдикт, который с этой целью предписывал отводить евреев для прослушивания длинных проповедей с целью их обращения. Однако красноречие ни в коем случае не зависело от него самого; были применены более суровые меры. В 1380 году евреи, которые открыто придерживались своей религии, начали юридически лишаться прав граждан Испании. Им больше не разрешалось занимать государственные должности в армии или практиковать среди христиан в качестве врачей. Их нагид с той даты не имел признанного авторитета, и евреям было предложено располагать свои жилища отдельно от других жителей больших и небольших городов. Еврейские кварталы должны были стать отдельным местом жительства для евреев. Такого рода законодательство произвело свой естественный эффект. Десять лет спустя (1391), после ужасного бунта в Севилье, в результате которого, как говорят, погибло 4000 евреев, некоторые из наиболее храбрых воспрянули духом и обратились к Кортесам, или совету нации, с призывом выступить против такого положения вещей. Кортесы, заседавшие в Мадриде, откликнулись на апелляцию, признали несправедливость и направили комиссию по расследованию в Севилью. Толку от этого было мало. Свирепый и красноречивый проповедник, по имени Фердинанд Мартинес, подстрекал толпу к дальнейшему насилию, выступая против вмешательства государства в религиозные обряды. "Непременным долгом христианина, - заявил этот фанатичный демагог, - было выслеживать евреев, и неотъемлемым правом свободнорожденного гражданина было бросать вызов своему правительству". Комиссия оказалась бессильной, и никто не был наказан. Вскоре аналогичные вспышки произошли в других городах Кастилии и распространились на соседние королевства Наварру и Арагон. В день одного святого в 1391 году в Барселоне произошла ужасная резня.²⁰ Еврейство было разграблено, синагоги снесены, а улицы завалены мертвыми и истерзанными телами. Однако во время этого бунта случайно была уничтожена часть собственности короны, и поэтому некоторым зачинщикам было вынесено наказание.

4. Маранно, или Новые христиане.— В течение ста лет такое положение вещей сохранялось во всех католических владениях Испании, которые к этой дате включали почти всю страну. Неправедные законы отличали евреев не только в их жилищах и занятиях, но и в их одежде, на них было наложено клеймо. Они могли носить только самые грубые материалы, без всякой отделки или украшений; мужчины могли не бриться, а женщины не украшать свои волосы. Эти дерзкие, повседневные унижения, должно быть, сильно ранили такой народ, как евреи, которым нравится получать удовольствие от жизни. Альтернатива крещению стала ужасным искушением, и очень многие поддались ему. Они позволили воде крещения омыть их конечности, и они стояли, не протестуя, пока крестное знамение осеяло их лбы. В глазах Церкви эти люди, которые лгали своими устами и в каждом внешнем действии своей жизни, были новыми христианами и имели право занимать все государственные должности. На языке синагоги те, кто таким образом продал свои души и получил прибыль, были мараннос, искаженное слово маранафа,²¹ что означает 'анафема' или "проклятие на тебе". В их

собственных глазах они все еще были евреями — ‘Евреями в своих сердцах’, сказали бы они, поскольку тайно и с некоторым риском они практиковали еврейские обряды, часто проводя пасхальную службу в подвалах и напевая субботние гимны себе под нос, при плотно закрытых дверях и окнах. Возможно, истина лежит между двумя крайностями, и нужен Тот, кто ‘видит другими глазами, чем наши’, чтобы справедливо судить об этой человеческой слабости и лицемерии. Если грех был велик, то таким же было и наказание.

5. Попытка аргументировать.— В начале пятнадцатого века новообращенный еврей предпринял попытку обсудить и решить вопрос между иудаизмом и католицизмом, по возможности, путем переговоров. Под председательством антипапы Бенедикта XIII. В Тортосе, в Испании, состоялось продолжительное заседание между раввинами и монахами. Конференция провела шестьдесят восемь заседаний и продолжалась двадцать один месяц (с февраля 1413 по ноябрь 1414 года). Должно быть, оно проводилось скорее по образцу знаменитого спора между волком и ягненком в баснях Эзопа, поскольку в результате раввины были уволены, а папа издал буллу, налагающую новые наказания на евреев и запрещающую им, среди прочего, читать Талмуд.

6. Инквизиция.—В 1469 году Изабелла, сестра Генриха IV. Кастильская, вышла замуж за Фердинанда, наследного принца Арагона. Этот брак сделал Испанию объединенной и католической, ибо Гранада, последний из магометанских городов, пала еще до окончания их правления. Молодые монархи очень стремились к тому, чтобы их прекрасное королевство было полностью католическим, свободным от какого-либо налета чужой веры. Они оба согласились, что для того, чтобы воздух был абсолютно чистым, ни евреи, ни мусульмане не должны им дышать. Изабелла действительно так думала, ибо она была искренна в своей фанатичной вере и хороша в своем тусклом свете. Следует опасаться, что Фердинанд передумал насчет своей казны. Ему нравилось обращать евреев, но ему также очень нравилось конфискованное имущество необращенных евреев. Первым официальным актом королевской четы было обращение к правящему папе римскому Сиксту IV с просьбой разрешить учредить трибунал, который мог бы провести тщательное расследование религии любых подозреваемых подданных. Просьба была удовлетворена, и в 1480 году с благословения папы римского в Севилье была начата инквизиция.

7. Задачи и функции инквизиции. Расследование было направлено не на мусульман, которые были открытыми и почти побежденными врагами, и даже не на тех евреев, которые вели честную и никем не замеченную, хотя и бедную и деградировавшую жизнь в своих еврейских общинах, а на самом деле на обращенных мараннос. Маранно были богаты и процветали, и к тому времени их было так много, что говорят, что почти треть всего населения Испании были новыми христианами. Многие из них были дворянами штата, и в течение прошедшего столетия они вступали в браки между собой в лучших католических семьях. Это были люди, которых действительно подозревали в том, что они в глубине души все еще были евреями и соблюдали тайные обряды. Главной целью инквизиции было выявить этот скрытый иудаизм и использовать его в качестве предлога для лишения ‘новых христиан’ очевидного богатства и состояния, которым так завидовали. Под страхом отлучения от церкви каждому лояльному испанцу было

предложено стать шпионом. Никто не был застрахован от этого ужасного трибунала. Ребенок мог донести на своего родителя, жена на своего мужа, брат на свою сестру или даже преступник на своего судью. Обвиняемому не разрешалось знать имя своего обвинителя. Ему не разрешалось иметь какого-либо юрисконсульта. К пыткам прибегали по простому подозрению. Возможности обжалования не было. Наказания инквизиции, которые были совершенно непредсказуемыми, варьировались от епитимьи, бичевания и тюремного заключения до смертной казни. Все степени наказания сопровождалась конфискацией имущества в пользу государства. Казни были торжественными церемониями и назывались *аутодафе*, или актами веры. Обвиняемого облачили в длинное одеяние огненного цвета (*сан-Бенито*), в его руку вложили крест, а затем в сопровождении толпы жертв, одетых в аналогичные одежды, его повели к *Кемадеро* (месту сожжения). Была сделана пауза, пока читалась проповедь для ушей, которые, как мы можем надеяться, немного притупились к этой профанации 'Имени'. Затем, по данному сигналу, был подожжен хворост, и в присутствии короля и королевы, придворных и толпы акт веры был завершен в огне.

8. Некоторые статистические данные инквизиции.—С момента ее первого учреждения было произведено 15 000 арестов. С января 1481 года по ноябрь того же года в провинции Кадис было сожжено 2000 человек, а в одном только городе Севилья - 400. Тюрьмы были переполнены, и даже мертвым не давали покоиться с миром, потому что могилы были вскрыты и осквернены. В 1483 году монах ордена Святого Доминика по имени Томас Торквемада был назначен главным инквизитором, и полномочия этой должности были распространены на Арагон. Под руководством Торквемады работа продолжалась быстрее и ожесточеннее, чем когда-либо. За восемнадцать лет инквизиции Торквемады более 10 000 человек были сожжены на костре, и более 97 000 подверглись различным степеням 'наказания'. Сам папа содрогнулся от чудовища, которого он вырастил, и, возможно, пожалел, что не прислушался к суровому еврейскому повелению: 'Ты не должен следовать за толпой, чтобы творить зло'. Но угрызения совести папы были бессильны перед страстями Торквемады, и инквизиция продолжала осуждать, конфисковывать и сжигать, и в этом ужасном подсчете на личную долю Торквемады приходится 6000 жертв.

9. Указ об изгнании.— 'Когда ты пройдешь через огонь, ты не обожжешься'. 'Никакое оружие, созданное против тебя, не преуспеет; это наследие слуг Господних'. Слышали ли Фердинанд и Изабелла случайно, в часовне или на исповеди, какое-то эхо этих слов в 1492 году? Отражали ли они, насколько тщетными были тысячи смертных сожжений вопреки вечной воле Бога? Трепетали ли они за "процветание" своего грозного "оружия" - инквизиции? И было ли это из ненависти, или из страха, или только по отчаянной глупости, что они решились на другой метод искоренения евреев? Мы никогда этого не узнаем; но в марте того же 1492 года внезапно был опубликован королевский указ, согласно которому все евреи, мужчины, женщины и дети, в этот день через четыре месяца должны были быть изгнаны из Испании. Они не должны были брать с собой никакого имущества, за исключением того, что могли унести; и им предлагалась только одна альтернатива - обращение в христианство. Это был ужасный приговор. Не только Испания на протяжении веков была домом для евреев, но и во всей Европе в то время, казалось, не было шансов найти другого. Это было изгнание без надежды. И все же, к непреходящей чести евреев

и иудаизма, такая альтернатива обращения не рассматривалась ни на минуту, и ради спасения совести, все испанские евреи, около 300 000 человек, буквально и по-настоящему оставили все, чтобы следовать за праведностью. Вся история не может показать более прекрасного примера национальной стойкости и страданий за правду.

10. Заступничество Абарбанеля.—В последний момент была предпринята попытка смягчить ожесточенные сердца Фердинанда и Изабеллы. У них был еврей-казначей по имени Абарбанель, образованный, честный человек, который использовал всю тяжесть своего влияния, своего характера и своих услуг на стороне своего несчастного народа. Он даже снизошел до подкупа короля и предложил внести в казну 3000 дукатов в качестве выкупа. Наемник Фердинанд колебался. Собственность евреев была для него так же дорога, как и их души — возможно, в целом, даже больше, и эдикт, в конце концов, мог бы быть отменен, если бы Торквемада не вмешался в беседу со страстью. Он высоко поднял распятие и воскликнул: ‘Смотрите на того, кого Иуда продал за тридцать сребреников! Вы торгуетесь, чтобы продать его еще раз, и по более высокой цене?’ Король и королева были напуганы этим угрожающим красноречием и остались верны своему решению. А 30 июля 1492 года, к позору правителей и разорению их страны, все некрещенные евреи и еврейки были изгнаны из Испании.

Edwd. Веллер

Edwd. Веллер

ЕВРОПА

В

СРЕДНИЕ ВЕКА

Лондонская компания Longmans & Co.

ГЛАВА XXII.

ЕВРЕИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА.

1. Общее положение европейских евреев.— Некоторое слабое отражение счастья и процветания, которые так долго были уделом евреев в Испании, урывками и на короткое время выпадали на долю их соседних братьев во Франции и в немногих цивилизованных государствах Центральной Европы. Однако такого счастья и процветания не было нигде и ни в какой период, даже в те короткие промежутки времени, когда оно длилось, обеспеченным. Терпимость, распространявшаяся на евреев в Средние века, не основывалась на признании их высших качеств и была продиктована исключительно личными интересами. Об учености евреев заботились очень мало, возможно, вообще не заботились, если только она не проявлялась в медицинских навыках. И даже тогда это было скорее опасное, чем драгоценное приобретение, потому что, если врач-еврей вылечит своего пациента, его, вполне вероятно, обвинят в колдовстве, или, если, несмотря на всю его заботу, пациент умрет, какой-нибудь любящий родственник или разочарованный наследник, вполне возможно, выдвинут против бедного доктора обвинение в отравлении. Однажды это произошло в очень примечательном случае. Король Франции Карл Лысый довольно скоропостижно скончался в 877 году, и широко ходили слухи, что он был отравлен Седекией, еврейским врачом его доброго отца, Луи ле Дебоннера, и с этой даты состояние евреев во Франции неуклонно ухудшалось. Школы на юге Франции, безусловно, процветали и содержались даже в менее населенных районах на севере и востоке, а также в маленьких городках на Дунае и Мэне, поскольку евреи жаждут образования так же сильно, как хлеба; но в глазах внешнего мира евреи Центральной Европы в эти столетия были просто крупной торговой фирмой, обосновавшейся в сообществе хамов и воинов. Обстоятельства того времени, как мы видели,²² сделали из них торговцев, и тенденцией того времени было презирать торговлю и, наживаясь на еврейской предприимчивости, чинить ей всяческие трудности. Таким образом, евреи были отдельной кастой. 'Общество' в Средние века знало только два класса — лордов, владевших землей, и крепостных, которые, принося на Евангелии свои клятвы верности, обрабатывали землю и уходили с ней. Евреев нельзя было найти ни в одном ранге — ни в ранге землевладельцев, ни в ранге земледельцев. В феодальной системе евреям не было места. Единственными двумя общественно признанными профессиями были Церковь и армия. В первую евреи не могли поступить; а во вторую, почти во всей Европе, они не могли. Изолированные от всего остального, они стали универсальными поставщиками Средневековья. Они способствовали развитию торговли путем обмена товарами, и они способствовали развитию цивилизации благодаря постоянному общению, которое таким образом поддерживалось между Востоком и Западом. Возможно, это было спуском с ученого

звания, которое евреи занимали в прошлом; конечно, это было менее приятно, чем их прежние занятия - возделывать, сеять и засевание благодарной земли; но это положение было навязано им; у них практически не было выбора в этом вопросе, и не было причин, почему бы им с радостью не воспользоваться им наилучшим образом. Они смирились с положением вещей, и до тех пор, пока их оставляли в покое, коммерция тоже становилась в еврейских руках достойным, полезным и благородным занятием. Они торговали рабами, как того требовало время, и этим рабам было выгоднее иметь еврейских хозяев; их торговые флоты плавали по Средиземному морю, а их красноречивые путешественники привозили товары Востока на рынки Запада. Но постепенно вся эта торговля стала невозможной. Беды десятого века, когда были закрыты восточные школы, а восточные евреи мигрировали и потеряли как свое положение, так и богатство, затронули евреев Европы. Они оказались лишенными корреспондентов из-за продолжительной торговли. Затем, как по чувству, так и по закону, работорговля была пресечена. И мало того, что в этих изменившихся условиях у торговых судов было бы меньше груза, так еще и нормандские пираты в десятом и одиннадцатом веках необычайно затруднили мирное судоходство по Средиземному морю. Таким образом, не по своей вине все крупные торговые предприятия евреев постепенно потерпели крах, и они были отброшены назад к розничной торговле. Они были трудолюбивы, честны и терпеливы и даже на этом разбогатели; а потом на них посмотрели праздные, завистливые глаза, и одно за другим у них отняли права и привилегии как у торговцев. Что касается евреев, торговля была затруднена, нечестна и позорна. Среди христиан существовали полурелигиозные объединения, или 'гильдии', как их называли, мастеров и рабочих. В тринадцатом веке такие организации были распространены во всех профессиях. Из этих признанных и уважаемых гильдий еврейские подмастерья и еврейские работодатели были в равной степени исключены. В городах и в вольных поселках еврейские торговцы были поставлены в положение, отличное от положения других жителей и в целом более низкое, чем у них. Сельское хозяйство, торговля, общественная и профессиональная деятельность, даже честное гражданство - все это было невозможно для еврея средневековья. И почти по желанию его могли ограбить. *'Les meubles du juif sont au baron,'* was a proverb. Его имущество находилось в таком ненадежном пользовании, что возникла необходимость в том, чтобы его можно было переносить и легко прятать, и таким образом получилось, что евреи в "темные" века постепенно привыкли иметь дело главным образом с деньгами.

2. Евреи становятся ростовщиками. —Еврейам не нравилось занятие ростовщичеством, но если они вообще хотели жить, нужно было найти какой-то способ зарабатывать на жизнь. Монеты, драгоценности, акты и документы, представляющие собой деньги, были самым простым видом собственности, которую преследуемые люди могли держать или прятать. Было много нуждающихся людей, слишком гордых или слишком праздных, чтобы работать, и слишком щепетильных, чтобы грабить открыто, которые всегда стремились покупать в кредит и брать займы под проценты. Рыцарю могут понадобиться доспехи, или поппа для его лошади, или набор украшений для его возлюбленной; священник может пожелать украшенную драгоценными камнями чашу или крест для своего алтаря, и от короля до крестьянина может потребоваться ссуда на любые цели. Каждый, у кого были такие потребности, шел к "своему еврей", чтобы удовлетворить их, и если реальных вещей не было, деньги, как правило, были под рукой, чтобы приобрести их в другом месте. Сам факт возможности давать займы давал еврейам шанс на внимание со стороны нетерпеливых заемщиков. Возможно, только шанс, потому что

настроение при получении кредита сильно отличается от настроения при возврате. Получив товар или деньги, обязательство заплатить часто полностью забывалось, и напоминание еврея о том, что ему причитается, часто вызывало горькое негодование должников, а его требование процентов по долгу осуждалось ими как ростовщичество.

3. Обвинение в ростовщичестве.—Ростовщичество было излюбленным обвинением и правдоподобным оправданием жестокого обращения с евреями в средние века. Обвинения в убийстве христианских детей и использовании их крови в пасхальных обрядах, а также обвинения в отравлении питьевых колодцев были отличными средствами для провоцирования бунта и оправдания невежественного населения в разграблении еврейских кварталов; но у таких обвинений был тот недостаток, что Пасха, предполагаемое время кровопролития, наступала только раз в год, и эпидемия болезней, вызванная не отравлением колодцев, а нечистой жизнью, была еще менее регулярным явлением, и с ней приходилось считаться. Однако заимствования продолжались всегда, и в этом обвинении в "ростовщичестве", применяемом к евреям, было достаточно опасной полуправды, чтобы всегда можно было без опаски кричать, когда кредиторы становились неотложными.

"Ложь, которая на самом деле ложь, можно встретить открыто и бороться с ней;

Труднее бороться с ложью, которая наполовину является правдой.

Слово "ростовщичество" имеет латинский корень и означает просто проценты с денег; Шекспир говорит о пользе.²³ Когда евреи впервые стали торговцами, а не учеными и земледельцами, было признано необходимым специальное раввинское законодательство, которое было введено в действие по вопросу кредитования под "проценты" (תַּשְׁבֵּץ, что в Авторизованной версии Библии переводится как "ростовщичество"). Строгий моисеев запрет 'Не давай займы брату твоему под проценты' был тогда, как и в библейские времена, в полной силе. Но из-за изменившегося положения вещей евреи с более гибкой совестью постепенно были вынуждены придавать более широкое значение 19-му и 20-му стихам 23-й главы Второзакония. Крупные торговые операции предполагали использование капитала, а капитал не мог быть использован без процентов. Таким образом, сделки, которые требовали использования денег в качестве рыночного товара, со временем получили своего рода санкцию со стороны прецедента и справедливый процент на деньги, передаваемые между евреями, как между евреями и христианами, или между евреями и магометанами. Деньги и просто "проценты" на деньги могут быть законно получены любым из них или от любого из них, при этом всегда понимается, что заемщик должен быть совершеннолетним, здраво мыслящим, способным полностью понимать все условия, прямые и косвенные, сделки, и что сделка должна быть, во всех смыслах, вопросом общественного интереса и взаимного удобства. За злоупотребление таким положением вещей, за требование ростовщической процентной ставки за займы, которые требовались от них в те дни, евреи ответственности не несли. Ценность денег непостоянна. Кредитор может на законных основаниях изменять свою процентную ставку в зависимости от риска, которому подвержен его капитал, и быть более или менее пропорциональным ему. Чем хуже обеспечение и чем меньше вероятность окончательного погашения, тем выше, естественно, будут запрашиваемые "проценты". Ростовщичество - это несправедливый процент, и "разные веса и разные меры", а также "ложные весы" по еврейскому закону являются "мерзостью перед Господом".²⁴ Следовательно, ростовщичество противоречит законам и религии евреев. Были

евреи, которые были ростовщиками, но это было явно вопреки их иудаизму. И в той мере, в какой бедные евреи Средневековья могли осквернить свое Имя ростовщической практикой, вина, безусловно, может быть, по справедливости, разделена между теми, кто давал займы, и теми, кто брал займы.

ГЛАВА XXIII.

ЕВРЕИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ (продолжение).

1. Крестовые походы. К концу одиннадцатого века у евреев появились как национальные, так и индивидуальные причины для заимствования, а также национальные и религиозные, а также индивидуальные и особенные основания для грабежей и преследований. В 630 году Магомет вошел в Иерусалим как завоеватель, и более 400 лет мечеть, которую он воздвиг Аллаху, стояла нетронутой на руинах церкви императрицы Елены. Это конкретное завоевание Магомета было как религиозным, так и политическим бельмом на глазу католической Европы. Оно утверждало господство ислама на том самом месте из всех остальных, которое было для христиан самым священным. По мере распространения католицизма желание отвоевать гробницу своего Спасителя у неверующих становилось все сильнее среди последователей Иисуса. Воинственный дух того времени искал благочестивый мотив для своего выражения, и таким образом, благословленные и ободренные со всех сторон, присягнувшие воины креста отправились из Франции, Германии и Англии отвоевывать Иерусалим у мусульман. 'Усердие - это хорошо, но любовь - лучше'. Этот внезапный всплеск фанатизма имел очень печальные последствия для евреев. Для них, с точки зрения чувств, не имело большого значения, правили ли христиане или мусульмане на их потерянной земле, и был ли крест или полумесяц установлен там, где сиял וְהָיָה לְכָל הָעָם לְזִכָּרוֹן. В любом случае, их святыня была заброшена, и евреи, должно быть, смотрели на эту борьбу между христианами и магометанами за обладание их собственным потерянным городом с угрюмым чувством несчастливого безразличия. И все же, на самом деле и по истории, Крестовые походы имели для евреев очень ужасное значение. Рассуждая логически, за которым нетрудно проследить, массовое убийство евреев и их грабеж считались законными предварениями каждой из этих рыцарских экспедиций на Восток. Это были 'неверующие', с которыми отправлялись сражаться крестоносцы, и здесь были 'неверующие' более древнего сорта, обитавшие среди них; разве не было хорошо начать с них? Деньги тоже требовались для их священных войн; разве еврейское богатство не было удобно под рукой? Убийство неверующих евреев, конечно, не было убийством; разграбление евреев, использование их сокровищ на столь святое дело, еще меньше было 'грабежом'. Такова была логика крестового похода. Евреи всегда не спешат ценить воспетое рыцарство средневековья. Они видели его изнанку.

Эпоха самых жестоких преследований открылась для евреев Центральной Европы с первым крестовым походом в 1096 году. Неистовство нетерпимости и фанатизма, которое называлось прекрасными именами религии и рыцарства, распространялось подобно эпидемии. Это началось в Треве, и там чернь под руководством бессердечных и безденежных рыцарей разграбила еврейские кварталы и вырезала жителей. Примеру, поданному в Треве, последовали в Меце, Страсбурге, Майнце, Вормсе, Кельне и Шпайерсе. По всем берегам Рейна,

Мозеля, Мэна и Дуная, в цветущих городах, которые еврейская предприимчивость сделала богатыми, еврейские мужчины и женщины, и даже маленькие дети, были убиты, как скот. Добыча, полученная в результате убийств и грабежей, шла на покрытие расходов на священные войны. Иногда жертвам предлагалась альтернатива крещения; чаще выбора не предлагалось, но за разграблением следовало святотатство, а за грабежом - убийство. Некоторые военачальники сжигали евреев; некоторые довольствовались сожжением только еврейских книг и свитков. Но примечателен тот факт, что, хотя их книги были сожжены, чтобы те, кто их читал, не были осквернены, никогда не считалось необходимым подвергать их ценности в виде монет и драгоценностей подобному процессу очистки! В целом, сожжение было излюбленным способом убийства евреев, но иногда какой-нибудь город или какой-нибудь лидер прибегал к более оригинальному методу. Шпайерс, например, топил своих евреев, Майнц однажды довел своих до массового самоубийства, а Страсбург за один раз избавился от двух тысяч человек в результате огромного костра.

В 1098 году Иерусалим, после многих отпоров, оказался в безопасности в руках крестоносцев, и завоеватели отпраздновали свой успех столь полной резней евреев, живших тогда в Иерусалиме и его пригородах, что, когда город снова был взят магометанами, вряд ли остался хоть один еврей, который ликовал бы по поводу поражения христианского оружия. В течение пятидесяти лет Иерусалим оставался завоеванным магометанами. В конце этого времени (1147 г.) был организован второй крестовый поход, чтобы вернуть его. Все, кто присоединился к этой экспедиции, были торжественно освобождены папой Евгением III от всех обязательств по выплате любых долгов, которые они могли быть должны евреям. И в этом втором крестовом походе, как и в первом, широкая красная полоса еврейской крови отмечала путь, по которому крестоносцы шли на Восток, а пламя от сжигаемых евреев было маяками на их пути.

2. Проблески лучших вещей.—Время от времени случались инциденты, которые проливали свет во тьме того жестокого века. Испанские евреи, чьи несчастья произошли позже, не пренебрегали своими несчастными единоверцами. Не раз мы видим, как все еще процветающие евреи Испании посылают сочувственные послания и значительные пожертвования преследуемым евреям Франции и Германии. И среди христиан было много храбрых, хороших людей, которым хватало смелости быть гуманными и выделяться как исключение из общей линии поведения, которой придерживались по отношению к евреям. Епископ Шпайерса и епископ Кельна сделали все возможное, чтобы защитить евреев во время ужасных сцен, предшествовавших первому крестовому походу (1096). И во время второго крестового похода (1147 г.) знаменитый монах святой Бернар из Франции отличился таким же образом. Он делал все, что мог, голосом, рукой и пером, чтобы сдерживать господствующую моду на жестокость. Папа Александр III. был еще одним сторонником справедливого обращения с евреями и папой Иннокентием IV. на самом деле выпустили буллу, в которой со смехом отвергали выдвинутые против них обвинения в убийстве детей ради вкуса пасхальных лепешек и объявляли 'преступлениями' жестокость, применяемую христианами к евреям. Но насколько печально исключительными были такие случаи, можно судить по тому факту, что церковные историки пытаются объяснить гуманность этого доброго епископа Кельнского в 1096 году, говоря, что он был подкуплен евреями и что его доброта к ним была куплена на их собственные деньги. 'Спаси меня от моих друзей', - вполне мог бы воскликнуть этот бедный епископ. Он защищал свою ортодоксальность в ущерб своей честности с удвоенной силой.

3. Жизнь во Франции до изгнания оттуда.—Со дня смерти Карла Лысого (877) и обвинения в отравлении, выдвинутого против его еврейского врача Седекии, положение евреев во Франции медленно и постепенно, но довольно неуклонно ухудшалось, пока несправедливость не достигла своего апогея в издании эдикта об изгнании (1394). С девятого по двенадцатый век еврейские школы и синагоги продолжали существовать, и люди были сносно защищены от насилия. Еще в 1165 году, когда известный испанский путешественник-еврей по имени Бенджамин из Туделы посетил Францию, он обнаружил, что подобные заведения процветают в большинстве городов, которые он включал в свои путешествия, и, похоже, он совершил очень обширное путешествие как на север, так и на юг. В Нарбонне путешественник рассказывает о больших участках земли, обрабатываемых евреями и находящихся в их собственности на условиях, которые мы бы назвали арендой, у землевладельцев. Париж, по-видимому, был любимым городом еврейской расы даже в то время, и христианские писатели подтверждают рассказ Бенджамина из Туделы о процветающем и уважаемом положении евреев, которые там жили. Крестовые походы и нужда в деньгах для их проведения были главными причинами преследований, которые должны были так скоро последовать. Страдания евреев во Франции были, как правило, вызваны не столько фанатизмом и религиозной ненавистью со стороны священников и населения, сколько алчностью королей. В Испании евреев выгоняли из страны как еретиков. Во Франции с ними обращались скорее как с губками, которые сначала выжимали, а затем выбрасывали. Ближе к концу XII века король Филипп Август приказал им всем скопом покинуть свои владения (1180 г.), и выкупные деньги, которые евреи дали за право вернуться, обеспечили им короткий период "защиты". Изгнание евреев и продажа им разрешения вернуться были признаны отличным средством получения крупной суммы денег, и процесс повторился в 1306 году, когда королем Франции стал Филипп IV, один из самых жестоких государей, когда-либо сидевших на троне. Прежде чем они были изгнаны в 1306 году, их имущество было в значительной степени разграблено и конфисковано, и бедным изгнанникам, должно быть, было трудно собрать огромную сумму, которую несколько лет спустя потребовали за право вернуться. Подобно Ноевой голубке, которая во всем огромном мире не нашла пристанища для своей крошечной ножки, евреи в то время не имели большого выбора или шансов на безопасное убежище в какой-либо стране, иначе мы могли бы удивиться, что они платят за разрешение вернуться к таким негостеприимным берегам. При Людовике Святом (Людовик IX, 1226-1270) была применена новая форма преследований. Убийства евреев и разграбление их имущества были обычным делом; было решено уничтожить их литературу. Итак, был совершен налет на еврейские библиотеки, и для начала в Париже были сожжены двадцать четыре повозки, набитые талмудическими книгами. Именно при этом царе евреям также было запрещено заниматься врачебной практикой, и все они были вынуждены носить бросающуюся в глаза одежду. Он назывался *rouelle*, и его отличительная черта заключалась в том, что кусочек синей ткани пришивался спереди и сзади к верхней одежде как мужчин, так и женщин. Людовик Святой, должно быть, к другим своим претензиям на звание святого добавил добродетель оригинальности.

В 1320 году был еще один крестовый поход, еще одно обвинение против евреев и еще одна крупная сумма еврейских денег, внесенная в королевскую казну. При внимательном рассмотрении эти три одновременных события, по-видимому, имеют несколько подозрительную связь друг с другом. Крестовый поход 1320 года, получивший название "Восстание пастухов", был начат крестьянами, которые, по-видимому, были слишком бедны,

чтобы оплатить его расходы, и предварительный крестовый поход против евреев был очень удобным способом собрать необходимые деньги для священной экспедиции. Поэтому против них был поднят крик об отравлении колодцев. Любое обвинение против евреев обязательно приводило к грабежу или к взятке, достаточно крупной, чтобы сделать грабеж ненужным. В 1348-1349 годах в Европе свирепствовала Черная чума. Говорили, что эта ужасная эпидемия пощадила евреев. Поскольку это действительно пощадило их, их более чистая жизнь и более умеренные привычки были бы вполне достаточным объяснением для всех разумных людей этого несколько сомнительного факта. Но разумных людей, по-видимому, в те дни было мало, а фанатиков - много. Евреев обвинили как в том, что они вызвали эпидемию, так и в том, что они не пострадали от нее, и снова против них было выдвинуто смехотворное обвинение в отравлении колодцев. Должно быть, считалось само собой разумеющимся, что евреи жили без питья! Обвинение, однако, было достаточно убедительным для своей цели. Евреи погибли от меча, если не от чумы; им не был предоставлен выбор, предоставленный их царю Давиду, который предпочел быть наказанным чумой, а не мечом, пасть от "руки Божьей, а не от руки человека".

4. Выслан из Франции.—17 сентября 1394 года, в день יום קריק, когда Карл VI. когда был король, с уведомлением за шесть недель евреям было приказано полностью покинуть Францию, и это третье изгнание было решительным и всеобщим и включало всех евреев во всех частях страны.

5. Обращение с евреями в германских государствах. В девятом и десятом веках многие французские евреи перешли Рейн и, эмигрировав в Германию, основали там колонии, которые крестоносцы примерно два столетия спустя, по пути в Святую Землю, сочли удобными для разграбления. Из Германии евреев никогда не изгоняли целиком, как это было из Франции и Испании, и, как мы сейчас увидим, из Англии, но было много локальных и частичных изгнаний; и немецкие евреи с девятого по почти девятнадцатый век жили, так сказать, в гуще тревог и вели, по большей части, жалкое существование. На протяжении средневековья их юридическое положение в этих владениях было положением крепостных императора, и они платили определенный налог за несколько неопределенную 'защиту'. Сами императоры часто были благосклонны к евреям, а Фридрих Барбаросса, правивший в двенадцатом веке, был особенно гуманен. Жадный фанатик однажды явился к этому императору с известием, что трое христианских детей были найдены мертвыми в доме еврея накануне Пасхи; и 'что же было делать?' - взволнованно спросил этот человек. 'Трое детей умерли!' - спокойно сказал император. 'Что ж, пусть их, конечно, похоронят'. Но не все императоры Германии были похожи на Фридриха Барбароссу, и очень немногие из принцев. Евреев избегали и притесняли в германских государствах, даже когда и где они не были возмущены открыто и яростно. Они ходили среди людей с клеймом Каина, наложенным на них, без греха Каина. Каждый город, каждая улица, каждый дом почти во всех немецких владениях могли 'рассказывать печальные истории'. И поскольку *конец* никогда не был вписан на страницу еврейской истории в Германии, как это было некоторое время в Испании, Франции и Англии, печальная история в этой части мира не приходит к резкому и драматическому завершению и обрывается без определенной и устоявшейся даты.

ГЛАВА XXIV.

ЕВРЕИ В Англии. (1066-1210 гг.)

1. Первые семьдесят лет.—Помимо редких упоминаний в саксонских хрониках, нет никаких записей об английских евреях до окончания Конкисты (1066 г.), когда евреи из Франции и Германии в поисках более счастливых домов, возможно, пересекали Ла-Манш в обозе Вильгельма Нормандского, надеясь найти таковых. Вероятно, новые подданные Вильгельма восприняли их как одно из многих последствий вторжения, и евреи постепенно заняли сносно комфортное и безопасное положение в городах, в которых они поселились. Лондон и Оксфорд стали штаб-квартирами. Выбор Лондона, столицы, достаточно объяснен. Привлекательность Оксфорда заключалась, по всей вероятности, в его научной репутации. Идея короля Альфреда сделать Оксфорд центром обучения воплощалась в жизнь уже в одиннадцатом веке, и хотя ни один из колледжей не датируется намного более ранним периодом, чем тринадцатый, тем не менее названия некоторых из них — Мозес-Холл и Джейкоб-Холл, например, — безмолвно свидетельствуют о присутствии евреев и росте еврейского преподавания, и, возможно, о влиянии еврейской торговли в Оксфорде. Маленькие колонии евреев обосновались также в Йорке, и в Линкольне, и в Норвиче, и в различных других городах, и открыли небольшие предприятия, и им всегда удавалось, какими бы бедными они ни были поначалу, найти какую-нибудь маленькую комнату, которая служила бы местом собраний для молитвы и школьных занятий. В Лондоне они вскоре стали достаточно многочисленными и преуспевающими, чтобы получить великую привилегию - "место захоронения своих умерших". Это первое поселение евреев в Англии находилось в Сент-Джайлсе, Крипплгейт. Таким образом, какое-то время все шло хорошо. Вильгельм I. был завоевателем, но не угнетателем; Уильям Руфус, хотя и распутный и нечестный, все же был средневековым джентльменом, который, однажды пообещав защиту, сдержал свое слово, а Генрих I. был ученым и испытывал некоторую симпатию к исторической расе, которая так мужественно и терпеливо приспособлялась к изменившимся обстоятельствам. Именно в правление Стефана (1135-1154) начались проблемы евреев в Англии.

2. 'Святые' и припасы.— Гражданские войны, возникшие в результате спора о престолонаследии после смерти Генриха, лишили страну денег. Богатство еврейских торговцев представляло собой резкий и нелепый контраст с бедностью христианских рыцарей. На эти богатства был брошен недобрый взгляд, и поскольку совесть страны едва ли еще ожесточилась к открытому и неспровоцированному грабежу евреев, люди стали искать благовидный предлог для их ограбления. Не было найдено ничего более оригинального, да, возможно, и не было необходимости, чем то, что так часто использовалось на Континенте, — обвинение в убийстве детей в целях празднования Пасхи. Однажды в городе Норвич пропал без вести некий маленький мальчик по имени Уильям, и сразу же было объявлено, что он убит, а евреев обвинили в его убийстве. Нет даже уверенности в том, что тело маленького потерявшегося мальчика когда-либо было найдено. Уильям Норвичский, однако, был причислен к лику святых и внесен в список мучеников-чудотворцев, в то время как предполагаемые виновники никогда

не совершенного преступления были повешены, а английские евреи в целом были обложены налогом в размере предполагаемой и несколько фантастической стоимости святого младенца. Настоящими мучениками в этом деле, безусловно, были евреи, и настоящим чудом было легкое получение огромных сумм денег по таким явно смехотворным обвинениям. Евреям пришлось смириться с разграблением, и для них, возможно, было лучше, чтобы их имущество было 'конфисковано' по приказу короля, чем по милости населения. Мода, установленная Стефаном, оказалась удобным и готовым способом добывания припасов. Святой Вильгельм Норвичский был первым святым, которого евреи Англии внесли в календарь, но в средние века он был представителем класса тех, кого можно было бы назвать святыми-покровителями безденежных королей, ленивых священников и 'рыцарской' знати. Этим так называемым святым всегда удавалось наполнить пустые сундуки своих приверженцев, и в этой степени им, безусловно, можно приписать чудодейственную силу. Самым знаменитым из них является некий Хью Линкольнский, который, как говорят, жил и умер во времена правления Генриха III. Местная известность этого маленького святого была обеспечена повешением двадцати евреев этого города, тюремным заключением более ста человек и всеобщей конфискацией еврейской собственности в Линкольне. Литературный интерес к маленькому Хью, пережившему религию, был вызван тем, что Чосер выбрал его героем одного из своих знаменитых Кентерберийских рассказов.²⁵

3. Восшествие на престол Ричарда.—В 1189 году Ричард львиное сердце, герой стольких романтических историй, взошел на английский трон. Евреи, которые становились все более и более непопулярными на протяжении всего долгого правления Генриха II, думали, что восшествие на престол этого, подающего самые большие надежды из его сыновей, может привести к благоприятным изменениям в их положении. Итак, на церемонию коронации прибыла небольшая группа евреев, выбранных своими единоверцами в качестве представителей, из каждого города Англии, где поселились евреи. Все члены этой делегации принадлежали к самому богатому и уважаемому классу. Они были великолепно одеты и несли богатые подарки, которые должны были быть преподнесены королю от имени всей еврейской общины Англии и с верноподданническими поздравлениями. У них так и не было возможности произнести задуманные красивые речи или предложить свои красивые подарки в качестве умиловливания. Возможно, вид такого количества богатств, принесенных в качестве добровольного подношения, навел на мысль о грабежах. Если евреи могли давать так щедро, без просьбы, чего бы они не могли дать при небольшом давлении? Так рассуждало население, и в результате делегация так и не добралась до дворца. На него безжалостно напали и ограбили, и один из них, еврей из Йорка по имени Бенедикт, был так тяжело ранен в ходе беспорядков, что добрался домой только для того, чтобы умереть от полученных ран. В испуге этот Бенедикт даже согласился креститься, но трусость бедняги не спасла ни его жизни, ни состояния. Возможно, его 'обращение' стало средством привлечь больше внимания к нему и его соседям, поскольку, хотя возмущение Лондона соперничало с возмущением в различных частях королевства, именно в Йорке в этот раз евреи пострадали больше всего. Говорят, что история повторяется, и, конечно, история крепости Масада в 72,26 годах имеет мрачный аналог в истории Йоркского замка тысячу лет спустя. В тот ужасный месяц коронации евреи Йорка заперли свои дома и, дрожа, укрылись в замке. Толпа окружила стены, и сопротивление стало безнадежным. Тогда евреи Йорка, в диком страхе перед англичанами, подобно евреям Масады, в диком страхе перед римлянами, подожгли неприступные стены крепости и во главе со своим раввином и

красноречивым единоверцем по имени Хоахин убили сначала своих жен и детей, а затем самих себя. Таким образом, англичане в одиннадцатом веке, подобно римлянам в первом, захватили цитадель и обнаружили, что ее гарнизон усеян трупами. Некоторые говорят, что 500, а некоторые говорят, что 1500 евреев были убиты только в Йорке в том 1189 году. Впоследствии была созвана комиссия по расследованию, и главари были подвергнуты некоторым наказаниям. Но не из-за массовых убийств. В ходе разграбления домов евреев были сожжены или уничтожены различные документы и права собственности на имущество, стоимость которого нельзя было определить с первого взгляда. Предположительно, владельцы были мертвы. По законам страны тех дней, все такое бесхозное имущество возвращалось короне. Расправа с пропавшими владельцами была ошибкой, склонявшейся на сторону добродетели, но небрежное уничтожение пропавших записей было мошенничеством с казной — действительно, очень тяжким преступлением.

4. Обращение Ричарда.—Ричард, вероятно, проявил полное отвращение к столь буйному поведению. Из-за этого он потерял свои коронационные подарки, а периодические грабежи, которые происходили во время его крестоносных походов, должно быть, размышлял он, были явной и еще большей потерей для казны. По возвращении из плена он перевел все это дело на законную основу. Евреи были зарегистрированы как движимое имущество короны, и для управления еврейскими делами в королевском казначействе был создан специальный суд. Сумма имущества каждого еврея по всему королевству была установлена настолько точно, насколько это было возможно, должным образом занесена в бухгалтерские книги, а затем в соответствии с этим списком была составлена шкала сборов и податей, и эффективный штат евреев и христиан был назначен в качестве ответственных сборщиков. Это была жесткая система, но это был открытый грабеж, с которым приходилось считаться, и евреи от этого бесконечно выигрывали. Ричард не был ни жестоким, ни капризным, ни преследующим. Он объявил их ‘своими евреями’, и в его интересах, и, вероятно, ему доставляло удовольствие защищать их и не допускать дополнительного или несанкционированного грабежа со стороны священников, баронов или простого населения. К несчастью для евреев Англии, Ричард правил всего десять лет.

5. При Иоанне.—Распутный, беспринципный и ненадежный Иоанн Анжуйский наследовал своему брату в 1199 году. Во время частых отлучек Ричарда из Англии Иоанн строил заговоры в пользу короны и находил евреев очень полезными в обеспечении его средствами для поддержания образа либерального, непредубежденного принца. Он был щедр на исповедания и обещания доброй воли, и благодарные евреи стремились с помощью добрых услуг сохранить благосклонность своего будущего государя и заслужить ее. Убаюканные его справедливыми речами, они даже убедили многих своих богатых континентальных единоверцев приехать в Англию, и в первые годы правления Иоанна, ободренные таким образом, евреи стали немного меньше прятать свои деньги и немного больше наслаждаться ими. Возможно, что в своей безопасности они были даже немного показными. И вполне возможно, что население стало раздражаться из-за королевской милости, оказанной презируемым евреям, и несколько завидовало богатству, которое они теперь демонстрировали, и от которого в течение многих прошедших лет пожинала плоды только королевская семья. Или, возможно, такая милость,

оказанная Джоном, была совершенно капризной, и он играл со своими жертвами, как кошка с мышью, которую она хочет проглотить. Во всяком случае, его настроение изменилось, и в 1210 году совершенно внезапно, без какого-либо предупреждения или провокации, все евреи в королевстве были заключены в тюрьму, а их имущество объявлено конфискованным. Тех, кто не раскрывал местонахождение своих сокровищ, пытали, и, как говорят, Джон сам стоял над одним евреем в Бристоле, наблюдая, как ему удаляют зуб за зубом, пока не был согласован выкуп за право жертвы сохранить два или три оставшихся зуба в его голове.

ГЛАВА XXV.

ЕВРЕИ В АНГЛИИ (продолжение). (1216-1290 гг.)

1. Следующие пятьдесят лет.— На протяжении всего меньшинства и в течение долгого правления Генриха III. (1216-1272) положение евреев становилось все хуже и хуже. "Хел, Хел" за последнее столетие звучало не так часто, не оставляя эха. Даже когда связь этого крика с крестовыми походами несколько ослабевала, он сохранял свое полное и ужасное значение для евреев. Церковь, и государство, и люди - все, казалось, объединились, чтобы угнетать их, и у каждого была своя отдельная причина и оправдание угнетения. Церковь, ожесточившаяся в своем фанатизме, ненавидела евреев просто как евреев и преследовала их религиозно. Государство рассматривало их как золотую жилу, которую нужно разрабатывать с максимальной прибылью и с минимальным количеством личных или фамильярных контактов, насколько это было возможно. Население, которое неизбежно было связано с евреями более тесными отношениями, чем священники или бароны, смотрело на них со странной смесью невольного восхищения и суеверной неприязни. Они не могли не признать, что высокий интеллект и бережливость презируемых евреев были, по крайней мере, одной из причин, способствовавших их большому богатству. Неприятно признавать, что люди, стоящие ниже тебя в социальном плане, морально и интеллектуально превосходят тебя самого. Евреи Англии в тот период сильно отличались от евреев Испании, но разница была определенной; как бы низко они ни пали по сравнению с тем, какими должны были быть евреи, они все же были гораздо менее невежественны и суеверны, чем большинство их соседей. Они молились Богу, а не взывали к святым, и они верили в воздержание и чистоту, а не в сомнительные "реликвии", способные отвратить физические недуги. Однако их знания, как и их религия, часто представляли еще одну опасность для евреев. Если они пытались учить ребенка какого-нибудь соседа-христианина, или преуспевали в исцелении больного человека, или помогали бедняку, на любое такое доброе служение, скорее всего, смотрели с подозрением, чем с благодарностью. Евреи при этом правлении тоже были вынуждены носить отличительную одежду, и как могли носители белого значка²⁷ передвигаться среди своих собратьев без чувства отчужденности, которое, должно быть, делало невозможным любое фамильярное и полезное общение? И часто, чтобы царская казна была хорошо наполнена и обеспечивалась "защита" царя, евреи были вынуждены охотиться на народ. Они не понравились бы соседям,

если бы захотели, и, таким образом, евреи оказались совершенно одни в королевстве, предоставленные самим себе, без шанса завести друзей среди населения, священников или знати.

2. Каорсини.— Помимо вражды и предубеждений со стороны Церкви и государства, у евреев были, так сказать, профессиональные враги в классе ростовщиков, называемых каорсини. Первоначально Каорсини были банкирами и собирателями доходов папы римского и жили в городе Каор в Италии. Затем некоторые из них прибыли в Англию и постепенно превратились в обычное и признанное ремесло торговцев деньгами. Это, в некотором смысле, было браконьерством на еврейской земле, и евреям это было тяжело, потому что каорсини не были честными соперниками в равной и открытой конкуренции. Каорсини имели преимущество в положении, будучи, так сказать, лицензированными торговцами деньгами; и, кроме того, у них не было непопулярности расы, которая мешала бы им. Евреям, чтобы покрыть серьезные риски, которым всегда подвергалась их собственность, часто приходилось запрашивать более высокую процентную ставку, чем устраивало Каорсини. Это разозлило клиентов обеих компаний, и конкуренция породила нездоровую торговую ревность и недоверие между конкурирующими торговцами деньгами, и такое положение вещей, конечно, сильнее всего давило на тех, кто уже был обременен и ослаблен грузом предрассудков.

3. Первый член парламента от евреев. Постоянные ссоры между Генрихом и его баронами истощили казну, и пришлось искать новые способы добывания денег. Старое обвинение в распятии христианских детей было возрождено, и маленький Хью из Линкольна послужил предлогом для довольно масштабного ограбления. Но это изношенное устройство не было полностью удовлетворительным, поскольку оно обязательно ограничивалось одним населенным пунктом за раз. В 1240 году был найден совершенно новый способ сбора припасов. Был созван еврейский парламент. Судебные приказы были выданы по надлежащей форме, без указания причин для экстраординарного разбирательства. Более крупные города должны были вернуть шесть представителей евреев, а меньшие - двух. Когда новоизбранные члены встретились, им без обиняков объяснили их задачу, которая заключалась в том, чтобы без малейшего промедления собрать 20 000 марок²⁸ среди своих единоверцев для пополнения королевской казны. Затем парламент был распущен. Эти члены, датируемые 1240 годом, являются самыми первыми еврейскими депутатами парламента в Англии.

4. Еще одно устройство для сбора денег. Предложение еврейского богатства все еще оказывалось неравноценным постоянному спросу на него, и чуть позже Генри, у которого, должно быть, был действительно оригинальный ум, придумал совершенно новую схему. Мы должны помнить, что евреи по конституционному закону были 'его евреями'. Он вывел деньги из своей собственности всеми мыслимыми способами, известными добросовестным владельцам собственности; теперь, почему бы ему не продать ее? Прибыль могла быть передана заново в новые руки. Итак, на самом деле король Генрих III продал своих евреев своему брату Ричарду, получив за них 5000 марок, и, согласно условиям этой замечательной сделки, Ричард, граф Корнуоллский, стал законным владельцем, со 'всеми правами, сохраненными', всех евреев в

королевстве. Однако условия продажи, по-видимому, рассматривали собственность скорее как право аренды, чем как право свободного владения по своей природе, поскольку в настоящее время мы обнаруживаем, что король забирает 'своих евреев' и впоследствии снова продает их каорсини.

5. При Эдуарде I. — В 1272 году закончилось долгое и жестокое правление Генриха I. И если бы, подобно Ироду, он пожелал, чтобы на его похоронах были слышны рыдания евреев, он вряд ли смог бы придумать более надежный способ добиться этого удовлетворения, чем тот, который предоставлял его последний закон. Этим статутom было постановлено, что все недвижимое имущество, принадлежащее евреям в виде земли или домов, должно быть отобрано у них, а любые ипотечные кредиты, которыми они владели по ценным бумагам такого рода, должны были быть официально переданы и конфискованы в пользу короны. Эдуард I. утвердил несправедливый закон и, чтобы продемонстрировать некоторую склонность к преследованиям, помимо подражания, он издал приказ, согласно которому отличительный знак, который носили евреи и который до сих пор был белого цвета, отныне должен быть желтым.

6. Несколько ироничных законов. Государство в этот период проявляло также некоторую заботу, хотя, следует признать, несколько непрактичного рода, о моральном состоянии еврейской части своей собственности. Еврейская привычка к 'ростовщичеству' серьезно осуждается сводом законов того времени, и предлагается совет, согласно которому евреи должны заниматься промышленным и сельскохозяйственным искусством вместо или помимо почти повсеместного занятия розничной торговлей. В то же время были введены новые налоги, а старый закон, запрещавший евреям владеть 'реальной' собственностью любого рода, остался неисполненным. Так что добрый совет прозвучал несколько иронично, а беспокойство, выраженное по поводу оскорбленной морали, звучит немного лицемерно. Ибо как могли люди, у которых, возможно, не было ни пяди земли, испытывать какой-либо интерес к посеву и к тому, чтобы засеять ее? и как могли ремесленники или чернорабочие, работающие за небольшую плату, зарабатывать десятину с пошлин, которые сами по себе давали евреям право на существование? В то время как законодательство вынуждало людей жить отдельно и одеваться отдельно и требовало, по своему собственному капризу, несправедливой доли их заработка, оно вынуждало таких людей заниматься низменными занятиями и затрудняло им заниматься даже ими честно.

7. Нечестные евреи. — По правде говоря, ужасное давление, оказываемое на евреев из-за денег, подтолкнуло многих из них к нечестным способам их получения. Огромные суммы, которые постоянно требовались, невозможно было собрать каким-либо законным способом. Находясь в ужасном положении, евреи обрезали и фальсифицировали монету королевства. Хотя, строго говоря, те, кто требовал денег, которые, как они прекрасно знали, честным путем добыть было невозможно, на самом деле совершили это преступление и были в некоторых отношениях так же виновны, как и те, кто его совершил, тем не менее, две ошибки еще никогда не исправляли одну, и никакая бедность не может служить оправданием нечестности. Лучше умереть с голоду, чем воровать, лучше, чтобы тебя избегали, чем обманывать. Поэтому нет

причин для жалоб на тот факт, что мошеннические действия, когда бы они ни были обнаружены, наказывались самым суровым образом. В ноябре 1279 года все евреи королевства были арестованы по предъявленному некоторым из них довольно основательному обвинению в обрезке и фальсификации монеты. Многие неевреи также были арестованы, но их наказания, когда их признали виновными, были гораздо менее суровыми, чем те, которые были вынесены евреям. По этому случаю только в Лондоне было казнено восемьдесят евреев.

8. Усилия по обращению.—Хотя их богатство было главным интересом, которым евреи интересовались у власть имущих, все же их обращение всегда было второстепенной целью, и его никогда полностью не упускали из виду. Иногда это служило оправданием, а иногда и поводом для небольшого дополнительного преследования. Во время правления Эдуарда I, папы Гонория IV. издал буллу, осуждающую ростовщичество и мошенничество, которые, с ним согласятся все люди, являются практикой, заслуживающей осуждения. Но папа Гонорий пошел дальше; он осудил их как *еврейские* обычаи и воспользовался случаем, чтобы решительно выступить против еврейской религии в целом и Талмуда в частности. Эта его булла была издана специально для руководства архиепископом Кентерберийским и английским духовенством и была дополнена английским статутом примерно той же даты, который обязывал евреев под страхом наказания посещать места, где монахи-доминиканцы проповедовали прозелитические проповеди. Можно сомневаться в том, сдерживали ли эти проповеди ростовщичество или способствовали обращению, но такое обязательное посещение в любом случае должно было вызывать недобрые чувства и, кроме того, ставить евреев в ложное положение перед священниками и населением.

9. Изгнание евреев из Англии.—Наконец, несправедливость и страдания евреев в Англии достигли своего апогея. Сильное давление со стороны духовенства было оказано на короля Эдуарда, и ближе к концу 1290 года он подписал указ, который предписывал каждому еврею в его королевстве, под страхом быть повешенным, если он останется, покинуть Англию в ноябре 1. Все долги, причитавшиеся евреям, были аннулированы, и они должны были забрать с собой только движимое имущество. Дома должны были быть разрушены; старики, больные, маленькие дети, для всех которых грубость, перестановки и перестановки могли означать агонию или смерть, не принимались во внимание. Указ был абсолютным и безоговорочным, и никто не был освобожден от него. Король Эдуард не был полностью ответственен за этот варварский акт и лично не мстил за его исполнение, однако, по-видимому, он был совершен при обстоятельствах особой жестокости. Охранные грамоты, выданные королем, не всегда соблюдались. Одна группа беженцев оказалась выброшенной на берег в пустынной части побережья во власти набегающего прилива, в то время как капитан судна, которое они зафрахтовали, уплыл с их скудным скарбом. Из 15 000 или 16 000 евреев (сведения о точном количестве разнятся), которые были изгнаны из Англии в 1290 году, очень многие погибли во время своего путешествия за границу, некоторые из-за несчастных случаев и болезней, некоторые, как можно опасаться, в результате более или менее прямой жестокости. Выжившие были доставлены в ближайшие иностранные порты. Оттуда они направились вглубь страны, в такие места Центральной Европы, где евреям все еще позволялось вести печальную жизнь под "защитой" государства.

КНИГА III.

100-1500.

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ.

לִילָה לָךְ אֶף יוֹם לָךְ

ПСАЛОМ lxxiv. 16.

"Тогда восходят звезды, и ночь становится священной."

ГЛАВА XXVI.

О ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТОРАХ.

1. Звездный свет.—Тьма, которая сомкнулась над евреями после падения Иерусалима в 70 году, длилась 1500 лет. На протяжении всех этих долгих столетий тучи предрассудков и преследований низко нависали над всеми странами, в которых проживали евреи, и только в Испании, и то на сравнительно короткий промежуток времени, мрак немного рассеялся. На протяжении всех этих веков эта раса была изгоем и чужеродной, под гнетом Церкви и под запретом государства. Церковь и государство меняли веру и имена, старые династии и верования уступали место новым, границы были сдвинуты, и цивилизация приняла новые формы, но тьма, которая пала на евреев, когда Тит правил языческим Римом, так и не рассеялась за все эти столетия, за исключением того короткого периода, когда мусульмане оккупировали Испанию. В густом мраке слово Божье было для Его "свидетелей" в буквальной истине тем, чем, по словам Давида, оно должно было быть, "светильником для ног их". Это не уберегло их от спотыкания, но спасло от того, чтобы окончательно заблудиться и быть выброшенными в ужасную густую тьму. Ноша была тяжелой, и остро требовался "светильник для ног", потому что люди сгибались под своей ношей, и их глаза смотрели в основном на землю. Но также, время от времени, в течение этой долгой ночи скорби, на черном фоне как бы появлялись звезды, давая тем, кто мог поднять глаза, какой-то дрожащий и неуверенный свет на их утомительном пути. Хорошие люди, и мудрые люди, и преуспевающие люди в разные периоды и в разных странах выделялись из рядов общества и сделали имя еврея именем чести, а не поношения. Некоторые из этих людей были подобны падающим звездам, которые просто поднимали яркую стремительную дорожку света и так же быстро гасли, осветив только свой собственный путь. И некоторые испускали лишь крошечные лучи, но, сгруппированные вместе в терпеливой учености, эти безымянные единицы постепенно превратились в полезные созвездия. И лишь немногие, в своем великом даре сияния, были подобны неподвижным звездам, и широкий белый свет их мудрости сохраняется даже по сей день.

2. Как сияли Звезды.—Но у каждой звезды есть своя особенная орбита. Люди, пролившие звездный свет в долгую ночь еврейской истории, были не из тех, кто в основном создает эпохи в национальной истории. Хорошо сказано, что есть некоторые великие люди, которые не являются ни деятелями, ни ораторами, но оказывают влияние. Среди рассеянного народа было мало места для деятелей или ораторов. Для воинов или государственных деятелей не было места и почти не было возможностей для "героев" в любом общепринятом смысле этого слова, и, таким образом, имена выдающихся евреев с пятого по пятнадцатый век не включают в себя лиц, совершивших поразительные поступки. Но если есть героизм в выносливости, в терпеливом выполнении долга, когда желание совершенно неудовлетворено, в серьезном стремлении к добру, когда зло свирепствует повсюду, то эти еврейские мужчины прожили героическую жизнь, хотя это была жизнь, прожитая изнутри, а не извне. Они работали без спешки и без отдыха, с доверием, когда надежда рушилась. Их внешнее влияние на проходящие события было незначительным, но впечатление, которое они произвели на дух и интеллект своего времени, было велико, а на литургии и литературе своего народа они оставили неизгладимый след. И воистину, как сказано в Библии, 'свет благостен'. Простой свет, проливаемый на темные места видом людей, живущих чистой, здоровой и ученой жизнью, должно быть, был вдвойне "приятен" в те мрачные дни, когда были так прискорбно необходимы все очищающие и облагораживающие воздействия.

3. Пиютим.—Помимо работы школ, нашедшей свое отражение в Талмуде,²⁹ самая ранняя еврейская литература постбиблейских времен дошла до нас в форме *пиутим*. *Пиут* происходит от греческого слова, которое переводится как поэт.³⁰ Существует большое количество *пиутим*, даты создания которых варьируются в пределах нескольких тысяч лет и представляют вклады со всех частей Европы. В основном они содержатся в *Махзоре* (молитвеннике для праздников - буквально цикл) различных *минхагим*, или ритуалах. В этом магазине есть целый раздел так называемых *Селихот*, или покаянных стихотворений. Слово *Селихот* происходит от древнееврейского סליחות *Селихоты* и многие из *пиутим* рассказывают нескончаемую историю о преследованиях и притеснениях. Иногда они принимают форму панихиды, иногда - элегии, и время от времени рассказ о реальном переживании становится поэтическим благодаря самой своей буквальности. "Над нами издеваются, - говорит один из *селянок*, - на нас плюют, с нами обращаются как с грязью на улице'. 'Нас топчут, как грязь, варят в котле, молотят, как солому, и дают, как в винном прессе", - начинает другой. Иногда страдание учит силе, и поэт, несмотря на всю свою боль, протестует: "Поскольку я боюсь единого Господа Бога, я боюсь среди многих — никого",³¹ или советует своим товарищам по несчастью "терпеть неудовольствие за то, что боитесь Того, чье имя - Единый". И никогда не возноситься через идолов к власти и могуществу".³² Но иногда несомненная вера в Бога, которой дышат эти произведения, принимает, что вряд ли противоестественно в данных ужасных обстоятельствах, форму страстного призыва к Нему об активном вмешательстве или даже более отчетливого призыва к божественному отмщению "тиранам и их расе".

Более ранние из *пиутим* довольно грубые и без рифм, и во многих из них значительно больше намек на мученичество, чем на пение менестрелей. *Хазану* синагоги, должно быть, было трудно превратить эту так называемую поэзию в какую-либо музыкальную часть службы. И

здесь также следует отметить, что знакомое название *Хазан* происходит от древнееврейского слова *חָזַן*, "видеть", и использовалось в том же смысле, что и *Episcopus*, епископ, что буквально означает инспектор или суперинтендант. *חָזַן* в синагоге, в дополнение к другим обязанностям, читали молитвы нараспев, и со временем чтец или певец становился служителем своей паствы и назывался им. И отсюда слово *Хазанут*, слово, которое применяется только к мелодии, а не к поэзии синагоги, и которое можно перевести как священный менестрель. На самом деле, примерно до десятого века *пютимы*, которые до настоящего времени в основном анонимны, мало претендовали на какое-либо музыкальное или ритмическое очарование. Это более или менее членораздельные крики изгнания, издаваемые терпеливыми поколениями людей, которые рассказывали о страданиях, о которых не пели, почти не молились. Ко второй половине десятого века французские и испанские евреи, которые были более образованны и более счастливы, чем остальные их европейские собратья, начинают вносить свою лепту в сокровищницу национальной религиозной поэзии, и сразу же стиль меняется. Он становится более отточенным по форме и менее однообразно скорбным по сюжету. В этих *пютим* Бог вновь занимает Свое место Создателя и Отца, а также Защитника и Мстителя человечества, и Его слава и Его силы, надежды и обязанности человека, а также отношения человеческого духа к божественному излагаются и воспеваются более метрическим языком. 'Позвольте мне сочинять баллады о нации, и мне все равно, кто устанавливает ее законы', - однажды было остроумно замечено, и это высказывание часто цитируют, чтобы показать, какое сильное влияние национальные песни оказывают на национальный характер. В этом смысле очень интересно выяснить, каким был общий тон и тенденция еврейских 'менестрелей' на протяжении всех этих долгих веков тьмы и деградации. И сначала мы замечаем, что это было в основном религиозного характера — что интеллектуальное богатство еврейской нации стекалось главным образом в каналы синагоги. Несмотря на все невыразимые страдания Средневековья, национальная поэзия евреев никогда не переставала быть религиозной, и она никогда, несмотря на все эти жестокие провокации, не становилась революционной. Тон некоторых *пютим* свиреп и мстителен, но они никогда не бывают трусливыми даже в своей ненависти. Писатели открыто и часто достаточно страстно рассказывают о несправедливостях, понесенных их расой, но, несмотря на все исправления, они "поднимают свои взоры к холмам, откуда приходит их помощь". К чести этих терпеливых поэтов *Селихи* следует сказать, что они никогда не использовали силу своей национальной песни, чтобы побудить свой народ к каким-либо тайным заговорам или к каким-либо действиям во вред своим угнетателям. Но чтобы поддержать чувство гордости и надежды у бедных жителей гетто, старые истории о древней славе пересказываются снова и снова. Несколько любопытно наблюдать, как сквозь все печальные и часто унылые звуки *пютим* время от времени звучит нотка самодовольной доверчивости, которая поначалу кажется почти признаком национального высокомерия.

"Гонка, которая была протестирована,

И испытанный огнем и водой,

Несомненно, ценится Тобой,

И очищенный от греха",

- пример подобного рода. Но, вероятно, именно это твердое чувство того, что Бог никогда не оставит Свой народ, спасло его от полной деградации. И поэтому, если *пютимы* иногда немного настойчиво настаивают на особой любви Бога к Израилю, учитывая особую нужду

Израиля в ней в те дни, небольшая исключительность их религиозных устремлений вполне может быть им прощена.

4. Образец планеты. Астрономы, прежде чем они начнут изучать орбиту какой-либо конкретной звезды, хотели бы ознакомиться с общим видом небес; и изучающие историю, которые хотят узнать о каком-либо особом периоде или персонаже, должны следовать примерно тем же курсом, чтобы они могли составить для себя представление о предыстории любой выдающейся фигуры. Общее состояние еврейского народа в ведущих странах Европы в средние века теперь, возможно, достаточно знакомо нам, чтобы этот план стал возможным, и, поскольку каждая звезда выглядывает из своего особого уголка темного неба, мы можем несколько точно представить природу окружающей тьмы, которую она освещала. Таким образом, конец девятого века и страна Египет напоминают о бурном завершении длительного периода литературной деятельности. К тому времени деятельность гаонимов становилась непостоянной, и Иегуда Слепой, один из самых активных из них, был мертв уже почти сто лет, когда в 849 году султан Мутавакель³³ наложил на евреев Востока те нетерпимые и унижительные ограничения, которые стали началом конца. Угнетаемые извне и разделенные завистью изнутри, школы Вавилона постепенно закрывались одна за другой, и ученые мигрировали в Египет и Испанию. В 892 году у одного из этих поселенцев в Верхнем Египте родился ребенок, который вырос и прославился под именем и титулом Гаон Саадия.³⁴ Он стал главой колледжа в Соре и был большим авторитетом во всех богословских вопросах. Он перевел Библию на арабский, который постепенно становился вторым родным языком для переселившихся восточных евреев. Саадия вел достойную борьбу против караизма и его принципов, которые казались такими широкими, а на самом деле были такими узкими.³⁵ Его аргументы во многих формах были направлены против правдоподобных и неосуществимых доктрин, распространение которых примерно в середине восьмого века Анан бен Давид делал все возможное. Но главная оригинальная работа Саадии называлась "Вера и мораль" אמונה ומצוות. Эта книга сражается с неверием и суммирует аргументы в пользу того, чтобы придерживаться "традиции" в семи превосходных и содержательных главах. Это показывает, что невежественное отрицание встречается так же часто, как и невежественная вера, и что сомнение чаще возникает из-за того, что мы знаем слишком мало, чем из-за того, что знаем слишком много. Но Саадия не был фанатиком. Он учил, что у религии нет причин бояться исследований, и что если исследование продвинулось достаточно далеко, оно подтверждает откровение. Все эти столетия назад он писал в том же духе, что и Поэт—лауреат в наши дни:

"Пусть знания растут от одного к другому,

Но больше благоговения пребывает в тебе".

И Саадия вел активную жизнь помимо своих книг. Подобно Мардохею, 'он стремился к процветанию своих братьев и миру всего своего потомства'. Но в этих усилиях наш раввин не преуспел, или преуспел лишь очень частично. Дух, вопрошающий: 'Кто поставил тебя вождем над нами?', был так же активен во дни Саадии, как и во дни Моисея, и евреи Вавилона были так же нетерпеливы, как евреи пустыни, стремящиеся к мудрому руководству и контролю. Однако, если умеренные советы Саадии не всегда преобладали среди его народа при его жизни, влияние его письменных слов остается на них и является прекрасным свидетельством пятидесяти лет полезной жизни. У него было много неприятностей из-за общественных

разногласий с דָּוִד בֶּן סַקַּא, Давидом бен Саккаем, который был священником. После многолетних разногласий между Давидом бен Саккаем и общиной было достигнуто примирение, и внук Давида, который был последним דָּוִד בֶּן סַקַּא, воспитывался в доме Саадии. Раввин Саадия бен Иосиф умер в 942 году.

ГЛАВА XXVII.

НЕСКОЛЬКО НЕПОДВИЖНЫХ ЗВЕЗД.

1. Соломон ибн Габироль (1021-1070).—Этот поэт и философ, родившийся в Малаге в 1021 году, является очень хорошим примером того, что терпимая магометанская Испания воспитала среди своих евреев. Было сказано, что самые настоящие жизни - это те, которые огранены по моде розовых бриллиантов, то есть многогранны, и каждая сторона отвечает какому-то полезному аспекту окружающей их жизни. Эта многогранность, возможно, является отличительной чертой еврейского гения и обусловлена как обстоятельствами, так и природой. Показательным примером является Соломон ибн Габироль. Он был поэтом, патриотом, астрономом и философом в одном лице и одинаково отличался во всем. Об истории его собственной жизни мы, к сожалению, знаем почти так же мало, как и о жизни Шекспира, поскольку биографии и автобиографии были не так модны в те дни, как сейчас. Но сонеты и поэмы Габироля, как и великого англичанина, часто носят личный характер, и из них мы узнаем, что испанский поэт рано остался сиротой и что он нашел друга и защитника в некоем Джекутиэле ибн-Хассане, главном министре правящего халифа. Существуют стихи, которые повествуют нам об этой дружбе, а также стихи более печального толка, которые повествуют нам о конце этой дружбы. Иекутиэль умер, когда мальчику, которого он любил и который любил его в ответ, как умеют только мальчики и поэты, было всего восемнадцать, и горе, так рано вошедшее в жизнь Габироля, с тех пор омрачало ее. Кажется, он всегда отличался несколько мрачным темпераментом, и вполне возможно, что потеря родителей, когда он был ребенком, а затем потеря этого хорошего друга как раз в тот момент, когда он вступал в зрелость, возможно, сделали его более склонным, чем даже он был от природы, к печальному взгляду на вещи. Он написал действительно замечательную элегию для такого молодого поэта, посвященную смерти Иекутиэля, и на всю оставшуюся жизнь, похоже, посвятил работе как лекарству от разрыва сердца. Самое ценное из его произведений называется 'Источник жизни', и его философия была настолько мудрой и оригинальной, что книга стала более знаменитой, чем сам автор. Она была переведена около 1150 года с арабского языка, на котором была написана, на латынь, и под названием "Фон Витэ" была высоко оценена образованными учеными того периода, и со временем идентификация автора стала загадкой. "Авицеброн" был принят как имя автора, но кем мог быть Авицеброн, было окончательно решено только в наши дни, когда французский *ученый* Мунк доказал, к удовлетворению всех, кто больше всего знал о фактах, что неизвестный и прославленный 'Авицеброн', пользующийся всеобщей известностью, и известный и любимый Габироль, пользующийся еврейской известностью, были идентичны. В еврейскую литературу его главным вкладом были многочисленные *пютим*, которые можно найти в различных ритуалах, и מַלְכוּת כְּתוּר, или Королевская корона, которая является частью новогоднебогослужения в молитвенниках испанских, португальских и британских евреев. Это

прекраснейшее религиозное стихотворение, начинающееся словами "Небесные и земные создания свидетельствуют, что они распадаются, и что Ты один продолжаешь существовать". Немецкий астроном и философ Гумбольдт сказал об этом сочинении Габироля, что оно является достойным и благородным отголоском древнееврейской поэзии. Это имеет определенную научную, а также теологическую ценность, поскольку первая часть молитвенной поэмы дает ученое толкование истины о том, что "небеса возвещают славу Божью", представляя читателю точную картину того, какими были астрономические знания того периода, в который жил автор. מַלְכוּת כְּתוּבָה был переведен почти на все европейские языки. Другой работой этого многогранного человека было составление грамматики иврита в стихах, а более интересной была небольшая подборка мудрых и остроумных высказываний. Эта маленькая книжечка называлась "Выбор жемчуга", и вот несколько образцов драгоценных камней:

"Вопрошание - это полпути к мудрости".

"Вежливость - это полпути к уму".

"Бережливость - это полпути к богатству".

"Тот, кто сеет ненависть, сеет сожаление".

"Друг человека - его разум, а невежество - его враг".

"Кто мудр? Тот, кто ищет мудрости".

"Тело без мудрости подобно дому без фундамента".

"Короли правят страной, мудрость правит королями".

"Терпение - лучший советчик, вежливость - лучший товарищ".

"Что является проверкой хороших манер? Умение терпеливо сносить плохие манеры".

Нитка, на которую были нанизаны эти жемчужины и подобные им, представляла собой аккуратную систему заголовков, таких как 'Дружба', 'Терпение', 'Мудрость' и так далее, под каждым из которых были расположены максимы. Габироль не дожил до старости; он умер в Валенсии, не дожив и до пятидесяти лет, но, как говорит Бен Джонсон, —

- Оно растет не как дерево

Все это делает человека лучше,

Или долго стоящий дуб, трехсотлетний,

Наконец-то свалить бревно, сухое, лысое и пожухлое.

Не количество наших лет, а то, что сделано за них, будет засчитано нам в вечности. Ибн Габироль прожил свою жизнь в полной мере, хотя и на двадцать лет отставал от отведенной суммы.

2. 'Раши' (1040-1105). — В чем-то большим ученым и в чем-то меньшим поэтом был раввин Соломон Исааки, французский современник Ибн Габироля, родившийся в Труа в 1040 году. Хотя

обвинения против евреев Франции участились, а их положение становилось все более и более ненадежным после смерти Карла Лысого в 877 году, тем не менее, их школы, особенно на юге и юго-востоке страны, все еще процветали и на момент рождения маленького Соломона им никто не помогал. Его отец и дядя оба были учеными людьми, и ребенок учился почти с пеленок. На самом деле он родился в сообществе ученых, и что-то от простоты, а также что-то от бедности, присущей научной жизни, сохранилось в нем до конца его дней. Его средства были невелики, но и потребности невелики, и он, казалось, всегда был чрезвычайно доволен своей долей 'простой жизни и возвышенных мыслей'. Он женился в восемнадцать лет, что, возможно, является некоторым объяснением как его бедности, так и содержания. Но счастье не утолило его жажды знаний. Он так стремился выучить все, чему его только можно было научить, что, как и Акиба до него, без колебаний оставил жену и детей в погоне за учебой. Он поступил в знаменитые в то время богословские колледжи Майнца и Вормса и работал там с такой благой целью, что его сокурсники окрестили его חֲשֵׁנֵי דִּין, which is a Chaldaic equivalent for 'Explainer of the Law.' He is said to have made חֲשֵׁנֵי דִּין Он также составил комментарий к Библии, который свидетельствует о широком исследовании и ясной мысли, но компетентные судьи считают его комментарий к Талмуду более ценным из двух. При всей своей учености рабби Соломон Исааки, по-видимому, был одним из тех восхитительно добродушных людей, которые естественным образом зарабатывают прозвища среди своих товарищей или, по крайней мере, ласково сокращают звучные титулы. При том очень малом, что мы знаем о внутренней жизни этих давно умерших героев, часто бывает необходимо дополнять факты выводами, и весьма наводит на размышления тот факт, что многие из величайших из этих ученых использовали друг в друге то, что дин Свифт называет "маленьким языком". Знаменитый Маймонид был знаком Рамбаму в его собственном кругу. Ибн Эзра был известен как Раба, и что-то от скромной, счастливой натуры мудрого раввина Соломона Исааки, кажется, раскрывается перед нами, когда мы слышим, что этого образованного ученого и выдающегося комментатора Библии и Талмуда редко называют его полными именами, а только инициалами רַשִּׁי, (_WBR_ רַשִּׁי רַשִּׁי רַשִּׁי _WBR_ רַשִּׁי רַשִּׁי רַשִּׁי) и он известен как "Раши".....

3. Авраам Ибн Эзра, 36 лет (1092-1167). —Ибн Эзра, родившийся в Толедо в 1092 году, был звездой, которая сияла по-разному. Он был человеком с сильным интеллектом и таким же активным телом, как и умом. В те спокойные дни он был известным путешественником, и мы видим, что он наслаждался визитом в Лондон, когда ему было шестьдесят семь лет (1159). Ему было всего шестнадцать лет, когда вспышка фанатизма против евреев в его родном городе была подавлена королем Кастилии Альфонсо,37 и, возможно, именно ощущение надвигающихся неприятностей в Испании впервые натолкнуло его на мысль попытаться счастья за границей. Своего 'состояния' он, похоже, так и не обрел, но неудачи в этом направлении его не сильно беспокоили. Он смеялся над собственными разочарованиями и говорил: 'Если бы я занялся изготовлением саванов, я действительно верю, что люди перестали бы умирать, или если бы я занялся изготовлением свечей как ремеслом, я уверен, солнце светило бы как ночью, так и днем, пока я не бросил это дело'. Путешествия Ибн Эзры были скорее результатом беспокойного и пытливого духа, чем постоянной цели. Какое-то время он учился, а затем какое-то время преподавал, причем делал и то, и другое одинаково тщательно и к удовольствию либо учителей, либо учеников. А потом он снова отправится в путешествие и окажется самым очаровательным и занимательным из спутников для любого, кого ему доведется встретить. Однажды он надолго задержался в Италии, и его влияние среди тамошних ученых вызвало

настоящее возрождение грамматических и аналитических исследований. Он был превосходным критиком, и его философские и научные комментарии к Пятикнижию и некоторым другим частям Библии очень ценны. Астрономия также была его любимым занятием, и он был первоклассным математиком. Ибн Эзра, должно быть, был, как говорится, очень способным человеком. Однако все качества имеют соответствующие им недостатки, и очарование многогранности, когда она не направлена какой-либо высокой целью, имеет тенденцию приобретать нечеткие очертания. Ибн Эзра, следует признать, всю свою жизнь был просто перекасти-полем, и простое беспокойство, по-видимому, имело большое отношение к его частой смене места жительства и занятиям. Его интеллект, кажется, был более активен, чем его эмоции, и это выглядит почти так, как если бы у него было больше ума, чем сердца. И поэтому свет, излучаемый этой звездой, хотя и был ярким, был несколько неуверенным.

4. Великий путешественник. —Раввин Бенджамин из Туделы был испанским купцом, который в период с 1165 по 1173 год посетил еврейские общины, существовавшие тогда в Европе, Азии и Африке, и оставил самые ценные из дошедших до нас сведений об общем положении евреев в тот период на трех континентах. Вполне вероятно, что коммерческие устремления совпадали со стремлением к знаниям в мотивах странствий рабби Бенджамина. Ибо, в современном смысле этого слова, он определенно не "составлял книгу" о своих путешествиях. "Маршрут Бенджамина из Туделы" - это самый простой и неприкрашенный отчет о пережитом и, на первый взгляд, работа человека, не обладавшего большими литературными способностями. В этих довольно грубых заметках о путешествиях двенадцатого века не хватает ни деталей, ни лоска, и некоторые критики зашли так далеко, что объясняют эту скудость предположением, что рабби Бенджамин, по правде говоря, мог датировать некоторые из своих депеш из Туделы. Но более милосердные и лучше информированные комментаторы не обвиняют нашего путешественника в этой недобросовестности, а объясняют скудость его описаний и случайные пропуски гораздо более вероятным предположением, что отдельные части дневника могли быть полностью утеряны. Текст, которым мы сейчас располагаем, компетентные судьи считают сокращением оригинала, и если это так, то это объясняет многие необъяснимые упущения. Например, действительно очень мало места уделено евреям Германии, которых в XII веке было достаточно много, чтобы предоставить путешественнику, стремящемуся запечатлеть свои впечатления, достаточно материала. Казалось бы, нет причин для какого-либо умышленного упущения такого рода со стороны Бенджамина, но случайная потеря немецких описаний легко объясняет это. При всех своих недостатках книга чрезвычайно ценна. Это дает нам представление о евреях, 'трудящихся, радующихся, скорбящих' среди чужих народов, и позволяет нам увидеть, какими они выглядели в глазах очень зоркого и очень прямолинейного путешественника, который потратил восемь лет на посещение всех главных городов мира во второй половине двенадцатого века. Раввин Бенджамин вел свои дневники на раввинском иврите. Они были переведены на латынь, французский, голландский и английский, но, как ни странно, никогда на немецкий. Возможно, немцы считали книгу путешествий, в которой мало что говорилось о них и их стране, слишком тривиальной, чтобы ее переводить.³⁸

5. Иегуда Халеви (1085-1140). —Когда раздался крик "Эй!" *Нер!* звенел во всем своем первом яростном неистовстве над Европой, и на Континенте было всего один или два тихих уголка, где

звук был запрещен. Петр Арагонский и Альфонсо VI. Королями Кастилии были Халев и Иисус Навин своего времени, которые стояли непоколебимо, отказываясь присоединиться к 'ложному доносу' и следовать за толпой, творящей зло. В течение только что завершившегося столетия Франция, Италия, Германия, Богемия и Греция в разное время были ареной ужасных преследований евреев. Только в Испании, под мягким влиянием оммеядских халифов, евреи обрели мирные дома. К началу XII века католические короли быстро отвоевывали Испанию у мавров, но терпимая политика мусульман еще какое-то время сохранялась. Пространство и свобода все еще предоставлялись еврейским подданным, и это было на безопасной земле Старой Кастилии при Альфонсо VI. царило то, что поэт Иегуда Халеви, о котором трезвый историк³⁹ серьезно пишет, что слова "создан по образу Божьему" в применении к нему читаются как самое простое и буквальное из описаний, провел свое детство. По мере того как Иегуда рос, он стал самым центром и главой группы мелодичных и неземных мудрецов, которые, в то время как мир спешил за суетными тенями и напроочь забывал о таких прекрасных реальностях, как ученость и человечность, своей спокойной, прилежной и религиозной жизнью напоминали нам, что подобные вещи существовали даже в темные века. Тихие, небогатые событиями истории этих людей были почти скрыты от глаз шумом и пылью, поднимаемыми повторяющимися толпами 'рыцарственных' крестоносцев. Даже в ту эпоху, в которую они жили, эти кроткие старые ученые не были ни очень заметными, ни очень выдающимися фигурами. Они, кажется, стоят немного особняком, пишут свою поэзию и философию, учатся среди мудрецов, учат среди невежд и редко стремятся к славе и никогда к награде. Подобно ученым более древнего периода, те, кого мы находим за кулисами Средневековья, использовали "Закон" не как лопату, чтобы копать, и не как корону, чтобы блистать. С скромными средствами к существованию они с удовольствием добывали каким-нибудь ремеслом или профессией, а что касается сияния, то они вообще никогда не думали об этом.

Иегуда Халеви, врач и поэт, был высшим представителем этого старомодного класса авторов, и при жизни был гораздо более известен как врач, чем как поэт. Даже его врачевание было старомодным. Стоя в своей лаборатории, он пишет:

"Этот напиток, который я сам готовлю,

Что это? Только Ты знаешь

Будь здоров или болен, быстро или медленно,

Его части должны справиться с моей болью.

Да, из всего этого только Твое

Знание. Всю свою веру я возлагаю на

Не в моем ремесле, а в Твоей милости.

Его "вера" была совершенной; она никогда не подводила его.

"Когда Я удалюсь от Тебя, о Боже,

Я умираю, пока жив, но когда я прилепляюсь к Тебе

Я живу в смерти",

- это еще одно его высказывание, настолько прекрасное, что оно нашло достойное воплощение в עֵץ חַיִּים служении. Но, каким бы глубоко религиозным ни был Халеви, и, возможно, потому, что он был таким религиозным, он обладал чрезвычайно счастливой натурой и, похоже, в дополнение к другим своим врачевным способностям обладал 'жизнерадостным сердцем, которое приносит пользу, как лекарство'. Эта жизнерадостность очень заметна во всех его произведениях, и очень многие его стихи, кажется, на самом деле переполнены радостью. Хотя, как и большинство еврейских авторов его эпохи, Галеви был арабистом и основательно разбирался в греческой литературе, он писал в основном на иврите и, как представляется, как по предпочтению, так и из принципа, использовал свой гений на еврейские темы. Он пил из классического источника, он в полной мере осознал его очарование и пользу, но он был слишком чистокровным евреем, чтобы он когда-либо был для него "источником живой воды". Он действительно предостерегал свой народ от чарующего влияния "греческой мудрости". "Она приносит не плоды, а только цветение", - говорит он в своей очаровательной поэтической манере. У Халеви могло быть только одно 'древо жизни'. Его главное прозаическое произведение основано на несколько сомнительной истории того Булана, еврейского царя, который, как говорят, правил хозарами в восьмом веке. Легенда — вряд ли это история — повествует о том, что Булан, испуганный ночным видением и задавшийся религиозными вопросами, на следующий день призвал еврейских, христианских и магометанских богословов поговорить с ним о своей вере, чтобы с открытыми глазами выбрать из них наиболее удовлетворяющую. Говорят, аргументы еврейских врачей оказались для Булана наиболее убедительными, и легенда завершается его обращением в иудаизм, и основанием в его лице еврейской династии, просуществовавшей около двухсот лет.⁴⁰ Эта история пришлась по душе самому Галеви. Он увидел все это таким, каким оно могло бы быть, и превратил это не только в волнующую историю, но и в интересную беседу об иудаизме; и, чтобы у нее было больше читателей, он написал ее по-арабски. Любовь Халеви к своей расе и своей религии была восторженной. 'Израиль среди народов, ' говорит он, - как сердце среди конечностей'. Но он был практичным и поэтичным, преданным и любящим. Он никогда не пренебрегал пациентом ради стихотворения и тем более не был менее верным гражданином Испании, потому что Иерусалим был для него, как он выражается, 'городом мира'. У него всегда было большое желание посетить потерянную землю своих отцов. 'О! если бы у меня были орлиные крылья, я бы полетел к тебе', - пишет он в своем прекрасном стихотворении об Иерусалиме. Но поскольку у него не было орлиных крыльев, а только нетвердые ноги непоколебимого и богобоязненного человека, он взялся за работу, которая лежала прямо перед ним, и сделал свои неудовлетворенные желания не оправданием для лени, а стимулом для усилий. Некоторые авторы говорят, что он, наконец, добрался до Иерусалима и умер там; другие утверждают, что он был убит арабами по дороге туда; а третьи, что ему так и не выпало счастья отправиться в долгожданное путешествие. По правде говоря, о действительных фактах жизни Галеви мы знаем с абсолютной достоверностью, но их немного, и нам приходится строить представления о его характере и догадываться о его обстоятельствах по его писаниям. К счастью, их множество, и нетрудно прийти к некоторым устоявшимся выводам. Из любовных стихотворений, которых насчитывается 800, мы черпаем некоторые сведения о счастливом доме и о жене 'редчайшего достоинства и чрезвычайно милой'. Кроме того, есть множество писем, доказывающих нам, что Галеви был так же верен в дружбе, как и в любви. Одно из этих посланий, написанное товарищу во время его отсутствия в путешествиях, после сожаления о потере его общества, добавляет, достаточно красиво и поэтично: 'В наших сердцах ты никогда не теряешься из виду'. Другое, адресованное Моисею Ибн Эзре, начинается так: "Как я могу отдыхать, пока мы отсутствуем

друг у друга? Если бы не радостная надежда на твое возвращение, день, оторвавший тебя от меня, оторвал бы меня от всего мира'. Элегия, которую Халеви написал в 1138 году по случаю смерти Моисея Ибн Эзры, является одним из его самых известных и любимых сочинений. Моисей Ибн Эзра был родственником остроумного странствующего Авраама Ибн Эзры и одним из этого братства поэтических философов. Но наиболее характерными из произведений Галеви являются его религиозные стихи, и они показывают нам нашего поэта в самом правдивом аспекте его короткой, но многогранной жизни. "Для Твоих песен, о Господь, мое сердце - арфа", - говорит он в одном месте; и вот образец мелодии струн его сердца:

‘Господи! где найти Тебя?

Твой дом скрыт и высок.

И где мы Тебя не найдем?

Твоя слава наполняет мир.

Ты нашелся в моем сердце,

И на самых дальних концах земли.

Прибежище для близких,

Для дальних - доверие.

"Вселенная не может вместить Тебя;

Как же тогда святыня храма?

Хотя Ты возвышен над людьми

На Твоем высоком престоле,

И все же Ты близок к ним

В их духе и во плоти.

Кто может сказать, что он не видел Тебя?

Когда, о чудо! небеса и их воинство

Безмолвно прояви Свое присутствие.

- Я стремился приблизиться к Тебе.

Всем своим сердцем я искал Тебя,

И когда я вышел Тебе навстречу,

Ты был готов встретиться со мной.

В чудесах Твоего могущества

И в Твоей святости Я узрел Тебя.

Кто здесь такой, кто не должен бояться Тебя?

Иго царства Твоего есть иго всех.

Кто здесь такой, кому не следовало бы взывать к Тебе?

Ты даешь всем им пищу".

ГЛАВА XXVIII.

ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ НЕПОДВИЖНЫХ ЗВЕЗД. МАЙМОНИД. (1135–1204.)

1. Ранние дни в Испании.—В Кордове, в Испании, 30 марта 1135 года в семье некоего раввина Маймона родился маленький мальчик, которого называли Моисей. Мать умерла вскоре после того, как появился на свет ребенок, и поэтому в очень ранние дни маленький Мозес не получал должной доли ласки. И вскоре его отец женился снова, и, помимо нескольких старших братьев и сестер, вскоре появилось еще несколько младших, которые претендовали на заботу новой матери, и все они, по-видимому, поначалу просто немного пренебрегали Мозесом и его неправильно понимали. Вполне возможно, что его собственная мать, если бы она была жива, сочла бы его несколько медлительным и чувствительным, поскольку другие люди, более поспешно судившие, называли его довольно угрюмым и глупым маленьким мальчиком. В детстве в семейном кругу Моисей бен Маймон занимал в некотором роде положение Гадкого утенка Ганса Андерсена, и, подобно этому знаменитому маленькому фермерскому герою, ему было суждено, повзрослев, удивлять их всех. Его способности вскоре были признаны учителями в школах, где, как мы видели, учебниками были Закон и Талмуд. Изучение этих дисциплин включало в себя широкий круг предметов, но образование Моисей бен Маймон получил не только по книгам. В юности у него были преимущества, которые дают длительные путешествия, и не путешествия того рода, когда мотивом является праздность, а целью - удовольствие, а путешествие, предпринятое по какой-то причине и с определенной целью, что, должно быть, сильно возбудило энтузиазм умного и возвышенного юноши. Кордова, его родина, на протяжении четырех столетий, в течение которых оммейядские калифы правили Испанией, была центром цивилизации в Европе. В 1148 году, когда Мозес бен Маймон был тринадцатилетним мальчиком, Кордова была взята альмохадами, и при их жестоком и фанатичном правительстве наступила эпоха преследований испанских евреев и христиан. Альмохады предоставляли выбор 'смерть или изгнание' только тем из своих подданных, которые не захотели обратиться в веру ислама. Некоторые, оказавшись в затруднительном положении, приняли на себя личину чуждой религии и, оставаясь втайне, насколько позволяли обстоятельства, верными своей собственной вере, оставались исповедующими ислам в своих старых домах. Другие были достаточно храбры, чтобы следовать истине любой ценой, и среди тех, кто эмигрировал с этой целью, были раввин Маймон и его семья.

2. Жизнь в изгнании.—Моисей бен Маймон был достаточно взрослым и образованным человеком, чтобы воспринимать новые впечатления и извлекать пользу из нового опыта. В течение многих лет семья переезжала с места на место, поскольку безопасных 'городов-убежищ' для евреев в то время было совсем немного. В конце концов они поселились в Фостате, в Египте, где старший брат Дэвид, по-видимому, был главным кормильцем семьи. Давид бен Маймон был торговцем драгоценными камнями, и некоторые историки утверждают, что Моисей некоторое время помогал своему брату в огранке и полировке этих драгоценных камней. Хотя другие историки категорически отрицают, что Моисей когда-либо имел какое-либо отношение к торговле, тем не менее, зная, с каким уважением евреи всегда относились к ручному труду, и как часто литераторы этой расы были ремесленниками, на первый взгляд в этой истории нет ничего невероятного, и, скорее, есть причина поверить ей, поскольку все согласны с тем, что в какой-то период своей жизни Давид бен Маймон взял на себя заботу и поддержку своего младшего брата. Но независимо от того, помогал Мозес когда-либо в мастерской или нет, совершенно очевидно, что он не был бездельником. Он очень прилежно читал и писал, и еще до того, как ему исполнилось двадцать три года, опубликовал трактат о еврейском календаре, свидетельствующий о значительных познаниях в математике, и в течение многих лет упорно трудился над составлением ученого комментария к Мишне. Когда пришло время выбирать профессию — поскольку, опять же, Закон нельзя было "использовать как лопату", — Маймонид решил стать врачом. Это даже не обещало быть очень прибыльным занятием, поскольку его услугами всегда пользовались те, кто не мог платить гонорары, но он проявлял живейший интерес ко всем своим пациентам, и прошло совсем немного времени, прежде чем его мастерство привлекло внимание влиятельных посторонних.

3. Становится Придворным врачом.— В середине двенадцатого века Саладин, титулованный правитель Сирии, фактически был султаном Египта и в каждом действии проявлял себя героем, подходящим как для реальности, так и для романтики. Саладин обладал многими царственными качествами, и не последним из них была его способность находить хороших людей и чтить их, когда находил. Саладин, по-видимому, услышал о Маймониде от своего визиря Альфаделя, который, впервые познакомившись с еврейским врачом профессионально, стал относиться к нему с большим восхищением как к другу. Знакомство с султаном оказалось для Маймонида очень удачным в мирском смысле. Он был внесен в список врачей, что обеспечило ему признанное положение в профессии, и в обмен на определенные часы присутствия при дворе ему была назначена пенсия. Это назначение было назначено примерно в 1186 году, когда Маймониду было более пятидесяти лет, и самым ценным в нем была свобода, которую оно давало ему от денежных тревог, которые, особенно беспокойство, являются фатальными для создания хорошей оригинальной работы.

4. Суд и другая занятость.—Но назначение в суд не давало ему ни свободы от работы, ни какой-либо лицензии на безделье. И еще меньше Маймонид позволял своим успехам во внешнем мире сделать его безразличным к нуждам и благополучию своего собственного сообщества. Возможно, что врач Саладина, к услугам которого, как говорится в отчете, обращался даже Ричард Английский, постепенно стал немного более востребован среди своей собственной

паствы, чем если бы он оставался всего лишь врачом конгрегации. Но по мере того, как он становился знаменитым, Маймонид был слишком великодушен, чтобы вспоминать, пришла ли его слава сначала извне или сначала изнутри, и его таланты и услуги всегда были в распоряжении всех, кто в нем нуждался, бедных или богатых, евреев или мусульман, не особо задумываясь о себе в этом вопросе. Маймонид был известным корреспондентом, и отрывок из одного из его писем другу на этом этапе его жизни даст некоторое представление о том, что значила работа для популярного врача в Средние века.⁴¹

‘Что касается вашего желания приехать сюда, ко мне, я не могу не сказать, насколько сильно ваш визит обрадовал бы меня, поскольку я действительно жажду общения с вами и предвкушаю нашу встречу с еще большей радостью, чем вы. И все же я должен посоветовать вам не подвергать себя опасностям путешествия, ибо, кроме того, что вы увидите меня и то, что я сделаю все возможное, чтобы оказать вам честь, вы не получите никакой пользы от вашего визита. Не надейтесь, что сможете беседовать со мной по какому-либо научному предмету хотя бы один час, ни днем, ни ночью, поскольку следующее является моим ежедневным занятием: — Я живу в Мизре [Фостате], а султан проживает в Кахира [Каире]; эти два места находятся на расстоянии двух субботних дней пути (примерно полутора миль) друг от друга. Мои обязанности перед султаном очень тяжелы. Я обязан навещать его каждый день, рано утром; и когда он, или кто-либо из его детей, или кто-либо из обитательниц его гарема нездоров, я не смею покинуть Кахиру, но должен оставаться большую часть дня во дворце. Также часто случается, что один или два офицера заболевают, и я должен позаботиться об их выздоровлении. Поэтому, как правило, я отправляюсь в Кахиру очень рано утром, и даже если ничего необычного не происходит, я не возвращаюсь в Мизр до полудня. Тогда я почти умираю с голоду; я нахожу вестибюли заполненными людьми, как евреями, так и язычниками, знатью и простолюдинами, судьями и судебными приставами, друзьями и врагами - разношерстной толпой, ожидающей моего возвращения. Я слезаю со своего животного, мою руки, подхожу к своим пациентам и умоляю их потерпеть, пока я немного подкреплюсь - единственный прием пищи, который я принимаю за последние двадцать четыре часа. Затем я отправляюсь навещать своих пациентов, выписываю рецепты и инструкции по лечению их различных заболеваний. Пациенты приходят и уходят до наступления темноты, а иногда даже, я торжественно уверяю вас, до двух часов и более ночи. Я беседую с ними и прописываю им лекарства, лежу от явной усталости; а когда наступает ночь, я так измучен, что едва могу говорить. Вследствие этого ни один израильтянин не может беседовать со мной наедине, кроме как в субботу. В этот день все собрание, или, по крайней мере, большинство членов церкви, приходят ко мне после утренней службы, когда я инструктирую их относительно их действий в течение всей недели; мы немного занимаемся вместе до полудня, когда они уходят. Некоторые из них возвращаются и читают со мной после дневной службы до вечерней молитвы. Таким образом я провожу этот день. Я здесь рассказал вам лишь часть того, что вы увидели бы, если бы навестили меня.

5. Его труды. Каким бы занятым он ни был, но, как и большинство очень занятых людей, Маймонид всегда находил достаточно времени для всего, и он продолжал писать, изучать и выписывать рецепты, причем таким способом, который казался замечательным тем, кто не был посвящен в секрет того, как хорошо делается работа. Сказать, что он был ‘гением’, значит не совсем это объяснить. Гений Маймонида принадлежал к тому уравновешенному типу людей, которые коренятся в трудолюбии и не жалеют ни лет труда, ни ежедневных усилий

самоотречения. Драгоценный досуг целых десяти лет был потрачен Маймонидом на написание одной-единственной книги, и этот "досуг" ранней зрелости, должно быть, включал в себя очень много монотонных часов, которые можно было бы посвятить личному удовольствию или активному наслаждению. И даже нечетные минуты использовались Маймонидом. В перерывах между своими великими трудами он мог написать трактат по медицине или математике, или сочинить стихотворение, или позволить себе эпиграмму.

Книга, вышедшая за десять лет, называется הַיָּד הַחֲזָקָה "Сильная рука". Она состоит из введения и четырнадцати разделов или книг. Во введении он описывает цепочку традиций со времен Моисея до его собственных дней, а остальное представляет собой религиозный кодекс, содержащий еврейские законы — письменные и устные — систематизированные и представленные читателю без обсуждения или аргументации. Эта работа была опубликована в 1180 году, когда Маймониду было сорок пять лет, и она была хорошо принята большинством людей, которые были достаточно мудры, чтобы понять ее. В 1191 очень важная книга была привезена из Маймонида, который, под именем מְבַרְכֵי מוֹרָה, 'руководство для недоумевающих, привлекали огромное количество внимания, но не совсем благоприятного рода, к автору. В книге рассматриваются сложности религиозной веры и делается попытка разрешить некоторые из многих загадок в жизни и религии, к которым Сам Бог дает и утаивает ключ, когда Он говорит детям человеческим: 'Мои пути - это не ваши пути, и ваши мысли - не мои мысли'. Маймонид в благоговейном, но все же философствующем духе пытался примирить эти 'мысли и пути' и поднять низшее к пониманию высшего. Его усилия не всегда и не во всем были поняты. В тогдашнем униженном состоянии евреев настоятельная потребность в Боге, который должен был быть "рядом" с ними, во многих случаях приводила к идеалу божественности, чему-то немного отличному от того, что должно означать 'Господь, Дух всякой плоти'. То тут, то там существовала тенденция материализовывать Бога, локализовывать Его милости и догматизировать Его деяния. Против всего этого Маймонид терпеливо и настойчиво боролся. Возьмем в качестве примера очень известную главу в этой книге, которая вызвала много споров. Тема - еврейский кодекс, касающийся жертвоприношения. Маймонид утверждает, что кровь 'скота на тысяче холмов' никогда и ни при каких обстоятельствах не могла быть желанным или даже приемлемым подношением любящему и милосердному Богу. Он 'подводит сбитых с толку' к выводу, что система жертвоприношений евреев была задумана как образовательная, с целью отучить людей, живущих среди идолопоклоннических народов, от худшего и привести их к лучшему. Он считал, что законы о жертвоприношениях направлены против идолопоклонства. Но, по его мнению, ценность жертвы, как и ценность молитвы, заключалась в том факте, что она была средством достижения цели, а не самоцелью. Он считал, что "жертвоприношение" было предназначено для того, чтобы научить самоотречению и практическому покаянию, и что особая форма, с помощью которой в ранней истории мира преподавались такие уроки, соответствовала условиям, при которых они давались. Такое рассуждение показалось многим не любящим аргументом, которым оно на самом деле было в пользу духовной идеи Бога, а отказом от старых общепринятых и буквальных толкований освященных временем текстов.

И даже эта глава о жертвоприношении, вызвавшая столько возмущения, не вызвала столько дискуссий и горечи, сколько некоторые главы о пророчествах, в которых Маймонид, по-видимому, представлял силу пророчества как естественное развитие человеческого интеллекта. Конфликт между верой и философией среди христиан становился все сильнее. С обеих сторон нарастала тенденция обзывать науку язычеством и насмехаться над религией как над суеверием. Звуки этого конфликта между философами и теологами в большом мире вокруг

них находили отклик среди евреев. Мы должны помнить, что, за исключением Испании, бедные евреи Европы на протяжении веков не имели никакого здорового интереса вне своей религии. Их Закон был их 'светом', а их Талмуд был единственным окном, через которое этот свет проникал в их жизнь. Часто они 'затмевали своими советами' и лучи Закона, и Талмуд. Попытка Моисея Маймонида состояла в том, чтобы рассеять сгущающийся туман и расширить оконные стекла, чтобы знание о Господе могло сиять на всю толпу. Но бедные преследуемые евреи цеплялись за свой Закон и свой Талмуд, за каждую строчку Мишны и Гемары с любовью, которая была настолько личной и страстной, что любая критика в адрес таких ценных ценностей вызывала подозрения и негодование. Взгляды Маймонида на Бога, ангелов и пророков были основаны на греческой философии, и его оппонентам эти взгляды казались ничуть не лучше их собственных представлений, почерпнутых из национальных источников *Мидраша* и *Агады*. Поэтому неудивительно, что некоторые раввины запрещали изучение *נְבוּכִים מוֹרֶה*, и называть его автора еретиком. Когда мнение раввинов стало известно доминиканцам, эти последние приказали сжечь экземпляры книги на рыночной площади Парижа.

6. Его Характер.— В трудах Маймонида мы обнаруживаем талант этого человека, но именно в его отношении к тому, какой отклик вызвали эти труды, мы узнаем его характер. Он никогда не сердился на ошибочное рвение своих единоверцев. Он понимал обстоятельства и мог делать скидку на несправедливость и не обращать внимания на личное раздражение. И все же он ни в коем случае не был терпеливым человеком. Ему не нравилась глупая или невежественная критика основных принципов иудаизма, и он не мог выражаться не очень вежливым языком, когда он или его труды встречали противодействие такого рода. Тем не менее, он проявлял всяческое уважение к своим оппонентам. Он видел, что в шумихе и кажущейся ограниченности взглядов была как хорошая, так и плохая сторона; а таким восторженным, серьезным натурам, как Маймонид, нетерпимость переносится легче, чем безразличие. В этот критический момент своей жизни Маймонид показал, что у него есть сила 'оставаться на месте'. Он умел ждать так же хорошо, как и работать. Он позволил своей вере—

"Отдохни с большим запасом времени, и

То, что приводит его к некоему совершенному завершению.

И его доверие было оправдано. Некоторые верующие, напуганные единоверцы при его жизни называли его "еретиком", но потомки сознательно и единодушно отменили вынесенный им приговор. Среди великих людей Израиля Маймонид долгое время занимал одно из первых мест. "От Моисея до Моисея, - гласит одна еврейская пословица, - не было подобного Моисею".⁴² Его книги, некогда осужденные, запрещенные и сожженные на рыночной площади, теперь входят в число произведений, без которых не обходится библиотека ни одного ортодоксального еврейского богослова. Некоторые из его доктрин, конечно, все еще оставляют место для дружеского обсуждения, но важные гимны *יְיָ אֱלֹהֵינוּ* and *יְיָ שְׂמֵחַ*

7. Конец его жизни. — В 1204 году, когда Маймониду было неполных семьдесят лет, он умер, окруженный 'честью, славой и войсками друзей'. Он был счастлив в своих семейных отношениях, и его честная, искренняя вера в то, что благо всех вероисповеданий и всех наций имеет место в грядущей жизни, заставляла его полностью сочувствовать 'всем видам и

состояниям людей' в этой жизни. Честный и последовательный еврей, он жил в самых приятных отношениях с большим магометанским кругом, в котором он был заметной и отчетливой фигурой. Он был вежлив без излишних уступок, услужлив без ненужного вмешательства и, таким образом, уважал себя, пользовался всеобщим уважением. Маймониду пришлось пережить горе из-за смерти нескольких детей, но хороший и умный сын выжил и последовал за великим еврейским философом к его почетной могиле в Тверии.

ГЛАВА XXIX.

ТЬМА ПЕРЕД РАССВЕТОМ.

1. Звезды гаснут. —Маймонид был не только величайшей из неподвижных звезд на еврейском литературном небосклоне средневековья, но и последней звездой, которая нашла шанс прорваться сквозь постоянно сгущающийся мрак. Густые тучи становились все гуще и гуще, и одна за другой звезды гасли. Даже если бы звезды продолжали восходить, достаточно яркие и близкие, чтобы пронзить эту ужасную густую тьму, жизнь еврейского народа быстро становилась настолько простой попыткой убежать от смерти, что отчаянная, спотыкающаяся борьба оставила бы мало возможностей или склонности к созерцанию звезд. Не было времени посмотреть вверх. Евреи должны были 'следить за своими путями' в самом печальном и омерзительном смысле. И даже такая внимательность не давала надежды на результат. Грубая сила и фанатичная вера того времени были направлены против евреев, и репрессии достигли кульминации в виде эдиктов об изгнании. В 1290 году эта раса была изгнана из Англии, в 1394 году - из Франции и в 1492 году - из Испании.

2. Куда отправились изгнанники.—У английских изгнанников не было особого выбора убежища. 'Остров, опоясанный морем' оттеснил их от своих берегов, и ближайшие порты, должно быть, сулили наименьшие трудности на пути следования и наибольшие шансы где-нибудь благополучно высадиться. Когда показался противоположный берег Франции, этим бедным беглецам, страдающим морской болезнью и сердечными недугами, должно быть, показалось, что худшие из их бед уже позади. Они высаживались во всех без исключения французских портах, которые могли их принять, и путешествовали туда-сюда вглубь страны, горя желанием и благодарностью разделить сравнительную безопасность своих французских собратьев. Они не останавливались, чтобы подумать, насколько все это было небезопасно; они не оглядывались назад, чтобы увидеть, как шестнадцать лет назад, по указу Филиппа Красивого, евреи Франции оказались в таком же тяжелом положении по отношению к самим себе, и они не смотрели вперед через мрачные сто лет, чтобы увидеть, как вся эта унылая драма изгнания разыгрывается снова, с добавлением деталей лишений. Возможно, для них было хорошо, что они могли видеть лишь немного за раз.

3. Жизнь в Германии. Английские евреи, которые пошли дальше и нашли убежище в германских государствах, как и континентальные евреи, которые присоединились к ним там, будучи

изгнанными столетие спустя, были, безусловно, не в лучшем положении. Так называемая Германия простиралась от России на востоке до Нидерландов на западе; и еврейские поселения существовали во всех основных штатах и провинциях. В процветающих городах на берегах Дуная или Эльбы, на Мэне или Рейне все евреи номинально были 'крепостными Императорской палаты' и открыто находились под защитой императора. Эта "защита" заключалась в том, что император на какое-то время обладал первым и, теоретически, единственным правом на грабеж. Немецкие евреи были евреями императора - безусловно, его. Он мог продать их, заложить в ломбард или сделать из них подарки или завещание. И, как правило, императоры действительно защищали свою собственность от других грабителей. Если вассальные князья различных государств хотели ограбить евреев, они должны были делать это таким образом, который не должен был быть раскрыт. За эту 'защиту' евреи, конечно, должны были платить налог своему покровителю. В некоторых случаях он доходил до трети установленного имущества каждого человека. Евреи, как правило, подчинялись регулярному или нерегулярному налогообложению, поскольку любая вспышка сопротивления только ухудшала положение.

К концу XIII века, с новым притоком французских изгнанников, положение в германских государствах в целом выглядело настолько отчаянным, что большое количество евреев, в основном из рейнских провинций, решили эмигрировать в Палестину. Рудольф Габсбург, правивший в то время императором, был очень разгневан перспективой потерять столь значительную долю своих доходов. Он немедленно конфисковал все еврейское добро, к которому мог прикоснуться, и в качестве спекуляции схватил главного раввина Германии и держал его как пленника в одном из своих замков в Эльзасе. Рудольф рассчитывал получить большой выкуп за своего раввина, и евреи с радостью щедро заплатили бы за его освобождение. Но раввин отказался от выкупа. Он не стал бы таким образом играть на руку своим врагам. Это был слишком простой способ добывания денег, и если бы он поддался ему, то наверняка стал бы прецедентом. Поэтому раввин отказался от своей свободы на таких условиях, и он умер заключенным.

В отличие от Англии, Франции и Испании, Германия никогда не изгоняла своих евреев полностью, но она время от времени охотилась на них с места на место в своих владениях, и гостеприимство, которое она им оказывала, было, в лучшем случае, гостеприимством притона. В ныне объединенной Германии нет ни одного государства, ни одной провинции, ни одного города, которые в тот или иной момент не приняли бы своей злой доли в жестоком обращении с евреями. Прага, расположенная в Богемии, могла бы, возможно, рассказать самые сенсационные истории из всех, если бы было хорошо или мудро записывать такие печальные истории трезвым пером и чернилами. Но лучше всего действует старое доброе правило: "Доброту пиши на мраморе, а обиды - в пыли". Достаточно решительно заявить, что положение не улучшилось. Ближе к концу пятнадцатого века бедные преследуемые евреи Германии предприняли еще одну попытку эмиграции, но на этот раз не в Палестину, поскольку чувства, вдохновлявшие крестовые походы, сделали свое дело, и место 'Гроба Господня' в то время считалось слишком святым, чтобы еврейские ноги могли осквернить его своей поступью. По приказу пап капитанам судов, направлявшихся в любые части, связанные с Палестиной в качестве пункта назначения, было запрещено перевозить еврейский груз или еврейских пассажиров. Евреям-изгоям было отказано в их собственной земле. Эмиграция, однако, того или иного рода становилась неизбежной. Польша и Турция, с их неразвитой цивилизацией, оказались терпимыми к иностранцам, и в этих странах начали создаваться еврейские

поселения. Всеобщего дезертирства из немецких государств не произошло, но еврейский элемент во многих городах заметно уменьшился, и постепенно только Франкфурт, Вормс и Ратисбон продолжали оставаться важными центрами еврейской жизни.

4. Новый крестовый поход.—В начале шестнадцатого века против евреев был организован новый вид крестового похода, и в Германии против них началось то, что можно было бы назвать бумажной войной. В основном это была вина одного человека, жалкого вероотступника по имени Джозеф Пфефферкорн, который из той же вульгарной любви к наживе и дурной славе, которые побудили его сменить веру, опубликовал глупый и оскорбительный памфлет, высмеивающий и оскорбляющий привычки и обычаи своих бывших единоверцев. Такой крестовый поход, который начал этот несчастный новообращенный, наверняка имел сторонников. Главным объектом его злобных нападок был Талмуд, который он представлял как оплот и хранилище еврейских преступлений, глупости и суеверий. Он придумывал свои примеры, чтобы доказать свое правление. И Талмуд для такого объекта был выбран удачно. Чрезвычайно легко выдвигать обвинения против книги, которую мало кто может прочесть. Те, кто не был знаком с истинным содержанием Талмуда, естественно, не любили признаваться в своем невежестве. Евреи были непопулярной темой, и казалось таким мудрым и достойным согласиться с осуждением, которое, по-видимому, было основано на большом количестве научных исследований. Император Максимилиан выслушал лживые откровения Пфефферкорна, и мы можем быть уверены, что священники наострили уши. Было практически решено, что 'ужасная книга', которую осудил Пфефферкорн, должна быть полностью сожжена. Но спаситель был близок для "рабби Талмуда", как называли его некоторые из самых невежественных людей, действительно веривших в своей горячей поспешности, что все это зло, от которого они были призваны содрогаться, содержится в человеке, а не в книге! В то время жил разумный и образованный христианский ученый по имени Рейхлин. Ему было искренне стыдно за всю эту глупую злобу, назойливость и безрассудство. Он обратился с энергичным призывом, и не напрасным, к сенату Франкfurта и курфюрсту Майнца. 'Прочтите книгу, ' храбро призвал он, ' прежде чем сжечь ее. Лучший способ бороться с иудаизмом - попытаться что-то понять в нем. Сожжение - это не аргумент.' Монахи-доминиканцы были очень разгневаны на Рейхлина, но он добился своего, и Талмуд в тот раз не был сожжен.⁴³

5. Что стало с испанскими и португальскими изгнанниками.—Евреи, изгнанные с полуострова, пережили ужасные испытания. Их было так много, ищущих новые дома, что правительства, не будучи жестоко настроенными, все же колебались в своих собственных интересах, не предлагать убежище таким толпам. В Италии, куда многие приезжали в надежде на благоприятный климат и близкие занятия, гостеприимство было скудным. Генуя решительно закрыла свои ворота перед беглецами; Венеция приняла их, но заперла в *гетто* (1516); а Рим, даже евреи Рима, очень сомневались в целесообразности такого приема. Неаполь был более щедр, но результат вряд ли был более удачным для евреев. Возможно, из уважения к Абарбанелю, который привел группу беженцев в свое королевство, Фердинанд Неаполитанский принял их милостиво и взял Абарбанела к себе на службу. Но едва они устроились в своих новых домах, как в государстве Фердинанда разразилась Черная чума и в течение целого года опустошала его подданных. Огромное количество еврейских изгнанников

пересекли Гибралтарский пролив и основали поселения на северном побережье Африки и в Египте. Такая грубая колонизация, в лучшем случае, должна была стать болезненным отличием для культурных грандов Испании, и их ждали худшие испытания, чем грубости. Ресурсы цивилизации в этих частях света были недостаточны для такого внезапного наплыва чужеземцев, нуждавшихся в пище, и, несмотря на то, что эти евреи были хорошо воспитаны, им пришлось пережить ужасы настоящего голода. Из тех, кому удалось выжить, многие были схвачены капитанами каперских судов и проданы в рабство, а некоторые задержались, чтобы встретить худшую участь от рук туземцев. Варварские племена Африки не достигли цивилизованного уровня преследования евреев ради религии, но они овладели элементарными причинами преследования. Они зашли так далеко, что поверили, что евреи, какими бы бедными они ни выглядели, были потенциальными кладями богатства, созданными и предназначенными для грабежа. Исходя из этой веры, они действовали шокирующе буквально. Множество евреев, попавших в руки этих дикарей, были фактически разорваны ими в надежде, что золото было обычной оболочкой еврейских тел.

Около восьмидесяти тысяч изгнанников не путешествовали дальше Португалии, и там в течение трех или четырех лет они казались в сносной безопасности. Но в 1496 году династические соображения побудили короля Португалии Мануэля, вопреки его собственным убеждениям, последовать примеру своих родителей, Фердинанда и Изабеллы. Был издан эдикт об изгнании "евреев и мавров". На подготовку было предоставлено десять месяцев, а затем евреи Португалии были рассеяны, как и их испанские собратья, по Италии, Африке и Западной Турции, и постепенно небольшой контингент нашел безопасное убежище в Нидерландах.

С 1497 по 1808 год, когда Наполеон положил конец "святому суду" инквизиции, на Испанском полуострове не было обнаружено ни одного объявленного еврея. Оставалось много тайных евреев, которые под именем мараннос, или Новых христиан, продолжали, поколение за поколением, занимать высокие посты в Церкви и государстве. Маранно в глубине души были верны иудаизму, хотя и тайком, и нередко им приходилось расплачиваться перед трибуналом инквизиции за подозрения, вызванные их обманом. Маранно предпочитали, когда могли, вступать в браки между собой, но по необходимости часто заключались союзы, продиктованные любовью или честолубием, между высокопоставленными новыми христианами и самыми знатными и ортодоксальными католическими семьями Испании. Со временем осталось очень мало католических дворян, которые не могли бы проследить происхождение хотя бы одного еврея или еврейки среди своих предков. В середине прошлого столетия Жозеф, король Португалии, желая провести различие между своими подданными чистого и смешанного происхождения, спросил своего министра Помбала, может ли он организовать специальную шляпу, которую можно было бы рекомендовать для ношения новым христианам. На следующий день Помбал принес своему господину три таких шляпы. "Для кого это?" - спросил король. "Одно для вашего величества, одно для меня и одно для генерального инквизитора", - ответил Помбал. Можно предположить, что генеалогические изыскания министра несколько смутили короля, но поскольку они показали, что новые шляпы придется носить практически всем, король Иосиф отказался от идеи отличать вельмож своего королевства по еврейскому происхождению.

ГЛАВА XXX.

ВИДИМАЯ ТЬМА.

1. Ухудшение характера.— Последствия всего жестокого обращения, которые мы проследили, начали отчетливо проявляться в еврейском характере. Опустошение еврейской жизни и еврейской собственности было не самым худшим результатом этих веков преследований. Реальный ущерб, нанесенный евреям, был гораздо глубже, чем любое количество оскорблений или несправедливости, которое могло бы нанести отдельному человеку. 'Немногие натуры, ' пишет Лауреат, ' имеют такую прекрасную форму, что если посеять в них семя ненависти, оно расцветет милосердием'. Еврейская природа имеет 'прекрасную форму', иначе при таком количестве удобрений и таком запущенном периоде она вполне могла бы полностью зарости гнусными сорняками. Тем не менее, однажды посеянные семена могут только следовать закону природы и цвести и приносить плоды в соответствии со своим видом. Вынужденные идти тайными и грязными путями, лишённые надежды, цели или честолюбия любого достойного рода, презрительно избегаемые, когда за ними не охотились активно, 'защищаемые' князьями и преследуемые священниками, что удивительного, если евреи в конце концов "деградировали", на самом деле никогда не до того уровня, каким их считали, но чего-то, несомненно, более низкого, чем они должны были быть? Молитва Агура была мудрой. 'Не дай мне, Господи, - говорит он, - ни бедности, ни богатства, чтобы Я не насытился и не отрекся от Тебя; или чтобы я не обеднел и не украл'. Евреи из поколения в поколение подвергались крайностям обоих искушений, против которых молился Агур. Культурные испанские мараннос уступили единому; они были 'сыты' и ради сохранения богатства и легкости отреклись от своего Бога. Невежественные чеканщики монет в Англии поддались другому искушению: они были бедны и воровали.

Высшие идеалы, которые помогают людям оставаться прямыми, иногда терялись из виду во мраке. Честь и честность часто считались невозможными добродетелями. Жизнь была настолько ненадежной, что становилась неоправданно дорогой, и мужчины и женщины в своем ужасе становились не бескорыстными, а эгоистичными и трусливыми. В современных записях встречаются случаи, хотя, к счастью, они редки, когда евреи были осуждены и преданы евреями. Тщательно охраняемая тайна скрытых сокровищ единоверца время от времени раскрывалась врагу как средство отвести "дурной глаз" от слишком пристального изучения собственных забот предателя. Были даже найдены мужчины, способные признаваться в ложных обвинениях и выдумывать истории о никогда не задуманных заговорах с целью завоевания благосклонности и 'защиты' для себя и своих семей. В ужасных условиях их жизни сами добродетели евреев превратились в пороки. Старые еврейские черты непоколебимости, благоразумия и интеллекта, казалось, приняли новые, более низкие формы; ради самой жизни лояльный, широкомыслящий еврей научился быть ограниченным, скрытным, и хитрым. Была такая ужасная потребность быть богатым. Богатые евреи могли добиться в лучшем случае высокой терпимости, а для бедных евреев, должно быть, вообще не было ни причин, ни оправданий для жизни. Добывание денег стало единственным всепоглощающим стремлением расы, единственной целью жизни, единственной возможной защитой от жестокой и мучительной смерти. И полученные деньги не приносили с собой ни досуга, ни приятных возможностей для утонченности или культуры. Трудиться ради богатства, которым они не могли

открыто пользоваться, и страстно верить в религию, которую они не могли открыто исповедовать, было уделом евреев на протяжении веков. Это было своего рода страдание, которое подрывало самые корни самоуважения и неизбежно приводило к дефектам осанки и поведения. Еврей-изгой научился сутулиться там, где ему следовало бы стоять прямо, а также чваниться и толкаться, когда ему неохотно отводили место для стояния. Постепенно своим внешним видом он заслужил некоторое презрение, которого никогда не заслуживал, и в этом печально изменившемся облике наследников пророков стала видна тьма "темных веков".

2. Атмосферные условия. И снова, пожалуй, ничто так ясно не показывает плотность тьмы, как необычайный свет, который был пролит на нее в семнадцатом веке зловещей падающей звездой, которая взошла подобно ракете на Востоке, как раз в тот момент, когда в западном мире забрезжил рассвет. Жалкое положение евреев к этому времени немного поколебало их веру. Они так долго были мучениками, и немymi бесславными мучениками. Они страдали, среди прочего, от подавления религии. Их вера в Бога была такой же пылкой, как и всегда, но этот пыл, лишенный какого-либо честного и открытого выражения, приобрел опасный и эмоциональный оттенок. Эта духовная слабость, какой бы она ни была, привела их, однако, не к сомнению, а к легковерию. Они не думали, что "рука Господа укоротилась", что она не могла "спасти", но им слишком хотелось увидеть ее протянутой за них, и они были слишком готовы приветствовать любого жалкого самозванца в качестве Спасителя. Как это уже случалось перед падением Иерусалима и снова перед приходом Баркохбы, сам воздух, которым дышали несчастные евреи, казался полным предзнаменований и пророчеств, и "Мессия" почти неизбежно должен был появиться в ответ на дикие и суеверные надежды, которым они предавались. И когда, наконец, такой человек вышел вперед, он обнаружил, что ему на удивление мало что нужно сделать, чтобы сохранить свой характер.

3. Падающая звезда: Саббатай Цеви (1626-1676). — Смирна в Турции была родиной жалкого самозванца, который в течение примерно трех лет во второй половине семнадцатого века 'сеял', как выразился один старый хронист, "безумие среди евреев". Отец Саббатая Цеви был купцом, ничем ничем не примечательным. Сын был в некотором роде ученым и в юности приобрел определенную нежелательную известность, выдвинув несколько довольно поразительных религиозных теорий, за что был изгнан из города по приказу руководства синагоги. До своего изгнания он был дважды женат и дважды разводился. Мы не знаем, какое влияние эти семейные переживания могли оказать на его характер, но мы слышим о нем в следующем (1664) году в Иерусалиме, где он проявлял большой интерес ко всем еврейским вопросам и нашел в некоем местном еврее по имени Натан восторженного слушателя всех своих безумных планов. Трудно решить, мог ли вид разрушенного города вдохновить Саббатая на искреннее и страстное желание помочь в его восстановлении, или же он с самого начала был сознательным самозванцем и лишь руководствовался желанием отомстить Смирнской синагоге. Нелегко представить, что в самих стенах Иерусалима еврей мог спланировать преднамеренный обман своего народа. Однако Саббатай, несомненно, никогда не был честен в своих действиях. Совершенно неожиданно он провозгласил себя Мессией евреев, назначил Натана своим пророком и начал предсказывать ту самую дату, когда он, Саббатай Цеви, будет

признан единственным монархом вселенной, а столица и штаб-квартира его королевства будут расположены в восстановленном и благоустроенном Иерусалиме.

4. Как была воспринята весть.—Весть о пришествии Мессии распространилась со скоростью лесного пожара по всем городам Турции. Бизнес любого рода был приостановлен, и мужчины и женщины отказались от своих обычных занятий и полностью посвятили себя тому, что они называли добрыми делами. Веря, что они вот-вот "унаследуют все", богатые и бедные одинаково отказывались трудиться. Те, кто раньше вел потакающий своим желаниям образ жизни, теперь постились и бичевали себя, стали так расточительны в своей благотворительности и так настойчиво стремились загладить свою вину, что нищие чрезвычайно хорошо проводили время. Должно быть, в Саббатае Цеви было что-то очень убедительное, потому что некий Сэмюэл Пенния, который начал с того, что решительно выступил против всего этого безумия, закончил тем, что яростно обратился в него. Вскоре Саббатай отправился на родину, в Смирну. В этом городе ранние воспоминания вызвали у некоторых людей достаточно сомнений, чтобы заставить их попросить своего старого горожанина совершить чудо в доказательство его Мессиианства. Саббатай, говорится в той же старой хронике, 'был ужасно озадачен чудом', но его наглость была равна доверчивости его обманутых. На аудиенции у кади, или судьи города, Саббатай внезапно и серьезно воскликнул: 'Разве ты не видишь огненный столп?' Многие из толпы, охваченные истерическим возбуждением момента, действительно верили, что видели что-то в этом роде, а те, кто не видел, молчали, едва ли желая заявлять о своем неверии или дефекте зрения. Саббатай торжествовал, и люди, отказывавшиеся признавать его, в некоторых случаях были фактически отлучены синагогами от церкви.

5. Султан вмешивается.—Но этому экстраординарному самозванству близился конец. Турецкий султан Магомет IV счел, что пришло время положить конец смуте, которую этот человек создавал в своих владениях. Поэтому, когда Саббатай вскоре после визита в Смирну отправился с миссией, как он бы это назвал, в Константинополь, он был схвачен по приказу султана по прибытии и заключен в темницу. Это был неприятный опыт для Саббатая, и это очень сильно изменило его взгляд на вещи, но на его увлеченных последователей, как ни странно, его поворот судьбы не произвел особого впечатления. В темнице или во дворце, как мученик или как принц, они верили в своего Мессию. Бедные обманутые люди, в их энтузиазме есть что-то очень трогательное; кажется, он так ясно показывает, как мало в их жизни, должно быть, было объектов, достойных веры или благоговения.

6. Саббатай отказывается от своих притязаний.—Султан был полон решимости положить конец всему этому безумию. По прошествии двух месяцев он потребовал от Саббатая чуда в качестве платы за свое освобождение из тюрьмы. Но на этот раз это должно было быть чудо по собственному выбору султана. Саббатай должен был быть раздет догола, лучники должны были стрелять в него, и его 'божественная' плоть должна была оставаться защищенной от их стрел. Теперь, два месяца в неуютном подземелье значительно протрезвили Саббатая Зеви. Он был не из того теста, из которого делают героев, и у него не было ни малейшего стремления стать

мучеником. Вся его дерзость покинула его, и он, конечно, отказался от испытания. Затем, как последний трус, которым он и был, увидев, что игра проиграна, и, возможно, устав от всего этого, он признался, что был не кем иным, как самым заурядным шарлатаном, который спекулировал на доверчивости своих соотечественников.

7. Обращается в магометанство.—Признание, каким бы унижительным оно ни было для Саббатай, не вполне удовлетворило мудрого султана. Он хотел показать пример мошенника и показать своим обманутым, в какое жалкое создание они поверили. Поэтому султан сказал, что, поскольку Саббатай показал себя таким плохим евреем, он должен попробовать, сможет ли он добиться большего успеха как мусульманин. Саббатай довольно радостно согласился на обращение и имел наглость добавить, что стать турком уже давно было его мечтой! И как турок, причем довольно популярный, этот самозванец продолжал жить, и примерно десять лет спустя (1676 г.) он умер с довольно смешанным характером "еврея-турка".

КНИГА IV.

1591-1885.

РАССВЕТ.

הַצֵּלִילִים וְנָסוּ הַיּוֹם שְׂפִיפֹת עַד

ПЕСНЬ СОЛА. ii. 17.

"Кто считает волны, когда завоеван берег?"

ГЛАВА XXXI.

РАССВЕТ.

1. Начало лучших дней в Голландии.—Наконец, после густой темноты и убывающих звезд, начали медленно проявляться слабые проблески рассвета. Именно на уродливых плоских голландских болотах впервые трепетно забрезжил новый свет свободы, и его непривычные лучи осветили ленивые каналы и прочные мосты древнего города Амстердама, придав им красоту, которой не хватало живописным минаретам Испании, и придали респектабельным голландским бюргерам достоинство, которого почему-то нет у самых величественных испанских грандов. Именно в 1591 году в Голландии было основано первое небольшое поселение евреев, и этими первыми поселенцами были мараннос из Испании. Религиозная нетерпимость на полуострове стала не менее ожесточенной со времен Торквемады, а при мрачном фанатике Филиппе II, вдовце нашей бедной, безжалостной королевы Марии, возродились все худшие ужасы и преследования инквизиции. Новые христиане, или мараннос, как называли переодетых евреев

Испании и Португалии, чувствовали себя под властью Филиппа менее защищенными, чем когда-либо, от подозрений и их ужасных последствий. Эмиграция казалась их единственным шансом на спасение, но, как и прежде, выбор безопасного убежища был невелик. Англия и Франция все еще были закрыты для объявленных евреев; папы и князя Италии относились к ним враждебно; Германия была жестоко негостеприимна; а Турция казалась очень чужой и очень далекой этим культурным и несколько потакающим своим желаниям мараннос. Наконец, оказавшись в затруднительном положении, они вспомнили о храброй маленькой Голландии, народ которой так же стойко защищал свои берега от набегов инквизиторов, как и от набегов океана, и превратил своего врага, море, в союзника против испанцев.⁴⁴ В государствах, которые восстали против жестокого господства Испании и так героически боролись за национальную и религиозную независимость, казалось, была уверенность в том, что свобода совести будет предоставлена всем гражданам. Маранно очень устали и были очень недовольны своими масками, хотя и носили их среди пальм и апельсиновых рощ. И так случилось, что в конце шестнадцатого века небольшая группа испанских еврейских беженцев предприняла этот новый эксперимент на всю жизнь и была очень любезно и великодушно принята протестантскими жителями новой республики Нидерланды.

2. Новый Иерусалим. Эмигранты, которые таким образом искали гостеприимства Штатов, были, по правде говоря, в некотором роде способны заставить голландцев очень довольствоваться их собственной немодной добродетелью религиозной терпимости. Это не была голодная, толкающаяся толпа торговцев, жаждущих лишь элементарного пропитания, которые пробирались в эту новую страну. Испания, несмотря на все оковы, которые она веками накладывала на совесть своих подданных, также веками предоставляла полную возможность для развития всей энергии, которой они могли обладать, на службе государству. Евреи не ограничивают себя торговлей, когда у них есть возможность выбирать другие занятия. Будучи открытыми и декларируемыми евреями до тех пор, пока они могли, а затем, когда они не могли, как мараннос, евреи полуострова, начиная с оккупации маврами, занимали должности государственных деятелей и министров финансов, и были известны среди врачей, ученых и поэтов своей страны, а также среди ее землевладельцев и торговцев. Таким образом, это была высокоинтеллектуальная, культурная и довольно состоятельная маленькая община, которая сбросила маску новых христиан и поспешила обосноваться в Амстердаме как уважающие себя евреи. Они, не теряя времени, построили себе синагогу и основали школы. Их первая синагога была построена в 1598 году, а семьдесят лет спустя здесь появилось несколько процветающих мест отправления культа. Старый научный инстинкт иудаизма, который проявлялся во стольких эпохах и во стольких частях света, в Дамаске и Соре, Александрии и Кордове, снова возродился, и Амстердам превратился в причудливое голландское подобие их всех. Люди света и руководства Голландии радостно приветствовали этих близких по духу людей из Испании, и Амстердам с его счастливой, почитаемой и быстро растущей еврейской колонией стал называться Новым Иерусалимом. В 1619 году иммигрантам были предоставлены достаточно полные юридические права, и евреи Голландии постепенно стали немалым дополнением к торговле и культуре страны.

3. Сефарды и ашкенази.—Многие восхитительные качества имеют соответствующие недостатки. У беженцев из Испании были некоторые недостатки в их образованном уме и утонченных манерах. Они были очень высокомерны, но иногда проявляли и немалый эгоизм. Они очень ценили свое обучение в старой стране и то внимание, которое оно оказало им в новой. На самом деле они ценили это так сильно, что хотели сохранить это полностью при себе и не рисковать потерей социального положения из-за контакта с менее заслуживающими доверия единоверцами. Вполне естественно, что когда бедные угнетенные евреи Германии слышали об этом счастливом маленьком поселении в Амстердаме, многие отправились туда, надеясь найти терпимость у незнакомцев и радушный прием у своих братьев по вере. В этой последней надежде они были разочарованы. Испанские и португальские евреи держались гордо и отчетливо в стороне от немецких евреев, отказываясь даже вступать с ними в смешанные браки. Сефарды и ашкенази⁴⁵ евреев Голландии с самого начала были совершенно отдельными общинами, которые молились в разных синагогах, учились в разных школах, поддерживали каждый свои благотворительные организации и пользовались каждый своими молитвенниками, у них не было общего даже произношения древнего языка. Немецкие евреи, как единое целое, были, бесспорно, значительно более низкого уровня в том, что касается занятий, образования и утонченности, по сравнению с этими другими. Из-за совершенно разного прошлого и опыта обоих сообществ было невозможно, чтобы все было иначе, и многие различия между ними были совершенно неизбежны. Тем не менее, эта решительная отчужденность от непривлекательных ашкеназов не была приятным отношением со стороны преуспевающих и уважаемых сефардов. Для них можно найти оправдания; их собственное положение, безусловно, было не очень надежным. И все же факт остается фактом: сефарды под давлением обстоятельств сделали то, от чего всех нас предостерегает пророк Исайя — они "спрятались от своей собственной плоти".

4. Испанские евреи в Голландии. — Столь же несомненно, если не столь явно, как ашкенази демонстрировали признаки обращения, которому они подвергались в Германии, так и сефарды несли на себе следы опыта, которому они подверглись в Испании. Недостатки, которые развились в результате преследований в одном случае, были более неприятными и более очевидными, но они вряд ли были столь вредны, как некоторые тенденции, которые длительный курс религиозного лицемерия породил в другом. Немецкий еврей веками носил желтый значок, и что-то во взгляде и привычках изгнанника все еще уродовало его; испанский еврей, чтобы избежать участи преследуемого, надел личину преследователей, и некоторые остатки свирепого, нетерпимого католицизма Испании, к несчастью, еще долго цеплялись за него после того, как с него была сброшена плотно облегающая маска Нового христианина.

5. Их Приобретенная непереносимость.Печально осознавать, что евреи, которые так пострадали от ужасов инквизиции, учредили свой собственный небольшой трибунал и наделили его аналогичными полномочиями в отношении религиозных правонарушений; и очень странно, что те, кто испытал на себе ужасы епитимьи и отлучения от церкви, подражали действиям этих преследователей в обращении с членами своей собственной веры, которых они считали еретиками в религиозных вопросах. Но это произошло на самом деле. Последствия

преследований время от времени делали евреев немного 'смешанными' в их морали, а также в их манерах. Евреи Голландии, получив, наконец, в свои руки этот долго отвергаемый дар свободы вероисповедания, ухватились за него несколько чересчур крепко, и в своем восторге от того, что они быстро и твердо отстаивали свой иудаизм в глазах всех людей, они не всегда были так осторожны, как могли бы, по отношению к другим, за что были так благодарны, что с ними наконец поступили.

6. Показательный пример: Уриэль да Коста. — Среди тех переодетых евреев Испании, которые, чтобы лучше скрыть свой иудаизм, пошли даже на то, чтобы занять должность и исполнять обряды католических священников, был некий Уриэль да Коста. Когда амстердамское поселение дало евреям шанс жить настоящей жизнью, да Коста с радостью покинул Испанию, сбросил маску и присоединился к своим братьям по вере. Но он слишком много лет жил католиком среди католиков, чтобы сразу стать строгим и ортодоксальным евреем. Он привык к церемониям одного рода, церемониалы другого рода, возможно, даже, на какое-то время, любого рода, стали ему надоедать. Он пренебрегал еврейскими обрядами и, что было менее простительно, выступал и писал против многих почитаемых еврейских обычаев, осуждая и высмеивая их как пережитки формализма и суеверия. Это было нечто большее, чем неосмотрительность. Его собственная долгая неудача в мужественном исповедании своей веры должна была заставить да Кошту считать себя совершенно неспособным высказывать какое-либо мнение относительно правильных форм ее соблюдения. Он выражал свой иудаизм на протяжении большей части своей жизни полным молчанием: молчание все еще было бы ему к лицу. Он подчинился обстоятельствам и прожил жизнь активного религиозного обмана: для такой закаленной совести не могло быть большого напряжения соответствовать тому, что принимала основная масса его народа. Можно испытывать мало сочувствия к поспешному противодействию, в которое да Коста самонадеянно поставил себя по отношению к амстердамской конгрегации, но еще меньше к тому неудачливому настрою, с которым его противодействию оказывали сопротивление. Сначала он был отлучен от церкви богословскими властями, а немного позже, когда он опубликовал нападки на доктрину бессмертия души, он был приговорен голландскими гражданскими властями, на которые конгрегация самым неблагоприятным образом ссылалась, к тюремному заключению. Так завершился первый акт этого позорного дела.

Несколько лет спустя да Коста, повзрослев и, возможно, поумнев, пожелал примириться со своими единоверцами и подал официальное прошение о снятии с него запрета на отлучение от церкви. Это была прекрасная возможность зарыть топор войны и для властей принять предложения да Кошты как достаточное признание с его стороны того, что он был неправ. К несчастью, старые ассоциации с той ужасной инквизицией глубоко укоренились в членах амстердамской конгрегации. Они уже не были новыми христианами, но они также были еще не совсем настоящими евреями. Было решено, что Уриэль да Кошта должен быть помилован, но произошла ужасная и гротескная имитация варварской программы Торквемады, когда кающегося привели обратно в синагогу. Была отслужена специальная служба, проситель должен был прочитать вслух 'исповедь' в своих грехах, ему была прочитана проповедь, на него немилосердной рукой были наложены тридцать девять нашивок, и один за другим через его распростертое тело торжественно переступили старейшины общины. Затем было объявлено, что с него снято проклятие, произносить которое ни одно человеческое существо не имеет ни

малейшего права. В целом это было ужасно несправедливое и ошибочное действие. Каждое общество или община, несомненно, имеет право устанавливать определенные правила, по которым они будут принимать новых членов или изгонять старых, точно так же, как каждый отец имеет право и даже обязанность не допускать в свой дом лиц, влияние которых, по его опасению, опасно для нравственности его детей. Но наказать - это совсем другое дело. Никакие мнения, какими бы вредными они ни были, не могли оправдать такого обращения, которому да Коста подвергся со стороны амстердамского сообщества, и его следующий поступок еще больше запутал этих фанатичных интерпретаторов плохой системы. Через два дня после той унижительной сцены в синагоге (в апреле 1640 года) да Коста застрелился и тем самым вызвал сочувствие, которое по существу дела, если бы оно было должным образом рассмотрено, не было бы проявлено ни к нему, ни к какому-либо из его действий.

ГЛАВА XXXII.

МАНАССИЯ БЕН ИЗРАЭЛЬ.

1. Его ранняя жизнь.—Поселение в Амстердаме росло и процветало. Его члены отличались образованностью и коммерцией, и постепенно их присутствие и влияние распространились не только на голландскую столицу. В начале семнадцатого века в Гамбурге была образована важная колония испанских и португальских иммигрантов, а чуть позже - еще одна в Копенгагене. Но Амстердам продолжал оставаться центром возрождения, и в Голландию постоянно прибывали новые беженцы с полуострова, чтобы занять место более молодых и предприимчивых людей, которые искали счастья за границей.

При Филиппе III Испанском произошла новая вспышка активности со стороны инквизиции. В январе 1605 года в Лиссабоне было проведено *аутодафе*, в ходе которого 150 евреев и еврейщиц буквально шли 'в тени смерти' и были освобождены от этой страшной процессии только в последний момент после уплаты огромного штрафа. Заплатив выкуп, эти бедняги поспешили покинуть землю, которую фанатизм сделал для них невыносимой, и, подорванные здоровьем и разоренные состоянием, направились к дружественным берегам Голландии. Среди этих беженцев был некий Джозеф бен Израэль и его семья, самым младшим членом которой был годовалый младенец по имени Манассия. Джозеф бен Израэль получил самый теплый прием от своих старых друзей, которые теперь уже не были католиками, а были очень ревностно практикующими евреями. Раввин амстердамской конгрегации Исаак Узиэль в свое время стал наставником маленького Манассии, и к 1622 году, когда Манассии едва исполнилось восемнадцать, должность раввина стала вакантной из-за смерти Узиэля, ее получил многообещающий сын Джозефа бен Израэля. Итак, с раннего восемнадцатилетнего возраста Манассия проповедовал и учил с большим удовлетворением для себя и своей паствы, а также для пользы многих образованных христианских ученых, которые, интересуясь еврейской общиной в своей среде, часто посещали синагогу или школу. Манассия занимал почетную должность, но она не была хорошо оплачиваемой, и, как и старшие раввины, Манассии приходилось дополнять работу головой ручной работой. Он установил печатный станок, а в 1627 году выпустил молитвенник, который стал первым изданием на иврите, когда-либо появившимся в Голландии. Возможно, возможность опубликовать все, что он хотел бы

написать, была как-то связана с тем, что Манассия стал автором, поскольку, не обладая каким-либо большим оригинальным талантом, он стал плодовитым писателем. В 1632 году он выпустил книгу под названием 'Примиритель', целью которой было примирить противоречивые места в Пятикнижии. В 'Примирителе' нет ценных независимых идей, и, возможно, что это показывает наиболее ясно, так это то, как неутомимо Манассия читал, прежде чем начать писать. На составление этой работы было потрачено пять лет, и она содержит цитаты или ссылки на более чем двести авторов на иврите и пятьдесят на латыни, греческом и испанском языках. Оно было написано по-испански, хотя с таким же успехом могло быть написано на иврите, латыни или английском, поскольку Манассия был самым опытным лингвистом. Исследования, проведенные в рамках книги, а также трудолюбие и талант автора принесли ей известность. 'Примиритель' был быстро переведен на латынь и итальянский и привлек к Манассии большое внимание ученых того времени. Денег, однако, по-прежнему не хватало, и это стало представлять собой довольно серьезную трудность, поскольку Манассия женился молодым, а его жена, хотя и была правнучкой Абарбанеля, [46-летней](#), и принесла ему в наследство восхитительные патристические воспоминания, не принесла ему солидного приданого. И, конечно, были дети, которые превратили идеал 'простой жизни и возвышенного мышления' в своего рода практическую головоломку. К 1640 году Манассия начал всерьез сталкиваться с необходимостью заняться коммерцией и эмигрировать в Бразилию. Его прихожане, которые, по-видимому, не сразу признали его таланты, пока внешний мир не указал на них, и даже тогда не очень быстро и щедро вознаградили их, отпустили бы его и сожалели о нем только как о печатнике молитвенников, но, к счастью, два брата по имени Перейра оказались мудрее остальной части амстердамской общины. Эти братья, которые были богатыми людьми, проявили себя очень щедро, пожертвовали колледж и поставили Манассию его главой. Таким образом, освободившись от денежных забот, Манассия бен Израэль в возрасте тридцати шести лет смог полностью посвятить себя своим книгам и своим обязанностям за кафедрой и в школах.

2. Его труды и его друзья.— Исключительное положение, которое евреи занимали в Голландии, придавало любому выдающемуся члену их общины совершенно исключительную известность. Амстердамский раввин, как звали Манассию бен Израэля, стал довольно известной личностью. На него смотрели как на энциклопедию знаний, и ученые обоего пола приезжали отовсюду, чтобы проконсультироваться с ним по научным предметам, и иврит стал довольно модным предметом изучения, даже среди евреев и еврейчиц. Нет сомнений, что характер Манассии имел такое же отношение к его популярности, как и к его достижениям. Он был абсолютно честным человеком, и очень вежливым в своих манерах. Более того, он никогда не жалел времени или хлопот, когда требовались результаты его действительно широкого и разнообразного чтения. Гроций, автор "Закона народов", [47](#) Каспар Барлей, которого называли Вергилием своего времени, вся ученая семья Воссиев, отец и сыновья, - все они узнали Манассию и прониклись к нему уважением, хотя ни один из них от природы не любил евреев. А поскольку Исаак Воссиев был не только выдающимся ученым, но и камергером Кристины, королевы Швеции, его дружба мало-помалу оказалась очень полезной для Манассии. Не полезно в вульгарном смысле получения еврейским раввином права подняться во влиятельном христианском обществе, но полезно для патристической цели, [_WBR_וֹבִיטְעֵמָּו](#) - блага своего народа, к которому Манассия, как и Мардохей, всегда стремился. Манассия, как мы видели, не был великим писателем, но даже в своем авторстве он придерживался патристического идеала.

Он всегда собирался написать 'Героическую историю', как он это называл, под которой он подразумевал историю евреев, которые были его героями. Он никогда этого не делал, и, возможно, наши библиотеки не стали беднее из-за этого, в то время как наша жизнь, безусловно, богаче. Ибо Манассии было суждено написать совершенно новую главу в еврейской истории, вместо того чтобы тратить свою энергию на составление множества прозаических статей. По правде говоря, работы, которые он опубликовал, мало что добавили к его репутации. Существовало великое множество теологических трактатов, несколько переводов и несколько компиляций, все они в равной степени демонстрировали признаки трудолюбия и начитанности, но ни в одной из них не было и следа критической или оригинальной мысли. Возможно, самой читаемой из его работ в то время была небольшая книга под названием "Надежда Израиля", в которой предпринималась попытка доказать, что некоторые аборигены Америки были прямыми потомками потерянных десяти колен Израиля. "Надежда", похоже, покоилась не на более прочном фундаменте, чем рассказ путешественника о дикарях, встреченных в дикой местности, которые включали нечто, звучащее как *אִשְׂרָאֵל* на их родном языке. Эта история была быстро переведена на несколько языков, но почти так же быстро была опровергнута, и иллюзии Манассии, основанные на "Надежде", были несколько грубо развеяны.

3. Манассия находит свое Призвание. До пятидесяти лет Манассия продолжал вести свою почетную, полезную жизнь в Амстердаме, 'делая из всех сил все, что попадалось под руку', и делая то, что лежало рядом с ним, своими ближайшими обязанностями. Но как в счастливой семейной жизни, так и в приятном социальном общении; когда он проповедовал свои полезные лекции и когда составлял свои довольно скучные книги; когда он преподавал или когда печатал, Манассия, кажется, всегда осознавал определенную цель в жизни, которую его жизнь, какой бы насыщенной и полезной она ни была, еще не достигла. Он был счастлив и почитаем, и в любой стране, которую он пожелал бы посетить, его встретили бы самые мудрые и лучшие, но его народ по-прежнему оставался изгоем, и это, по мнению нашего амстердамского раввина, все портило. Манассия ценил завоеванное положение главным образом ради своего народа, и к тому времени, когда ему исполнилось пятьдесят лет, он пришел к определенному решению, как использовать его на благо народа.

4. Начались переговоры о возвращении евреев в Англию.—Амстердамский раввин хотел обеспечить евреям еще один такой прием, какой им оказала Голландия. Он хотел найти для запрещенной и изгнанной расы пристанище свободных граждан среди свободного народа. Его отношения с Гроцием и Воссиеусом заставили его мысли обратиться, в первую очередь, к Швеции, с королевой которой Кристиной у него тоже была некоторая литературная переписка. Но прежде чем шведский проект перешел к какому-либо практическому решению, ход событий, к счастью, заставил его направить свою энергию в Англию, где борьба за 'права' нации совсем недавно была выиграна ценой жизни короля. В 1649 году Карл I искупил свою ненавистную, пагубную слабость на эшафоте, и хотя храбрый голос Джона Хэмпдена, который будоражил английскую совесть подобно звуку трубы, с июня 1643 года затих после смерти, у руля стоял его двоюродный брат Оливер Кромвель, сурово и бескомпромиссно направлявший ее к благим целям. Первым требованием победоносной армии независимых, сражавшихся не за место, а за

принципы, были свобода совести и равенство перед законом для всех религиозных конфессий. В этом новом отношении пуританской Англии и в серьезном характере ее нового и некоронованного правителя Манассия бен Исраэль увидел и воспользовался представившейся возможностью. В 1650 году он направил Кромвелю свою "Надежду Израиля" и, с помощью влиятельных друзей, добился подачи петиций о повторном допуске евреев в Англию с предоставлением им прав на богослужение, торговлю и погребение, которые были представлены в Длинный и Узкий парламенты. Он также занимался составлением брошюры под названием *Vindiciae Judæorum* (Защита евреев), которая по завершении оказалась самым сильным и наименее педантичным из его сочинений. Однако это не было закончено, когда в 1655 году, когда путь был теперь, по его мнению, достаточно подготовлен путем переписки, он решил испытать эффект личного заступничества перед Протектором. Прочитав его собственные последующие и простые слова по этому поводу: 'Я не мог успокоиться, пока не обратился со своими смиренными обращениями к лорду-протектору, да хранит его Бог. И обнаружив, что мой приезд не будет совсем уж нежеланным для него, с теми великими надеждами, которые я питал, я с радостью распрощался со своим домом, моими друзьями, моей родней, всеми моими тамошними преимуществами и страной, в которой я прожил всю свою жизнь под благосклонным покровительством лордов, Генеральных штатов и магистратов Амстердама. В общем, говорю я, я расстался со всеми ними и отправился в путешествие в Англию.

ГЛАВА XXXIII.48

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕВРЕЕВ В АНглиЮ.

1. Манассия представляет свое Прошение. В октябре 1655 года Манассия бен Исраэль со своим единственным сыном Сэмюэлем и двумя или тремя видными амстердамскими евреями, которые сопровождали их, благополучно прибыли в Лондон и поселились в квартире на Стрэнде. Первое, что было сделано, - это личное обращение к Протектору, и в то же время была опубликована декларация Содружеству, в которой излагались цели визита евреев в Англию. Оба эти документа очень примечательны. Несмотря на смиренные просьбы отверженного народа, который был с позором отправлен в изгнание 365 лет назад, в призывах Манассии нет ни малейшего следа упрека или подобострастия, в любую из ошибок которых было бы так легко впасть. Дело евреев изложено с достоинством, и по существу оно рассматривается без страсти и на основании справедливости, а не благосклонности. 'Милосердие' и 'благородство' Кромвеля, безусловно, считаются само собой разумеющимися, но в равной степени предполагается и достоинство клиентов, которые обращаются с апелляцией. Манассия с определенной проницательностью указывает на "выгоду", которую евреи, вероятно, докажут своим хозяевам. "Там, где евреев однажды радушно приняли, - настаивает он, - они принимают твердое решение никогда оттуда не уезжать, поскольку у них нет собственного жилья; и поэтому они всегда находятся со своим имуществом в городах, где живут, получая постоянную выгоду от всех платежей".⁴⁹ 'Выгода, ' продолжает Манассия, - является самым мощным мотивом", и, следовательно, он "рассматривает этот вопрос в первую очередь". Он подробно останавливается на "способностях", "трудолюбии и природном инстинкте евреев к торговле", а

также на том факте, что "куда бы они ни отправились жить, там в настоящее время начинает процветать торговля". И затем, подкрепляя свои притязания более вескими основаниями, Манассия останавливается на лояльности евреев, которая, как он показывает, является религиозным долгом перед расой, и не может не сделать из них законопослушных и защищающих закон граждан принятых ими государств. Он показывает на примере истории, что предписание Иеремии 'молиться о мире" и "искать мира" в городах, в которые их "ведут в плен", было буквально, и снова и снова, выполнено евреями. В нескольких хорошо подобранных и достойных словах он ссылается на клеветнические и суеверные заявления, предметом которых были евреи. Он отделяется кратким и внятным опровержением просто глупых обвинений, таких как убийство христианских детей для изготовления пасхальных лепешек, лишь подчеркнуто напоминая, что в первые дни, когда Церковь боролась с язычеством, 'те же самые древние скандалы обрушивались на невинных христиан'. Более серьезные, потому что не совсем ложные обвинения в 'ростовщичестве', которые были выдвинуты против евреев, Манассия встречает столь же смело. Когда бы и где бы ни существовала эта практика, он откровенно осуждает ее как 'позорную'. Но он не признает, что "ростовщичество" ни в каком смысле не является *еврейским* принципом, ни в каком другом, кроме жестоко приобретенного, не является *еврейской* практикой. 'Священное Писание,' говорит Манассия, ' категорически запрещает грабить всех людей, какой бы религии они ни придерживались. По нашим Законам грабить или обманом незнакомого человека считается большим грехом, чем если бы я сделал это с человеком моей профессии. Еврей обязан проявлять свое милосердие ко всем людям: у него есть правило не испытывать отвращения к идумеянину или египтянину; и еще одно: "Люби чужеземца, ибо ты знаешь сердце чужеземца". Если, несмотря на это, найдутся те, кто поступает вопреки этому, *они делают это не как евреи, а как злые евреи.*' Эта петиция, подкрепленная прекрасным присутствием и прекрасным характером защитника, произвела глубокое впечатление, и примерно через пять недель после прибытия Манассии в Англию вопрос о повторном приеме евреев был вынесен на общественное обсуждение, и было созвано собрание, состоящее из большинства министров, комиссии священнослужителей, лорд-мэра, двух шерифов и нескольких избранных торговцев, чтобы официально рассмотреть петицию Манассии.

2. Христианский защитник. Могущественный 'друг при дворе' был найден в лице некоего Эдварда Николаса, который при Карле Стюарте, а теперь при Кромвеле, занимал должность секретаря или клерка в парламенте. Этот джентльмен опубликовал в 1648 году небольшую работу, озаглавленную "Апология достопочтенной нации евреев и всех сынов Израиля", в которой он горячо поддерживал их дело, говоря о них как о "народе, избранном Богом и защищенном Богом", и настаивая на том, что "если, как англичане, мы все не проявим сострадания и не поможем страждущим евреям ... и не отменим суровые законы, принятые против них, ... Бог возложит ответственность за их страдания на нас и отомстит за них их преследователям'. Николас недвусмысленно заявил в своей небольшой брошюре, что он один несет за это ответственность, что он публикует только свои собственные взгляды на этот предмет, без чьих-либо побуждений и без просьбы. И это было, по всей вероятности, чистой правдой. Но официальная позиция, которую Николай занимал при Кромвеле, делала маловероятным, что он осмелился бы высказать такие решительные мнения, если бы Протектор был полностью против них, и, естественно, такой памфлет из такой среды вызвал большой интерес и бурную дискуссию. Опубликованная в то самое время, когда Манассия начал всерьез

задумываться о своей миссии, брошюра также оказалась весьма полезной, позволив ему до приезда в Англию немного оценить общественное мнение по этому вопросу и сделать свои собственные выводы относительно позиции, которую, вероятно, займет Кромвель. В этом последнем пункте с самого начала было очень мало места для сомнений.

3. Что говорили люди. Когда Эдвард Николас представил этот свой смелый доклад от имени запрещенных и непопулярных клиентов, ходили слухи, что он провел его по милости или даже, как говорили некоторые, по тайному наущению Кромвеля, но когда Манассия прибыл в Лондон, заметная благосклонность, с которой Протектор принял своего еврейского просителя, породила самые дикие слухи. Кромвель был объявлен евреем по происхождению, и далее утверждалось, что его еврейские родственники за морями признали в нем своего Мессию. Собор Святого Павла, по тем же сведениям, должен был быть преобразован в синагогу, и в качестве цены, предложенной за него евреями, была названа реальная сумма. В эти абсурдные сказки на самом деле верили многие невежественные люди, ибо те, кто наиболее неспособен к вере, часто являются самыми легковерными глупцами. Разгадка благосклонного отношения Кромвеля к евреям была достаточно простой. Те, кто зашел так далеко в поисках причин, могли бы найти их совсем рядом. Но есть люди, говорит Карлайл, которые "могут заглянуть в великую душу человека, сияющую великолепием небес, и не увидеть там ничего, кроме тени своей собственной ничтожной тьмы".⁵⁰ В поддержку Кромвелем еврейских притязаний "великая душа" соответствовала только самой себе. Характер Кромвеля во всех отношениях был показателем его поведения в этом вопросе. Свобода совести, религиозные права, гарантированные всем людям, были боевым кличем пуритан. За этот принцип боролись в Нейсби, он будет поддержан в Уайтхолле, и, хотя Кромвель не мог этого знать, Англия никогда больше не откажется от него, которую он в своей суровой прямоте поднял из призрачного тумана величия в "чистый воздух, бледную суровость света" — национальный идеал добра.

4. Как была получена Петиция.—Кромвель председательствовал на собрании, собравшемся для рассмотрения петиции Манассии. На решение были вынесены два вопроса: 1. законно ли было повторно принимать евреев; и 2. при каких условиях такой повторный прием должен иметь место. Сотрудники правоохранительных органов постановили, что если будет принято решение о том, что такой повторный допуск был направлен на благо государства, это не может быть оспорено законом. Это урегулировало юридическую сторону вопроса. Затем последовала реклама. Торговцы опасались последствий еврейской конкуренции для английской промышленности. "Неужели вы действительно думаете, - спросил Кромвель, - что столь презируемый народ сможет добиться превосходства в торговле и кредите над купцами Англии — самыми уважаемыми в мире?" Эти ловкие слова на мгновение смягчили меркантильную зависть, преграждавшую путь, и оставили место для обсуждения религиозных трудностей. Духовенство не ограничилось спорами; старый хронист заявляет, что большинство присутствующих 'бушевали, как фанатики', также цитируя Священное Писание в своем высокомерном Невежестве против 'людей Книги'. И после долгих дебатов Кромвель собрался с духом, чтобы ответить на весь вопрос. Его речь дошла до нас лишь фрагментами, но эти фрагменты подтверждают мнение, высказанное одним из слушателей, который говорит: 'Я никогда в жизни не слышал, чтобы человек говорил так великолепно'. Человек, который, как

говорит Карлайл, "сражался, как великан, лицом к лицу, от сердца к сердцу с обнаженной правдой вещей", ⁵¹ сорвал с торговцев маску 'английского процветания в опасности' и, назвав их сомнения "торговой ревностью", бросил им в лицо их притворство. Затем, обратившись к духовенству, он сорвал с себя лохмотья риторики, в которые они облекали свои личные предрассудки, и представил их действия обнаженными, во всей их отвратительности, как преследование. Он говорил сурово, как поборник справедливости, мягко, как защитник сострадания. Ему это не удалось, но и не совсем напрасно он говорил. Апелляция Манассии не была удовлетворена; когда она была вынесена на рассмотрение совета, большинство проголосовало против нее, но, тем не менее, красноречие Кромвеля сделало свое тихое дело; известная благосклонность Протектора гарантировала, что не будет предпринято никаких активных шагов для предотвращения приезда евреев в Англию, и тихо, без особого внимания к ним, евреи постепенно действительно приехали и поселились сами в Лондоне. К 1657 году их было достаточно много, и они чувствовали себя в достаточной безопасности, чтобы попросить и получить в долг участок земли в приходе Степни для לִישׁוֹן

5. Конец истории Манассии.—Манассия, после разочаровывающего решения Государственного совета, ждал месяц за месяцем, надеясь, что неофициальное разрешение Протектора может стать законом страны. Его товарищи устали и вернулись по домам в Амстердам, но Манассия остался, терпеливый и непоколебимый в своей цели и стремящийся завершить свою работу. В начале 1656 года он опубликовал "Оправдание иудеев", триумфальный ответ на клевету, которая была произнесена против его народа. И это была его последняя попытка в этом деле. Его миссия так и не была выполнена так грандиозно и завершено, как он надеялся. Он посеял свое семя, и именно мы, его потомки, 'радуясь, несем снопы'. Он был бы доволен, если бы так и было. Осенью 1657 года, когда его книга была выпущена и он больше ничего не мог поделать, он отправился домой. И дома, в Амстердаме, прежде чем он туда добрался, ему приготовили могилу. Ибо болезнь настигла его в пути, и 20 ноября 1657 года в Миддлбурге, в доме Эфраима Абарбанеля, скончался его шурин Манассия бен Исраэль.

ГЛАВА XXXIV.

СПИНОЗА.

1. Облака заслоняют рассвет. —Рассвет, который возник над евреями в Голландии, теперь довольно широко распространился на Англию. Но ночь была такой долгой и бурной, что рассвет был темным и бурным, а до рассвета было еще очень далеко. Густые тучи то и дело нависали над еврейским горизонтом, и один из таких тяжелых туманов нависал над общиной в Амстердаме, даже когда Манассия так мужественно стремился разогнать туманы в Лондоне. И эти туманы, тучи и дымки, которые поднимались, заслоняя рассвет, были вызваны иногда как иудейскими, так и христианскими атмосферными условиями. Следует отметить странный факт,

что в то самое время, когда Манассия искренне умолял английскую нацию предоставить евреям свободу вероисповедания и совести, старейшины его собственной общины в Амстердаме, казалось, были столь же серьезно настроены отказать в этих правах одному из них, молодому человеку двадцати четырех лет, который, ныне известный миру как Бенедикт Спиноза, считается "великим среди величайших мыслителей".[52](#)

2. Амстердамские евреи во времена Спинозы.—В ноябре 1632 года, когда амстердамская синагога была построена всего тридцать четыре года назад, в одной из проживавших там испанских еврейских семей по фамилии д'Эспиноза родился сын, получивший имя Барух. Чтобы понять всю его печальную и замечательную историю, необходимо, прежде всего, посмотреть, каким образом их пребывание в Голландии повлияло на беженцев из Испании и Португалии. Хотя на момент рождения Спинозы прошло почти сорок лет с тех пор, как евреи с полуострова поселились в Голландии, община Амстердама была далека от того, чтобы быть хорошими голландскими евреями в полном смысле этого слова. Они были хороши в соответствии со своим мировоззрением, но их свет стал гореть тускло и фальшиво из-за долгого, свирепого сияния Инквизиции. Они были голландцами в любой практической интерпретации благодарной преданности, но по языку, манерам и образу мыслей они все еще оставались испанцами. И как евреи, эти эмансипированные маранно также явно не соответствовали стандартам. Сама их серьезность была в некотором роде направлена против них. Они не довольствовались тем, что были "свидетелями", они хотели быть судьями. Их сознание собственного долгого пренебрежения всеми формами иудаизма было настолько острым, что они искали избавления от этого самобичевания, выискивая повод для упреков в других, и они, по правде говоря, приходили в ужас, когда кто-либо из членов общины подвергал сомнению какую-либо доктрину или отказывался от какой-либо практики иудаизма. Они, казалось, не понимали, что быть евреем в каждом мелком обряде — это не совсем то же самое, что исполнять еврейский закон в том смысле, в каком призывал нас пророк Михей: "поступать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить перед Богом".

И в их исследованиях также проявился недостаток того же самого лихорадочного рвения к давно подавляемой религии. Они были так рады снова иметь возможность открыто читать свой Закон и Талмуд, что даже в этих трезвых занятиях стали неумеренными. Закона и Талмуда им было недостаточно в их беспокойном настроении энергии раскаяния. Многие ученые начали охотно перенимать самые дикие и причудливые 'расширения' в религии и философии. Существует целая отрасль еврейского доктринального изучения, которая называется Каббалой. Грац описывает Каббалу как грибную поросль, которая с тринадцатого века расползалась по всему телу Закона и традиции. Эта каббала - сорняк, посаженный Востоком, но среди западных ученых, в пустынных местах, ей есть где расти. Это странное сочетание веры и философии, и его мистический характер способствовал внедрению всевозможных нееврейских верований и суеверий под названием каббала. Таким образом, мы имеем некоторое количество так называемой каббалистической литературы, содержащей суеверное нагромождение знамений и чудес, которое привело бы ее изучающих к легковерным размышлениям о злых духах, лжепророках и фальшивых мессиях, вместо искренней веры в единого истинного Бога и Его слугу Моисея. Только умы, ослабленные и униженные каббалистическими исследованиями, могли поверить в такого Мессию, как Саббатай Цеви. Этот эпизод 1666 года — примерно на десять лет позже даты изгнания Спинозы и отлучения от амстердамской синагоги — является

крайним примером тенденции ревностного отношения к суевериям. Случай с Уриэлем да Коштой, произошедший в Амстердаме шестнадцатью годами ранее, когда Спиноза был восьмилетним мальчиком, является примером того, до чего могут дойти даже хорошие и культурные люди в пылу нетерпимости.

3. Студенческие годы Спинозы.—Именно в сообществе, сформированном такими влияниями и таким опытом, среди страстно наблюдательных и строго конформистских евреев воспитывался Барух Спиноза. И чтобы сделать недоразумение, возникшее между ним и его паствой, еще более безнадежным, Спиноза был прирожденным гением, оригинальным, творческим мыслителем, в то время как его наставники, учителя и старейшины были всего лишь образованными, умными и заурядными. Огромная пропасть отделяет знание, каким бы великим оно ни было, от гениальности. Амстердамская конгрегация приобрела одно, а Спиноза обладал другим, и об этом его исключительном даре никто не знал и не догадывался, пока не стало слишком поздно.

Мало что известно о социальном положении родителей Баруха Спинозы, и нельзя сделать особых выводов из того факта, что он получил превосходное образование, поскольку во всех классах и во все периоды евреи прилагали усилия, чтобы обеспечить своим детям лучшее, что можно было получить на пути знаний. Курс обучения в еврейских школах был почти полностью ограничен ивритским языком и литературой, но этот курс, как и в древних *каллах*,⁵³ был составлен так, чтобы включать в себя очень широкий круг предметов. В более продвинутых классах преподавались анализ и математика, а Маймонид и Ибн Эзра были учебниками философии и теологии. Студенты тоже были хорошо осведомлены о физике и естествознании того времени. Манассия бен Исраэль был одним из учителей Спинозы, и раввин Саул Мортейра был другим. Латынь и немецкий он, похоже, изучал вне общины, у врача по имени Ван ден Энде. Он также овладел французским и итальянским языками и приобрел нечто большее, чем элементарное знание греческого. Испанский был для него, как и для всех евреев, происходящих от маранно, более или менее родным языком. Он также был умен в рисовании, но этот длинный список его достижений не дает точного представления о его способностях, поскольку большая ученость сама по себе не является гарантией способностей. Разум может быть заполнен фактами, как кладовая, и в то же время быть пустым от идей и слабым в интеллектуальном восприятии. Спиноза не только учился, но и думал. Он не только собирал информацию, но и выдвигал теории. Сообщество немного не доверяло оригинальности и предпочитало, чтобы знания облекались в готовые формы. Этот молодой человек тоже был невнимателен к формам и неосмотрительно вольно высказывался в своих мнениях. Хотя он не гнушался использовать, как показывают его последующие философские труды, идеи, принципы и аргументы, содержащиеся в еврейских произведениях, он все же испытывал некоторое презрение к тенденциям современной еврейской науки и очень открыто высказывался о Библии, Талмуде и обо всем, что было дорого и свято евреям. Амстердамские евреи по многим причинам боялись нонконформистов. Они опасались возврата к номинальному иудаизму. Они считали своим долгом держать опасных элементов на расстоянии вытянутой руки из небезосновательного опасения, что может быть установлен другой иудаизм до того, как этот с трудом восстановленный иудаизм прочно утвердится в их сердцах и домах. И, кроме того, не только ради блага синагоги они должны были остерегаться раскола, но и новой и неопределенной терпимости, которой евреи пользовались среди христиан, могли легко

помешать неприличные религиозные различия в общине. Так много или так мало должно быть справедливо сказано для объяснения отношения амстердамского сообщества к Спинозе. Не так уж много можно сказать в защиту их последующих действий.

4. Все подходит к кульминации.—Еще в студенческие годы Спиноза и его сокурсники начали считать его опасным, и к тому времени, когда ему исполнилось двадцать три, ситуация достигла своего прискорбного апогея. Его умозрительные и независимые мнения стали предметом серьезного обсуждения среди старейшин синагоги, и, конечно, для них он был всего лишь молодым человеком, о гениальности которого, даже если о нем и догадывались, пока еще совершенно не доказано. Следует иметь в виду, что они действовали, основываясь только на своих знаниях о нем, а не на наших, и, с их точки зрения, на благо общества. Они бы вернули своих заблудших овец в загон, если бы это было возможно; но если нет, то было сочтено за благо окончательно выгнать такую овцу из него и таким образом избавиться от ответственности с ее стороны. Следует признать, что евреи испанского происхождения всегда были последовательны в своей политике благоразумного воздержания от любого смущающего контакта с братьями либо небезопасной морали, либо неприятных манер. В данном случае они не хотели ни спорить с молодым человеком, ни тем более наказывать его, если этого можно было избежать; они хотели, из простого эгоизма, освободиться от члена клуба, который мог доставить им неприятности. Спинозе было предложено ежегодное пособие в размере тысячи флоринов, если он в том, что касается высказываний и соблюдения ритуалов, будет соответствовать правилам и обрядам синагоги. Предложение показало на редкость слабое знание характера Спинозы. Оно было без малейших колебаний быстро и категорично отклонено. Старейшины разозлились еще больше. Он был вызван к ним, подвергнут порицанию и помещен 'вне лагеря' на тридцать дней, а чуть позже, когда его твердое и спокойное поведение разозлило их еще больше, а также стало известно, что он вводил молодых людей в заблуждение, за этими сравнительно мягкими мерами последовал четкий приговор об отлучении от церкви. Текст отлучения от церкви читать больно. В торжественных выражениях он был проклят "всеми проклятиями, которые записаны в Законе", как в целом, так и в довольно отдельных деталях, и ему было категорически отказано в любой форме общения с представителями его собственной веры. Это был ужасный документ, и единственная тень оправдания, которую можно ему найти, заключается в том факте, что это была эпоха сильных высказываний, эпоха, ненавидевшая ересь и уделявшая много внимания сожжению еретиков. Проклятия и анафема витали в воздухе. Читатели, изучающие историю, наверняка помнят, в каких выражениях Мартин Лютер говорил и писал об Эразме, и как, общаясь со своими религиозными противниками в целом, храбрый монах "швырял слова, подобные камням, обрушивающимся на их головы". Работе Мартина Лютера было более ста лет на момент отлучения Спинозы от церкви, но любопытно проследить, как ожесточенная борьба Реформации, подобно смертоносной тактике инквизиции, оставила свой след и оказала влияние на действия евреев.

5. Как Спиноза воспринял свой приговор: его образ жизни.—

"Вульгарные умы"

Отказываются или приседают под своей ношей; храбрые

Терпи их, не жалуясь",

говорит английский поэт.⁵⁴ Спиноза был человеком совершенно иного типа, чем Уриэль да Коста. Он не бушевал, не протестовал и не отрекался. Он смирился с вынесенным ему приговором, признавая его жестокую несправедливость, но признавая также силу обстоятельств и то, что он сам внес свой вклад в его приведение в исполнение. Он переехал на небольшое расстояние от Амстердама и, сменив свое имя на его латинский эквивалент, Бенедикт Спиноза, встретил свою жизнь в новых условиях. Его первой необходимостью было обеспечить себя средствами к существованию; и здесь еврейский инстинкт, который мы так часто отмечали, сразу же проявил себя, и руки были готовы помочь голове. Он работал оптиком, и характерно для этого великого человека, что линзы и очки, которые он вырезал, ценились оптиками так же высоко, как его книги учеными. И он писал, и он преподавал, и в последнем занятии находил некоторую компенсацию от полного одиночества, на которое был обречен. Его ученики прониклись к нему огромной привязанностью, и один по имени Де Фриз, который знал, что обречен на раннюю смерть, искренне желал сделать Спинозу своим наследником. Но у молодого человека был живой брат, и Спиноза не позволил бы своему ученику отказаться от справедливых притязаний своих сородичей. Когда Де Фриз умер, брат, унаследовавший его состояние, хотел передать годовой доход Спинозе, но даже от этого он отказался, взяв лишь в конце концов, после долгих уговоров, половину того, что ему было навязано. Поведение человека в денежных вопросах - очень сносный критерий того, из какого материала он сделан, и в другом случае, когда речь шла о наследии, Спиноза действовал точно так же, безмятежно справедливо и бесстрастно. Когда умер его отец, семье осталось небольшое наследство, которое, помимо этого изгнанного сына, состояло из двух дочерей. На том основании, что он был изгнан из общины Израиля, сестры оспорили право Спинозы на его долю имущества. Спиноза не уступал этой несправедливости; он считал долгом каждого гражданина сопротивляться любой форме неправомерных действий, независимо от того, была ли в этом случае затронута его собственная выгода или нет. Он знал, что не утратил своего права на справедливую долю в разделе имущества их отца, и он не откажется от своего права. Но когда его притязания были обоснованы и удовлетворены, он отказался извлечь из этого выгоду. Справедливость восторжествовала, можно было потакать великодушию. Он отдал своим сестрам всю свою долю, за исключением только одной кровати! Он очень мало заботился о деньгах и даже, что встречается реже, очень мало о большинстве удовольствий, которые обеспечивают деньги. Его образ жизни был в высшей степени бережливым. Пытаясь свести концы с концами, он однажды в шутку сравнил себя со змеей, которой приходится извиваться, чтобы засунуть свой хвост в пасть. И все же он ни в малейшей степени не был скупым или человеконенавистническим. Он наслаждался общением как с обычными, так и с умными людьми и тешил свои пристрастия посредством переписки, когда не мог добиться разговора. В последние годы своей жизни он поселился в Гааге, в семье по фамилии Ван дер Спик, добрых, воспитанных людей, которые прониклись самой искренней привязанностью и уважением к своему мягкому, образованному жильцу. Возможно, именно в благодарность за интерес и удовольствие, которые Спиноза получал от детей доброй женщины, она однажды с тревогой спросила его — ибо, конечно, все они знали, что он исповедует другую религию, чем его хозяева, — его форма веры или их собственная лучше. 'Все религии хороши, ' ответил он, 'которые ведут человека к хорошей жизни; тебе не нужно искать дальше'. Истинность этой аксиомы была продемонстрирована в его собственной жизни.

Спиноза никогда не отказывался от своей религии, но, возможно, это больше проявляется в его жизни, чем в его философии. Спиноза показал себя евреем, так сказать, вопреки самому себе. Он был верным, патриотично настроенным гражданином, которому всегда можно было доверять, и очень доверял во времена паники и опасности, которые Нидерланды пережили в 1672 году, когда король Франции (Людовик XIV) 'обрушился на Утрехт подобно наводнению'. Он никогда особо не стремился к славе, и характерно, что, когда после публикации его Богословско-политического трактата ему предложили кафедру философии в Гейдельберге, он отказался от нее, опасаясь, что на этом ответственном посту он может почувствовать себя скованным и будет неспособным высказать всю правду, которая была в нем, и, таким образом, будет менее по-настоящему полезен своим собратьям.

6. До этого Последнего. — Год за годом он продолжал работу, которая лежала у него под рукой, используя свое одиночество и испытания не как оружие, а как инструменты. Он продолжал день за днем писать, преподавать и изготавливать свои очки, выполняя каждую из своих обязанностей изо всех сил, и каждую настолько безупречно, насколько это было возможно для него. Он отличался жизнерадостным духом, хотя никогда не отличался крепким здоровьем. И, не имея ни жены, ни ребенка, для которых его здоровье имело первостепенное значение, он почти неожиданно умер от чахотки, когда ему было всего сорок пять лет (27 февраля 1677 г.).

7. Его труды.—Из них наиболее известными являются трактат, частично политический, частично теологический, под названием *Tractatus Theologico-Politicus*, который был опубликован в 1670 году, и "Этика", его великий философский труд, который был опубликован только после его смерти. Как невозможно было бы передать тому, кто никогда не читал его пьес, какое-либо интеллектуальное представление о Шекспире, просто сказав, что он написал "Гамлета", так и безнадежно составить какое-либо представление о Спинозе как авторе путем голого изложения его произведений. Труды Спинозы - это крепкое мясо, и для их переваривания требуется тренированное пищеварение. "Его ум, - говорит Ауэрбах, - питал мысль двух столетий", и это живописное высказывание должно служить единственным указанием на то, что здесь может быть дано о поданной таким образом пище.

8. Результаты.— Для мира ценность Спинозы заключается в том, что он мыслитель; для его народа, небольшая часть которого в ошибочном рвении отвергла его, его главная ценность, по-видимому, заключается в его образе жизни. Среди более умеренных обвинений, которые выдвигались против евреев, часто подчеркивалось, что, хотя раса произвела на свет хороших учеников и умных адаптеров, среди учителей мира не было евреев в самом переднем ряду. Евреям не нужно сильно беспокоиться, чтобы отрицать то, что может быть правдой в этом обвинении. Их миссия состоит не в том, чтобы быть первопроходцами на каком-то определенном пути, а в том, чтобы быть свидетелями на жизненном пути. И именно в той мере, в какой они терпят неудачу в этом, как евреи они терпят неудачу вообще. Следовательно, то, что Спиноза, по характеру своего гения, был исключительным евреем, можно признать со всей невозмутимостью. Гений всегда исключителен по своей природе и не имеет особой национальности. Но, отбрасывая его гениальность в сторону, мы утверждаем, что в своей

стойкой, привлекательной натуре, в своей умеренной, бережливой, трудолюбивой жизни и в своем трезвом, но с юмором принятии обстоятельств своей судьбы Спиноза был типичным евреем, и, более того, евреем не редкого типа. Спиноза не часто был легкомысленным и даже неохотным "свидетелем" красот иудаизма, но всегда и на все времена был могущественным человеком, и, возможно, еще более могущественным, потому что, в какой-то степени, бессознательным. Большинство эпизодов его биографии дошли до нас через лютеранского священника по имени Колерус, которому были отвратительны все философские теории Спинозы. Таким образом, не может быть никаких подозрений в неоправданном восхвалении этих записей 'М. Спиноза блаженной памяти', как назвал его бедный торговец, который знал этого человека, но никогда не читал ни строчки автора.

ГЛАВА XXXV.

В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ, ПЕРЕД РАССВЕТОМ.

1. Долгая ночь. В то время как евреи Голландии росли в богатстве и значении, а ветвь, которую Манассия бен Исраэль привил Англии, хотя и медленно, но добивалась здорового и независимого существования, положение евреев в остальной Европе все еще было плачевным. До рассвета над евреями Северной и Центральной Европы было еще далеко. На юге, в Италии, наступили своего рода сумерки; сравнительно мирное и без происшествий существование под периодически гуманным правлением пап. Мы знаем, что в Испании и Португалии инквизиция закончилась изгнанием, а во Франции все еще действовал эдикт, который изгнал расу со своих берегов в 1394 году. Положение вещей, которое на востоке обеспечивало радушный прием Саббатаю Цеви, действовало на западе и приводило к иным, но, как мы увидим, столь же пагубным результатам. Этот стандарт был снижен по всей Европе. И все же, хотя евреи и были лишены богатства, славы и положения, которыми они так долго пользовались на полуострове, хотя в разной степени подвергались угнетению и деградации в Германии и других странах, они все еще, хотя и вслепую, "трудились в ночи" и вносили свой вклад в медленный прогресс цивилизации.

"Есть Провидение, которое определяет наши цели,

Грубо разделаем их, насколько сможем.

Добрые результаты печальных дел часто проявлялись неожиданным образом и в непредвиденных направлениях; например, частые теологические споры между евреями и иудеями, христианами и христианками, сами обвинения, время от времени выдвигаемые против евреев и еврейской литературы, привлекли внимание христианских ученых к изучению иврита. У Иоганна Рейхлина, одного из самых важных предшественников немецкой реформации, был учитель иврита, некто Якоб Лоундс, врач императора Фредерика III. Эти Займы остались в фаворе у императора, а также у его преемника Максимилиана I. и, вероятно, благодаря влиянию Якоба Займов другой член той же семьи, Джозеф Займов из Росхайма (родился в 1480 году, умер в 1555 году), был назначен представителем евреев при императорском дворе. Джозеф Лоунс защищал своих братьев всякий раз, когда против них выдвигались обвинения, и

становился поручителем за них всякий раз, когда это требовалось. Евреи называли его своим 'великим защитником', хотя его усилия в их защиту не всегда были успешными; император Максимилиан отличался несколько непостоянным складом ума и был склонен 'легко воспринимать все впечатления снизу'.

2. Рейхлин и Талмуд.— Именно во времена Рейхлина монахи-доминиканцы под руководством человека по имени Пфефферкорн в своей ненависти к евреям выдвинули обвинения против Талмуда и изо всех сил пытались убедить императора Максимилиана конфисковать и сжечь все его экземпляры. Рейхлин, стоявший во главе антидоминиканцев, защищал Талмуд наиболее энергично и успешно. 'Я признаюсь,' сказал он однажды, 'что я очень мало знаю о содержании Талмуда, но противоположная сторона знает не меньше. Как кто-то может осмеливаться судить о математике, если он ничего не знает об этой науке? Талмуд не следует сжигать, поскольку до тех пор, пока он существует, это безобидный предмет для теологических дискуссий. Уничтожьте Талмуд, и христианские богословы начнут спорить о своей собственной религии, был ли Павел женат или "святой" Августин был монахом!' Таким образом, достаточно любопытно, что Талмуд разделил христианский лагерь на две партии, гуманистов и мракобесов, как их называли, и в их спорах Талмуд нашел свою защиту. Мы видели, что в тот раз его не сожгли.⁵⁵

3. Еще одно еврейское влияние, Элиас Левитас.—Другим успешным еврейским учителем среди христианских ученых того периода был Элиас Левитас. Он родился в 1468 году в Нойштадте, недалеко от Нюрнберга. В 1504 году мы находим его в Падуе, где он преподавал иврит. В 1509 году, когда Падуя страдала от последствий войны и завоеваний, Левитас приехал в Рим. Здесь он преподавал кардиналу Эджидио де Витербо, в доме которого прожил десять лет. Джордж де Сельве, епископ Лавура, также был одним из его учеников, и, вероятно, именно по рекомендации епископа Левитас был приглашен приехать во Францию в качестве профессора иврита. Должно быть, он чувствовал себя очень польщенным, когда его таким образом просили приехать в страну, в которой ни одному еврею не разрешалось проживать. И приятно сознавать, что он не принял приглашение, но отказался от почестей, которые опозорили его расу. В 1527 году, когда Рим был предан беспорядкам и разграблению, Элиас Левитас отправился в Венецию. В 1540 году мы находим его работающим корректором в типографии некоего Фагия, а в 1549 году он умер. Его литературная карьера началась с обильного редактирования некоторых грамматических работ старых мастеров, но впоследствии он сам стал писать книги по всем темам, связанным с грамматикой иврита и лексикографией. Многие из этих работ были переведены на латынь. Ученые считают написанный им трактат о Массоре и происхождении точек на гласных наиболее интересным и ценным. Он также снабдил своих еврейских братьев немецким переводом Пятикнижия, Мегиллот и Хафтарот.

4. Некоторые еврейские результаты изобретения книгопечатания.—Большое рвение, затрачиваемое в этот период на изучение иврита, вскоре стало заметно по широкому использованию недавно изобретенного искусства книгопечатания для размножения копий произведений на иврите. Типография Даниэля Бомберга в Венеции опубликовала издание Biblia

Rabbinica (то есть еврейский текст с халдейской версией под названием Targum, массоретическими примечаниями и различными комментариями на иврите) в 1516-17 годах, а Талмуд - в 1520-26 годах. И это ни в коем случае не были первые напечатанные произведения на иврите. Комментарий Раши⁵⁶ к Пятикнижию был опубликован в Реджо в 1475 году, и в том же году более крупная работа 'Арба-Турим" (Свод законов) в Пьеве-ди-Сакко. Первая типография на иврите в Германии была основана Герсоном Сончино в Праге в 1513 году. Семья Сончино внесла большой вклад в распространение книгопечатания среди евреев. Печатные станки на иврите вскоре были установлены в Фано, Пезаро, Мантуе и других местах. Евреи с самого начала проявили усердие и мастерство в продвижении печати литературы на иврите. Однако их ликование по поводу нового изобретения вскоре было омрачено введением цензуры для еврейских книг, и еврейским авторам и составителям пришлось видеть, как их любимые произведения искажались священниками и мирянами, которые часто были неспособны уловить смысл того, что они изучали. Евреи-ренегаты иногда исполняли обязанности цензоров и добавляли злобы к невежеству. Печатники и редакторы постепенно, предвидя отрывки, которые встретят неблагоприятную цензуру, тщательно готовили свой текст для проверки с пропусками. И таким образом, в конце концов, не было причинено большого вреда. Полные копии, как правило, можно было найти в государствах, свободных от цензуры, и ученые с хорошей памятью часто оказывались под рукой, чтобы восполнить недостающие звенья. В наши дни книги, напечатанные в России или ввезенные в Россию, подвергаются цензуре, а отрывки, которые цензорам кажутся негодными, делаются неразборчивыми.

5. Влияние книгопечатания на каббалистическую литературу.—Благодаря искусству книгопечатания мистические произведения каббалистического характера также были приумножены и стали доступными для множества. Рейхлин, изучая иврит, особенно стремился к получению знаний о Каббале, веря, как и многие христиане того времени, что в Каббале могут быть открыты многие скрытые тайны их собственной религии. Наиболее важным трудом такого рода является 'Зоар' (Великолепие), сборник заметок и размышлений в форме краткого комментария к Пятикнижию. Традиция отдает честь авторства "Зоара" раввину Симеону бен Йохаю (второй век). Современная критика, однако, заявляет, что это произведение средневековья, по крайней мере, в отношении определенных его частей. "Зоар" содержит множество моральных уроков, перемежающихся с легендами-агадами и философскими теориями. В нем есть своя привлекательность для созерцательных умов, которые любят предаваться творческим и умозрительным размышлениям. Некий Исаак Лурия, родившийся в Иерусалиме в 1534 году, ушел в затворничество и посвятил всю свою жизнь изучению книги Зоар, посту и молитве. Таким образом он надеялся прийти к правильному пониманию скрытых истин. Во всяком случае, его труды, по-видимому, не нанесли ущерба его моральному облику, поскольку перед смертью он сделал торжественное заявление о прощении всем и каждого, кто, возможно, обманул его, и пожелал, чтобы полная компенсация была выплачена всем или любому, из кого он мог извлечь неправомерную выгоду. Лурия умер от чумы в 1572 году. Каббала Лурии была введена в Германию главным образом через некоего раввина Джесайю Гурвица (родился в 1570 году). Он написал книгу для своих собственных детей под названием "Две скрижали Завета" (сокращенное еврейское название תּוֹרָה), но вскоре она была напечатана и оказалась очень популярной. Помимо того, что в книге содержатся своего рода комментарии к каждой из Хафтар, а также множество мистических и мидрашистских толкований библейских и талмудических отрывков, она дает правила поведения на все случаи жизни и рекомендует

обуздывать страсти и регулировать аппетиты, причем часто удачным образом. Раввин Гурвиц эмигрировал в Иерусалим, где, как и многие другие, подвергся жестокому обращению со стороны магометанских тиранов. В конце концов он отправился в Тверию, где в 1630 году скончался.

ГЛАВА XXXVI.

В СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ, ПЕРЕД РАССВЕТОМ (продолжение).

1. Группа звезд.—Сквозь тусклые облака, которые так редко рассеивались, маленьким литературным звездочкам удавалось время от времени выглядывать и излучать слабое бледное сияние. Их лучи были не очень яркими, но они сделали все, что могли, и заслуживают почетного упоминания. Мы рассмотрим их в хронологическом порядке, хотя в этом случае леди и поэтесса окажутся последними в нашем списке.

В Испании, в 1488 году, родился некий Джозеф Каро. Когда он был совсем ребенком, его родители покинули Испанию и, взяв Джозефа с собой, скитались с места на место, пока, наконец, не обосновались в Никополисе в Турции. Отец учил мальчика Библии и Талмуду, и с самого начала он проявил большое трудолюбие и некоторый талант. Вскоре он отправился в Адрианополь, где написал свою первую работу, которая представляла собой комментарий к **טורים ארבע** Впоследствии он написал **ערוך שלחן** (Подготовленная таблица), которая была продолжением его первой работы и, как и она, была вдохновлена Сводом законов, сформулированным давно умершим раввином Якобом, сыном Раббену Ашера. **ערוך שלחן** стал стандартным авторитетом еврейского ритуального и церемониального права. Она разделена на четыре части:

1. **חיים ארץ** (Жизненный путь). О молитве, субботах, праздниках и постах.
2. **דעה יורה** (Обучение знаниям). Диетические и другие внутренние законы.
3. **העזר אבן** (Камень помощи). Законы о браке.
4. **טמא שפ חשן** (Нагрудный знак суда). Гражданское законодательство.

Примечания были добавлены к **ערוך שלחן** раввина Джозефа Каро польским талмудическим авторитетом по имени раввин Мозес Иссерлес. Он сам был писателем, и его решения имели большой вес среди его польских и немецких единоверцев, но не были приняты португальскими евреями. Джозеф Каро перед своей смертью в 1575 году перенес приступ каббалистической лихорадки, которая была так распространена в те дни. Под ее влиянием он эмигрировал в Палестину и присоединился к секте каббалистов. Он был избран раввином Сафеда и, обладая этим достоинством, умер.

Современница Каро, жившая в Сафеде, была автором прекрасной песни Friday night, כָּדִידִי לָךְ: "Приди, моя возлюбленная, встретить Невесту, приближающуюся субботу, которую мы получим". Его звали Соломон Алкабез.

Азария де Росси, родившийся в Мантуе в 1511 году, был одним из великих еврейско-итальянских ученых шестнадцатого века. Он был сведущ во всех областях литературы и науки. Его обширные знания и критические способности проявляются в его работе עֵינֵים טְאוֹר ("Свет очей"), сборнике критических эссе на различные темы еврейской археологии и истории. Он свободно и бесстрашно сравнивал утверждения Талмуда и мидраша с теми, что содержатся в других произведениях, еврейских и нееврейских. Среди прочего Де Росси обсуждал еврейскую хронологию и без колебаний объявил ее ошибочной. Среди своих еврейских современников он не нашел много поклонников, но его произведения спустя долгое время после его смерти (1578) получили, наконец, то место в еврейской литературе, которого они вполне заслуживают.

Давид Ганс, родившийся в Вестфалии в 1541 году и умерший в Праге в 1613 году, был великим ученым и писателем. Он начал свое обучение в Кракове, в раввинской семинарии, но через некоторое время отказался от изучения Талмуда и посвятил себя изучению астрономии, истории и географии. Он написал на иврите хронологическую историю, חַדְשֵׁי הַיָּמִים Его главные работы, кроме того были שֵׁטַח דָּוִד (Щит Давида), арифметическая руководство; מִגְדַּל דָּוִד (Башня Давида), геометрические работы; и נֶחֱמָה וְשֵׂמֶחַ (приятным и желанным), астрономическая объеме. Во введении к последнему Ганс дает краткий обзор астрономии до своего времени, включая очерк астронома Коперника, с которым он был лично знаком.

Давид Оппенгейм, раввин Праги (родился в 1664 году, умер в 1736 году), известен как владелец ценной библиотеки на иврите. История книг, которые он собрал, возможно, интереснее, чем могло бы быть краткое изложение их содержания. Ядро коллекции составил некий Сэмюэль Оппенгейм, который, будучи агентом при венском дворе, попросил и получил в качестве вознаграждения за какую-то финансовую операцию ряд ценных книг на иврите, которые принц Евгений наградил во время турецкой войны. По завещанию они были оставлены раввину Дэвиду Оппенгейму, который в значительной степени пополнил коллекцию. Он составил список недостающих и желательных томов и разослал его по всем направлениям с приказом купить для него. Таким образом, он увеличил количество напечатанных им книг до 7000, а рукописей - до 1000. Опасаясь, что цензор в Праге может искалечить или конфисковать некоторые книги, раввин Оппенгейм держал свою любимую библиотеку в Ганновере, в доме своего тестя Липмана Козна. После смерти раввина Давида Оппенгейма коллекция досталась его сыну, Гершелю Исааку Оппенгейму, раввину в Хильдесхайме. После его смерти (1770) она была отправлена в Гамбург и передана в залог тамошнему сенатору за 50 000 марок. Впоследствии она попала в руки некоего Исаака Козна в Гамбурге, и была оценена Моисеем Мендельсоном в 50 000 талеров.⁵⁷ После некоторых переговоров с еврейскими купцами и немецкими князьями библиотека была куплена Бодлианской библиотекой в Оксфорде в 1829 году за 9000 талеров, и там она находится в настоящее время.

Сара Копиа Суллам, наша поэтесса, была восторженной еврейкой. Первым литературным произведением, о котором известно, было неподписанное письмо с датой 1618 года, которое она отправила итальянскому священнику по имени Чеба, написавшему стихотворение на еврейскую тему о царице Есфири. Наша поэтесса была так рада видеть похвалу еврейской героине, что ее письмо священнику было полно благодарности и энтузиазма. Священник узнал

имя своей корреспондентки и сделал все возможное, чтобы обратить ее. Сара, однако, была тверда в своей вере, и ее ответы дают полное обоснование ее твердости. Поняв наконец, что его доводы не сработали, священник снова написал ей, умоляя разрешить помолиться о спасении ее души. На это она ответила, удовлетворив его просьбу при условии, что он позволит ей помолиться за его обращение в иудаизм. Мы не слышим о какой-либо дальнейшей переписке между священником и поэтессой. Позже другой христианский священник обвинил ее в отрицании бессмертия души. Она с негодованием защитила себя от этого обвинения в красноречивом манифесте. Похоже, она с большим рвением посвятила себя не только литературе, но и науке, и ей посвятили трагедию.

Дебора Аскарелли, еще одна еврейская поэтесса, перевела на итальянский многие еврейские гимны, а также сочинила оригинальные стихи на итальянском.

2. Польские евреи.—На северной оконечности Европы, в Польше, царила самая унылая ночь. Беженцы из числа очень бедных и преследуемых попадали в Польшу с XI века, встречались и смешивались там с членами караимской секты и, возможно, с некоторыми остатками некогда могущественного обращенного народа хозар, которые процветали на берегах Каспийского моря в VIII и IX веках.⁵⁸ О евреях в Польше мало что слышно до четырнадцатого века, когда при Казимире Великом и, возможно, благодаря влиянию еврейки, которую король очень любил, им был предоставлен определенный правовой статус. Она была не очень возвышенной и в основном носила 'защитный' характер. Их жизни и имущество были закреплены за ними, а их синагоги и места захоронений были защищены от грабежа и осквернения. Права на торговлю были предоставлены, но в приеме на работу в государственных учреждениях было отказано. Это терпимое, но несколько убогое положение вещей сохранялось примерно до середины семнадцатого века, к тому времени евреи Польши, которые были в основном немцами по происхождению и языку, составляли очень значительную долю населения среднего класса страны. Они никогда не принадлежали к очень высокому классу евреев. Первоначальное поселение состояло из безжалостно преследуемых мелких торговцев, и пришло подкрепление из числа таких же людей. Это была община, в которой иудаизм пустил глубокие корни, но почва изначально была бедной и всегда ужасно нуждалась в современных методах удобрения. В теории и практике, в манерах, внешнем облике, языке, взглядах и мнениях эти польские евреи были самыми консервативными, некоторые могли бы даже сказать, застойными или регрессивными. Среди их учеников оказалось много тех, кто больше склонялся к каббале, чем к Талмуду, и к Талмуду, чем к Торе; а затем, ближе к середине семнадцатого века, начались жестокие притеснения, результатом которых стало еще более полное понижение стандартов. В это время казачий атаман с помощью татар и русских захватил Польшу и учинил невыразимые зверства над еврейскими и католическими жителями страны. И когда казаки закончили свою работу, русские начали свою. Между 1648 и 1651 годами в польских владениях было убито более 200 000 евреев. Те, кто выжил, были не из тех героев, кто смог бы превзойти такие ужасные обстоятельства. Они пали под ними, как морально, так и физически. Мелкие предприятия были заброшены или развивались неуклюже, многие школы были закрыты, а те, что оставались открытыми, пришли в упадок по целям и методам. Толпы польских раввинов были доведены до фактического разорения и голодающими группами эмигрировали в Голландию и Германию или даже в Италию и Англию. Те, кто остался в Польше, впали во что-то, на поверхностный взгляд, не очень похожее на варварство.

3. Французские евреи. —Из Франции в результате эдикта Карла VI еврейская раса была изгнана в 1394 году. Этот эдикт оставался в силе почти четыре столетия — фактически до 1784 года, когда во время правления доброго, хотя и слабого Людовика XVI был выдан королевский патент, разрешавший евреям проживать в любой части французских владений. За этот длительный промежуток времени Франция путем завоеваний и по договорам расширила свои границы, и на новых участках ее территории правило изгнания не всегда строго соблюдалось. Постепенно, в течение этих столетий, без какого-либо официального разрешения евреи возвращались на французскую землю, и в большинстве случаев власти закрывали глаза на эти незаконные нарушения нераскрытого закона. Однако всякий раз, когда законодательство было направлено на этот факт, оно оказывалось соответствующим случаю и в целом признавало присутствие евреев в духе Людовика XIII, который в 1615 году издал торжественный эдикт, запрещающий своим подданным под страхом самых суровых наказаний вести какие-либо беседы с евреями или принимать их в своих домах. Тем не менее, хотя эти евреи всегда были социально запрещены, часто подвергались грабёжам и преследованиям, они умудрялись существовать в своих французских гетто и отстаивать свои права. К середине восемнадцатого века в различных частях Франции были созданы небольшие еврейские общины, а в самом Париже насчитывалось поселение численностью около 500 человек. В Бордо влиятельная община мараннос существовала с 1552 года, когда из Португалии прибыл первый контингент беженцев. Эти бордосские поселенцы намного превосходили остальных евреев Франции как по положению, так и по культуре. Однако они не распространяли много своей превосходной сладости и света; напротив, они были настолько озабочены сохранением того и другого от любого возможного ухудшения, что, когда во время правления Людовика XIV (1761) беглецы из менее удачливых частей Франции попросили убежища в Бордо, они не получили никакого приема от своих единоверцев, которые оказали сдерживающую поддержку государственному порядку двигаться дальше. Самая многочисленная часть французских евреев была найдена в Эльзасе, провинция которого со дня заключения Вестфальского мирного договора (1648) до окончания франко-германской войны (1871) была французской. Национальность правительства, однако, не имела большого значения для евреев, живших при нем. Их положение в рейнских провинциях было самым жалким. Их ограничивали низшими формами торговли, поносили за то, что они занимались ими, а затем облагали налогами, намного превышающими любые честные возможности оплаты. Только когда усилия Мендельсона к концу восемнадцатого века начали приводить к изменению общего положения континентальных евреев, эльзасские евреи, среди прочих, начали разделять этот результат.

4. Общественная жизнь в Германии. — В австрийских и немецких княжествах, хотя массовые убийства и обращение в веру с помощью огня и дыбы медленно уходили в прошлое вместе с другими жалкими обычаями средневековья, все же изгнания, поборы и всевозможные лишения прав все еще были в полной силе против евреев. Во многих отдельных государствах, которые в наши дни составляют великую объединенную Германскую империю, эта раса, как мы видели, [59](#) считалась крепостными Императорской Палаты и, таким образом, находилась под номинальной защитой императора. Типичным примером такого рода ‘защиты’, которой пользовались немецкие евреи, является древняя еврейская хартия Франкфурта. Из условий этого документа мы узнаем, что евреи вообще получили привилегию жить там только на самых

унизительных условиях, и что это официальное разрешение в каждом случае должно было продлеваться по ходатайству каждые три года. Жители еврейского квартала не могли покидать его иначе, как в строго установленные часы; они также не могли принимать гостей и даже увозить больного без специального разрешения магистрата. Худшие трудности не были чем-то необычным, и раздражающие и мелкие ограничения типа франкфуртской хартии были обычными во всех городах Германии, где селились евреи.

В Богемии и ее столице Праге евреи терпели невыразимые страдания. Более сенсационные моменты можно опустить, но один пример даст представление о совершенно само собой разумеющейся несправедливости, с которой к евреям относились в повседневной жизни. В 1601 году в Праге умер некий Мордехай Мейзель, очень богатый и честный человек, который при жизни тратил свои деньги самым щедрым и справедливым образом. Он умер бездетным и оставил свое имущество племяннику. Император Рудольф, без тени оправдания или малейших претензий любого рода, отменил это завещание и забрал имущество покойного себе.

В Вене, столице Австрии, евреи, несмотря на инвалидность, некоторое время наслаждались сравнительным благополучием. Этому счастливому положению вещей резко пришел конец в 1670 году, когда при императоре Леопольде I. община была сильно оштрафована, могилы их умерших были вскрыты, наполовину в надежде на разграбление, наполовину в целях бессмысленного осквернения, а их школы и синагоги сначала разграблены, а затем превращены в церкви. В 1745 году произошло возрождение старого и более массового способа ведения дел. В середине зимы того же года по приказу императрицы Марии Терезии 20 000 евреев были внезапно изгнаны из Богемии и Моравии.

5. Моральное и материальное воздействие на евреев.—Отгороженные от больших дорог жизни и избегаемые за то, что брели по ее окольным тропинкам, евреи Германии в этих жестоких обстоятельствах медленно ухудшали свои манеры и образ жизни. Окруженные гетто, они становились все более довольными жизнью в гетто. Встречаясь со всем презрением и ненавистью, они начинали ненавидеть в ответ и, в свою очередь, испытывать столь же горькое и беспричинное презрение ко всему, что принадлежало их преследователям. Спиноза однажды написал: "Самое тяжелое бремя, которое люди могут возложить на нас, заключается не в том, что они преследуют нас своей ненавистью и презрением, а в том, что они сеют ненависть и презрение в наших душах. Мы не можем дышать свободно, мы не можем ясно видеть". Это тончайшее воздействие яда преследования, казалось, проникло в еврейскую систему. Они не говорили бы на языке своих врагов, они не читали бы их книг. Они ютились в своих тесных помещениях, занимаясь мелким ремеслом или продавая мелкий товар вразнос и, затаив дыхание, говорили на варварском диалекте, наполовину иврите, наполовину немецком, *Judisch Deutsch*, как это называлось, и так же отличавшемся от старого великого языка иврит, как они сами отличались от палестинских или даже испанских евреев. Любовь к религии и расе была сильна среди них, как всегда, но эта любовь стала ревнивой и угрюмой. Они боялись прогресса или выдающегося положения любого рода. Долгий и печальный опыт, казалось, показывал, что безопасность для них самих и терпимость к их вере заключаются, если вообще где-либо, в том, чтобы быть совершенно незамеченными внешним миром. Культуру христиан они ненавидели, причем ненависть эта рождалась наполовину из отвращения к ее ощутимым последствиям в виде преследований, наполовину из страха перед ее возможной тенденцией к обращению. И

так постепенно они запирали, в том числе и изнутри, те закрытые ворота, которые вели на открытые дороги к пользованию, имени и славе. Интеллигентные люди довольствовались тем, что ограничивали все интеллектуальные занятия изучением Закона и находили достаточный интерес и развлечение в бесконечном обсуждении его наиболее запутанных положений. "Талмудические шарлатаны", - несколько недоброжелательно называет один старый хронист этих мрачных и непривлекательных студентов семнадцатого и восемнадцатого веков. Это кажется резким выражением. Многословные, щекотливые споры по тривиальным, заумным вопросам были скорее вынужденным, чем добровольным видом умственной гимнастики; и если такие дискуссии не были интересны посторонним, они никогда не предназначались для них. Ученые филологи, как до, так и после, столь же долго вели дискуссии о значении и форме отдельной частицы у Гомера! Еврейские раввины никогда не забывали о нравственном воспитании своих учеников, и самые длинные и утомительные из этих их унылых диссертаций редко заканчивались без какого-нибудь популярного морального урока. Во всяком случае, эти толпы еврейских "безработных", какими бы угнетенными и огорченными они ни были, собрались не для того, чтобы подстрекать к мятежу или замышлять месть. И в их позиции решительной отчужденности от интересов сурового внешнего мира не было, по крайней мере, никаких следов своекорыстия. Возможно, в жестоких обстоятельствах своей судьбы они не совсем так ошибались, как кажется на первый взгляд. Вряд ли кто-то осмелится винить их, этих увешанных локонами, одетых в габардины фанатичных героев, которые на протяжении поколений отворачивались лицом к стене и, поверхностному взгляду казалось, сжимали свои цепи. Они были достаточно проницательны, чтобы понимать, что, замыкаясь в себе, они также отгораживались от других, но именно поэтому они сделали свой упорный, жалкий выбор между шансами и призами обращения и пробелами — утомительными, безнадежными, определенными пробелами в виде жесткой лояльности к своей расе и своей религии.

Читая историю мудрого и либерального философа, который преодолел барьеры и впустил свет учености и общественного признания в средневековый невежественный иудаизм, мы увидим, что даже дети освободителя были ослеплены непривычными лучами, что его сыновья дрогнули, а дочери отступили, и что в третьем поколении — только в третьем — оковы, которые деградировали, были названы деградирующими и были полностью сброшены, и внуки Мозеса Мендельсона, типичного еврея, были евреями больше нет.

ГЛАВА XXXVII.

МОЗЕС МЕНДЕЛЬСОН.

1. Первые дни в Дессау.—Под очень скромной крышей, на очень бедной улочке в Дессау, 29 сентября 1729 года у некоего Менделя и его жены родился слабый мальчик, которому было суждено чудесным образом изменить положение и обстоятельства евреев Германии. Этот ребенок из гетто казался не слишком пригодным для такой задачи, потому что, будучи хрупким с самого начала, его бедное маленькое тельце вскоре стало низкорослым и деформированным. Отец был *ḥasid*, или писцом, зарабатывавшим на скромную жизнь переписыванием отрывков Закона на пергамент для *Мезузота* и *Тефилина*, и эта профессиональная связь с источником знаний заставляла его, возможно, даже больше, чем еврейских родителей в целом, стремиться

к тому, чтобы их дети "набрались мудрости и обрели понимание". תַּשְׁרֵף לְפִי דָלָה.....
бесплатно для самого бедного еврейского родителя. Итак, к тому времени, когда маленькому Мозесу Менделю — или Мендельсону, как его стали называть, — исполнилось пять лет, было принято как само собой разумеющееся, что он должен посещать школу Талмуд-Торы. Но утро было пасмурным, а крошечный ученик был слаб и немощен, поэтому мать сначала заворачивала его в свой старый плащ, а отец, прежде чем приступить к работе, относил ясноглазый и не очень тяжелый сверток в соседнюю классную комнату. Маленький мальчик был прилежным и кротким, и вскоре на его силы и способности стали возлагать большие надежды. Вскоре он был переведен из младших классов в высшие, где преподавал выдающийся ученый раввин Френкель, и очень рано начал потворствовать желанию, чтобы, когда он вырастет, он, в свою очередь, мог стать ученым раввином, как его дорогой учитель. Родители не слишком горячо поддерживали это стремление своего маленького сына. Времена в гетто были тяжелые, и раввинов было много. Хотя это была очень уважаемая, но низкооплачиваемая профессия, в то время как разносчик или коробейник, мальчик мог начать зарабатывать на жизнь к тому времени, когда ему исполнялось בָּר מִצְוָה В 1742 году, когда Моисею еще не исполнилось тринадцати, раввин Френкель получил назначение главным раввином Берлина и переехал в свою резиденцию в Берлине. С отъездом Френкеля из Дессау учебе мальчика и, как казалось, его надеждам был положен конец, поскольку теперь, когда его учителя не стало, родители снова и более настойчиво убеждали его использовать книги только как занятие на каникулах и сделать торговлю серьезным делом своей жизни. Но это было бесполезно. Мальчик стремился стать ученым. День за днем, и часто далеко за полночь, он проводил со своими любимыми книгами, забывая в их обществе обо всех болях или голоде и не желая никаких других интересов или развлечений. Его любимый Том был Маймонида נְבוֹנִים מוֹרֶה, путеводитель растерянных,⁶⁰, которые он терпеливо распутывал, а читать и перечитывать, пока что-нибудь духа большие и либерально настроенный автор, казалось, вошла в нежную деформированного тела больного маленького ученика. Много лет спустя он часто со смехом называл свой горб наследием Маймонида. 'Маймонид, - говорил он, - в юности испортил мою фигуру и испортил пищеварение; но все же, ' добавлял он более серьезно, ' я души в нем не чаю; потому что, если эти долгие часы, проведенные с ним вместо игр, ослабили мое тело, они в то же время придали сил моей душе. Маймонид, возможно, и уменьшил мой рост, но он развил мой ум.' И вот, в тесной комнатухе, он сидел, читал и думал, пока его бледные щеки не начинали гореть, а все тело не наполнялось мечтами и страстными желаниями— он тоже будет жить, чтобы стать Проводником для Сбитых с Толку людей из своего народа.

2. Едет в Берлин. — Когда Френкель выезжал из Дессау, он увидел своего юного ученика, стоящего на небольшом холме сразу за городом и наблюдающего со слезами на глазах, чтобы увидеть его в последний раз. Добросердечный учитель подхватил малыша на руки, еще раз попрощался и успокоил его надеждой на новую встречу в Берлине. Мальчик решил воплотить эту надежду в реальность, и бедные родители, когда увидели, насколько серьезным было желание их ребенка, в конце концов перестали этому противиться. Они благословили его и положили все, что могли — это было совсем немного, — в его карман, и примерно через шесть месяцев после отъезда Френкеля из Дессау Мозес Мендельсон с очень тонким кошельком на сгорбленных плечах отправился в Берлин.

3. Как ему там живется.—В те дни железных дорог не было, а если бы и были, у Мозеса Мендельсона не было денег даже на проезд третьим классом. Он прошел пешком много утомительных миль, лежавших между Дессау и Берлином, и это был очень усталый маленький мальчик с больными ногами, который в конце пятого дня пути предстал перед еврейскими воротами города для пропуска. Привратник у ворот, привыкший к потрепанным фигурам, с сомнением посмотрел на бедного, запыленного, мальчика-калеку, и только когда Мендельсон сказал, что знает раввина Франкеля и хочет его видеть, мужчина пропустил его. И когда Франкель увидел маленького студента без гроша в кармане, которого он вдохновил такой трудной преданностью, добросердечный ученый тоже был тронут и озадачен, но он быстро решил, что, насколько это в его силах, путь познания в гору должен быть ровным для этих решительных маленьких ножек. Между тем вопрос о хлебе с маслом стоял очень остро. Мозес с энтузиазмом и достаточно искренне объяснил, что ему ничего не нужно, кроме хлеба и воды и соломенного тюфяка для сна, и хозяин немного сухо ответил, что даже такой маленькой роскоши, как эта, нельзя иметь в течение длительного времени из трех серебряных грошей, примерно равных девяти пенсам наших денег, которые остались на дне его кошелька. Однако трудность была решена, как это обычно бывает, когда мальчики настроены совершенно серьезно и преследуют хорошую цель. Франкель договорился угощать его обедом по субботам и праздникам, и добросердечный джентльмен-еврей по имени Бамбергер пообещал готовить два раза в день и разрешать мальчику спать на чердаке в своем доме. Таким образом, было предусмотрено три ужина в неделю, а в оставшиеся четыре дня, благодаря экономии и воображению, он обеспечил себя целой серией сытных блюд. Он немного зарабатывал, выполняя переписывающую работу, затем покупал большую буханку и сразу нарезал хлеб на кусочки, столько или, вернее, так мало, на каждый обед и каждый завтрак, чтобы предотвратить возможность того, что его аппетит и средства его удовлетворения превысят его кошелек. Это часто приводило к близкому соперничеству. Однако бедность и плохое питание, к счастью, не были для него чем-то новым. И все же бедность, с которой он столкнулся в полном одиночестве в большом городе, полном незнакомцев, была более тяжелой вещью, чем бедность, как позволила ему почувствовать его добрая любящая мать. Но он встретил это смело и безропотно и, что лучше всего, с неизменным добродушием. Он никогда не принимал доброту как должное и не думал, что его таланты дают ему право требовать пошлины со своих более богатых собратьев. 'Из-за того, что я хочу напиться из колодца, - говорил он в своей прелестной поэтической манере, - должен ли я ожидать, что каждый поспешит наполнить мою чашу из своего кувшина? Нет, я должен сам набрать воды, иначе меня замучит жажда. И таким образом он сохранил свое самоуважение, и те, кто имел огромное удовольствие помогать ему, получили от веселого, благодарного использования мальчиком своих возможностей ровно столько пользы, сколько они приносили.

4. Начальное время.—Он очень усердно работал, и первое, что он поставил перед собой, чтобы тщательно изучить, был немецкий язык. Германия показала себя всего лишь суровой мачехой своим приемным еврейским детям; но он мудро рассудил, что, если дети перестанут хныкать на раздражающем и наполовину понятном диалекте, если они будут умолять или даже при случае браниться в ответ на том же хорошем гортанном немецком, которым пользовались их соседи, у них будет больше шансов заслужить уважительное отношение к себе. Это едва ли было

безопасной отраслью образования, поскольку бедные угнетенные евреи того периода так боялись любого посягательства на их иудаизм, что не только изучение Закона было их любимым занятием, но и на любое другое смотрели с завистливым страхом, а в некоторых случаях даже запрещали властями. Но у Моисея Мендельсона не было никакой эгоистичной цели в его всепоглощающем стремлении к знаниям. Он хотел быть хорошим евреем и хорошим гражданином Германии одновременно и показать своему народу, как это можно сделать. Первой его писательской работой был перевод отрывков из Библии и молитв на хороший немецкий. Он мог бы делать переводы, которые нашли бы широкую продажу среди ученых, но он предпочел выполнять неоплачиваемую работу, которая в лучшем случае нашла бы лишь очень ограниченный рынок сбыта, чтобы его люди могли познакомиться с языком страны, в которой они жили, по единственным книгам, которые они могли изучать. Он никогда не упускал из виду единственную цель своей жизни — быть проводником для сбившихся с толку, помогать людям выйти из тьмы к свету. *Есть королевская дорога к знаниям, и они - короли, которые идут по ней бескорыстно, желая служить нуждам своих собратьев.* Некоторые из таких королей несут бремя, а некоторые несут светильники, и большинство из них остаются неузнанными, когда тащатся вперед, но, тем не менее, этот путь к познанию всегда *королевский*. Моисей Мендельсон, каким бы бедным и изуродованным он ни был, окруженный предрассудками, находил книги для чтения и учителей, которые обучали его, и к тому времени, когда ему исполнился двадцать один год, был не только хорошим знатоком иврита, что было само собой разумеющимся для уважающего себя еврея в те дни, но и превосходным математиком и классиком, с точным и грамматическим знанием языка и литературы своей родной страны и сносным владением французским и английским языками.

5. Сбор урожая. Некоторое время он давал уроки в семье некоего мистера Бернхардта, видного прихожанина берлинской синагоги, и в 1750 году этот джентльмен предложил образованному молодому человеку стать постоянным наставником его детей. Этот мистер Бернар был добрым человеком, а также богатым и культурным, и в качестве наставника в его доме Мендельсон находил как приятное занятие, так и желанный досуг. Днем он был учителем, ночью - учеником, а в неполные полчаса - писателем. По истечении трех или четырех лет этой работы мистер Бернхардт предложил Мендельсону должность бухгалтера на своей шелковой фабрике с некоторым особым вознаграждением и обязанностями, связанными с этой должностью. Это было великолепное начало, и Мендельсон с радостью и благодарностью принял его. Это дало ему досуг и независимость, а со временем и богатство, поскольку с годами он стал управляющим и, наконец, партнером в доме. Он не превратился в простого делового человека, но деньги давали ему возможность потакать своему пристрастию к книгам, наслаждаться обществом умных и культурных людей, а также посылать множество приятных подарков старому дому в Дессау.

6. Натан дер Вайзе. — Вкусы Мендельсона очень рано втянули его во внешний литературный круг Берлина, штаб-квартира которого в то время представляла собой нечто вроде клуба, где собирались для игры в шахматы, обсуждения политики и философии. Его хорошие манеры вскоре преодолели все застарелые социальные предрассудки, и он уже был довольно популярным членом клуба, когда поэт Лессинг, приехавший в Берлин в 1754 году, был принят на

этих собраниях в качестве почетного гостя. Очень скоро между автором, чья репутация уже была высока, и молодым студентом-евреем, испытывающим трудности. Близость переросла в дружбу на всю жизнь. Лессинг был на пути к тому, чтобы стать великим писателем, а Мендельсон был первым евреем, которого он когда-либо знал. Немецкий писатель и немецкий еврей очень скоро стали настоящими друзьями, и мало-помалу Лессинг написал пьесу, которая сейчас является самым знаменитым из его произведений. Он называется 'Натан Мудрый'. Герой, Натан, еврей, а Мендельсон был для Лессинга образцом Натана. 'Позвольте мне сочинять национальные баллады, и мне все равно, кто устанавливает их законы', - сказал однажды пронзительный государственный деятель. Баллады, пьесы и литература страны, несомненно, оказывают огромное влияние на мысли и действия ее народа. Еврей типа Натана дер Вайзе был совершенно новым опытом для немцев, а о "божественных уроках", [61](#) которым учит драма, их философия до сих пор и не мечтала. Они, конечно, надели очки, чтобы прокомментировать и раскритиковать текст, но мало-помалу снова сняли их, чтобы изучить его в оригинале. Лессинг нарисовал своего еврея с натуры, и вокруг них было множество таких до сих пор забытых и неправильно понятых моделей. Другие Лессинги среди христиан начали искать и нашли других Мендельсонов среди евреев.

7. Литературные успехи.— И вскоре Мендельсон стал знаменитым. Он много писал, и Лессинг был крестным отцом его первой книги; а затем они вместе выпустили небольшую работу под названием 'Поуп как метафизик'. Год или два спустя Мендельсон получил премию, которую Берлинская академия предложила за лучшее эссе по проблеме 'Поддается ли метафизика математическому доказательству?'. Кант, великий немецкий философ, был одним из соперников, от которых Мендельсон дистанцировался в этом соревновании. Вместе с Лессингом и одним или двумя другими друзьями он в течение нескольких лет выпускал сериал под названием 'Literatur-Briefe', своего рода обзор литературы, науки и искусства. Однако работы, по которым он наиболее известен, - это его 'Иерусалим' и 'Федон'. 'Иерусалим', опубликованный в 1783 году, представляет собой своего рода всеобъемлющий обзор иудаизма в его религиозном и национальном аспектах. 'Федон', опубликованный в 1767 году, представляет собой красноречивое изложение всего, к чему призывают религия, разум и опыт в поддержку нашей веры в бессмертие души. Менее чем за два года 'Федон' выдержал три издания и был быстро переведен на английский, французский, голландский, итальянский, датский и иврит. Он перефразировал все Пятикнижие на чистый немецкий язык и сделал метрический перевод Псалмов. Он также перевел на немецкий знаменитую книгу Манассии бен Израэля "Оправдание иудеев" и опубликовал ее с очень красноречивым предисловием в 1782 году. Другим литературным предприятием, которое привлекло к нему больше внимания, чем ему хотелось бы, была переписка со слишком ревностным швейцарским священником по имени Лафатер, который, стремясь к обращению, стремился вовлечь Мендельсона в публичную религиозную дискуссию об относительных достоинствах иудаизма и христианства. Мендельсон ненавидел полемику и, более того, был искренне убежден, что она никогда не выдвигает никаких аргументов, и уж тем более религиозных. "Именно характером, а не противоречиями, - как он писал, - евреи могут посрамить плохое мнение, которое может сложиться о них". Тем не менее, когда ему был навязан выбор между тем, чтобы встать под его знамена или прокрасться за ними, мы можем быть уверены, что он не искал убежища в каком-либо удобном компромиссе. Подобно тем троем, которые не были "осторожны" [62](#) со своим ответом, даже под

страхом огненной печи, он тоже свидетельствовал правду и не испытывал страха. Переписка завершилась искренними извинениями от Лафатера и добавлением уважения к Мендельсону.

8. Его семейная жизнь.—В возрасте тридцати трех лет он женился. Мы мало что знаем о его жене, кроме того факта, что она была молодой и голубоглазой. Первые несколько лет брака были очень счастливыми годами, проведенными в маленьком домике на окраине Берлина, поскольку к этому времени друзья Мендельсона добились для него привилегии, не в то время и не надолго позже, обычно предоставляемой евреям, жить в любой части города, которая ему нравилась. Это был скромный маленький домик с садом. Украшения, возможно, были несколько непропорциональны по размеру и количеству остальному окружению, но вряд ли в этом была вина молодоженов, поскольку одной из меньших неприятностей, налагавшихся на евреев того времени, была обязанность каждого еврейского жениха покупать большое количество фарфора на благо королевской мануфактуры. Это был, конечно, своего рода дополнительный налог, законно взимаемый с евреев, но самым досадным в нем было то, что никогда не учитывались ни вкусы покупателя, ни его потребности. Он должен был купить именно то, что мануфактура хотела продать. В данном случае на долю Мендельсона выпали двадцать фарфоровых обезьян в натуральную величину. Но, несмотря на уродливые украшения, Мендельсон и его жена были очень счастливы. Возможно, они были более счастливыми как муж и жена, чем, когда их дети выросли, как отец и мать. В те дни отцовство было очень трудной задачей. Это никогда не бывает совсем легко, но столетие назад, когда евреи не могли ходить по улицам, не подвергаясь оскорблениям, когда все ворота, кроме ворот евреев, были закрыты для них, было ужасно трудно воспитать детей хорошими евреями и добропорядочными гражданами одновременно. Мендельсон не совсем преуспел со своими детьми. 'Кого лучше всего учить?' - говорит Талмуд; и он отвечает: "Того, кто научился первым у своей матери". Умных мальчиков и девочек Мендельсона, похоже, никогда не учили этому, и это может частично объяснить ошибки, которые они совершили, когда выросли. Они стали нетерпеливо относиться к препятствиям и оскорблениям, которые встречались на пути евреев, и когда пришла их очередь жениться и растить детей, они решили избавить их от подобных унижительных переживаний, воспитав их как христиан. Феликс Мендельсон Бартольди, великий музыкант, был внуком Моисея Мендельсона, но он не был евреем.

9. Последние годы.—В 1780 году Лессинг умер, и таким образом распалась почти тридцатилетняя дружба. Для Мендельсона потеря его друга была ужасным ударом, но для всего мира дело той памятной дружбы было завершено. Это улучшило положение евреев по всей Европе, поскольку сделало еврея известным христианину, а христианина - еврею. Герой пьесы Лессинга "Натан Мудрый" за эти тридцать лет стал известной личностью, и о нем, Моисее Мендельсоне, а не о неуклюжем разносчике, мимо которого они презрительно проходили на улице, культурные люди теперь говорили как о "еврее". Отдельный еврей, с которым им довелось столкнуться, обычно воспринимается посторонними как представитель своей расы, и, таким образом, работа, которую Мендельсон проделал, будучи ученым, воспитанным и прямолинейным, была, возможно, даже более ценной для них. его люди больше, чем его литературные заслуги. Сам Мендельсон был интерпретацией иудаизма для христиан в том же истинном смысле, в каком его перевод Пятикнижия и Псалмов был откровением о стране,

которую они приняли для евреев. Его смелые и разумные усилия в изучении светских предметов, а также в разговоре и письме на чистом немецком языке многое сделали для устранения сбивающего с толку, сужающего влияние отдельного жаргона среди его народа, но, конечно, не в меньшей степени его верный, прекрасный характер заставил замолчать это шумное национальное выражение предрассудков, которое даже по сей день унижает немецкий язык, превращая его в диалект среди языков цивилизации. Любовь Лессинга к своему другу-еврею и выражение этой любви в его драме расчистили путь и ускорили работу, которую Мендельсон в детстве мечтал завершить. Работа была закончена, когда Лессинг умер; и остаток пути, который ему, оставшемуся, предстояло пройти в одиночестве, был, к счастью, недолгим. "Тратьте на все остальное", - говорит американский поэт, [63-летний](#)

- Но из старых друзей будь самым скупым.

Каждый год к старинной дружбе добавляется кольцо,

Как дуб; и дорожит все больше и больше,

Не заслуживая нашей помощи,

Они растут....

Хорошо бы установить их пораньше, ради нашей веры

С возрастом мы сохнем, а после того, как появляются морщины,

Немногие сажают, но поливают мертвые напрасными слезами".

Для Мендельсона эта поэтическая истина была совершенно очевидна. Он был щедр в интимных отношениях, но 'скуп' в дружбе, и теперь, в пятьдесят лет, он был банкротом. Тем не менее, как и подобало его непоколебимой еврейской натуре, он не позволил своей острой скорби по старому товарищу выразиться в эгоистичном бездействии. Вскоре Мендельсону представилась возможность встать на защиту своего друга. Германии, как однажды довольно горько заметил ее величайший поэт [64](#), "нужно время, чтобы быть благодарной". Через год или два после смерти Лессинга праздновать годовщину его гения было слишком рано, и некоторые из его соотечественников вместо этого подняли агитацию против его памяти. В статьях "много" и "горько" покойного поэта обвиняли в беспринципности и религиозности, а также в великом множестве других дурных качеств, которые были обобщены как "скрытый спинозизм". Это была прекрасная фраза, с помощью которой можно было прикрыть невежественное и ревнивое оскорбление. Мендельсон с горем и негодованием сорвал маску и в блестящем памфлете, полном в равной степени пафоса и остроумия, очистил репутацию и защитил характер своего покойного друга. Это было его последнее литературное произведение. Это был памятник как ему, так и Лессингу. Он отнес рукопись своему издателю в один из последних дней 1785 года, а в первую неделю нового 1786 года, когда ему было всего пятьдесят шесть лет, тихо и безболезненно скончался.

ГЛАВА XXXVIII.

СЛЕДУЮЩИЕ СТО ЛЕТ.

(1780-1880 гг.)

1. Свет и тени.—Влияние Мендельсона не угасло с его смертью. Он пробудил совесть христиан, он пробудил сознание евреев. Все уже никогда не могло быть так, как было раньше. Но в этом различии была опасность, как и во всех внезапных и резких переменах чувств, даже когда перемены хороши и правильны. Культурные евреи быстро вошли в моду в литературных кругах Берлина, и приемные дочери Мендельсона, Генриетты Герц, очаровательной жены доктора Маркуса Герца, и нескольких других приятных, интеллигентных еврейских женщин были переполнены ведущими мужчинами того времени. Христиане, казалось, находили некий восхитительный привкус, выходящий за рамки очарования, присущего всем культурным отношениям, в этом новом вкусе того, что так долго было запретным плодом. И почти так же быстро амбициозные евреи и еврейки стали немного опьянены своим успехом. Многие ограничения, как социальные, так и политические, все еще действовали против расы, и эти люди, которых так хорошо принимали среди христиан, думали, что их любят и ими восхищаются, несмотря на их иудаизм, тогда как они были обязаны ему теми самыми качествами, которые снискали им такое лестное признание. Один за другим, сначала медленно и застенчиво, они отказались от еврейских обрядов; затем, более смело, они отказались от еврейских знакомств; и, наконец, и это вполне логично, они вообще отказались от своего иудаизма. Это было всегда и в каждом случае, от начала до конца, жертвой эгоизма и своекорыстия. И, возможно, первый гордый шаг "сокрытия себя от собственной плоти" в модных одеяниях высшей культуры был таким же порочным, как и тот последний, совершенно отдельный шаг, который многие сделали в крещении. Дочери Мендельсона были крещены, как и его внуки; так было с поэтом Гейне в 1825 году и патриотом Берне в 1818 году, и так было с множеством второстепенных людей в первые сорок лет, последовавших сразу за смертью Мендельсона. Эти 'обращения' были глубокими тенями, отбрасываемыми светом, который Мендельсон с любовью и преданностью впускал в свой народ. И все же, тем не менее, свет был "хорошим", и со временем он утратил свое ослепляющее качество. Если поставить призму на пути солнечного луча, мы увидим самые красивые цвета, но эксперимент требует аккуратного проведения. Если призма будет неправильной формы и установлена под правильным углом, то вместо добавления цветов мы получим затемнение нашего луча света. Некоторым евреям Германии удалось с помощью своих толкающих, самонастраивающихся призм нейтрализовать воздействие лучей света Мендельсона. Когда он сам встал призмой в лучах, в результате мы получили Натана дер Вайзе.

2. Леопольд Цунц.— Через восемь лет после смерти Мендельсона в лице Леопольда Цунца в Германии родился еще один хороший, стойкий еврей и великий ученый. Мендельсон многое сделал для освобождения своего народа от пут, как внешних, так и внутренних; от внешних оков предрассудков и угнетения и от внутренней ржавчины невежества и суеверий. Цунц продолжил эту работу, и, возможно, более безопасно, потому что в более чисто историческом духе. Его целью было созидать, а не низвергать или отбрасывать в сторону, и создать идеал для будущего

Израиля из фактического прошлого Израиля. Его познания в национальной литературе были широкими и глубокими, а память столь же замечательной, как и ученость. Он начал писать с очень раннего возраста, а его знаменитая монография о Раши⁶⁵ была опубликована еще до того, как ему исполнилось тридцать лет. Его наиболее ценной работой был исторический обзор еврейской этики,⁶⁶ в котором дается полный отчет о развитии духовной жизни Израиля с библейских дней до настоящего времени. Эта книга, на написание которой ушло девять лет, отражает мысли и чувства нации "свидетелей", собирающих и представляющих свои свидетельства на протяжении более чем тысячи лет. Зунц также написал стандартные работы по еврейской литературе под названиями "Вклад в историю и литературу"⁶⁷ (1845), 'Синагогальная поэзия средневековья' (1855), 'Обряды синагогальной службы' (1859) и 'История литературы синагогальной поэзии' (1865). В этих произведениях мы находим историю скорбей еврейской расы и восхитительный рассказ о поэтах и поэзии евреев средневековья. Ум Цунца был точен и полон фактов, как словарь, и в то же время очарователен и полон фантазий, как стихотворение. Он дожил до этого года (1886) и до самого последнего сохранял свои способности и пополнял круг своих друзей. На протяжении всей своей долгой жизни Зунц был верен своей нации, своей религии и своей национальной литературе. Его обширные познания в иудаизме сделали его его восторженным поклонником, и, возможно, не лишним было бы напомнить об этом факте менее известным ученым, которые являются большими критиками. Цунц был образованным человеком, а также теологом и талмудистом. Он получил университетское образование и был одним из первых евреев в Германии, которым разрешили его получить. И его отношение к героям прошлого, над странностями которых так дерзко легко улыбаться, было неизменно благоговейным. Зунц чувствовал —

- Если бы эти не ушли

Их фарлонг, можем ли мы надеяться пройти свою милю?"

3. Ход событий и законодательства в Германии. Частая небрежность в соблюдении религиозных обрядов и случайные обращения в другую веру среди евреев высшего класса имели естественное реакционное последствие среди низшего класса. Они стали более жесткими и даже отталкивающими ортодоксами. К соблазнам культурного общества, которые едва ли их одолевали, они относились с лютой ненавистью и презрением и цеплялись за свои собственные отличительные обычаи, манеру одеваться и говорить с пылом гнева, а также религии. Таким образом, случилось так, что основная масса евреев в Германии продолжала составлять почти такое же малочисленное число граждан Германии, как и прежде, и социальные предрассудки против евреев оставались на прежнем высоком уровне, пока чудесная серия завоеваний Наполеона в начале девятнадцатого века не изменила ситуацию. В Вестфалии, которая тогда была создана как королевство с королем Жеромом Бонапартом, и во всех рейнских провинциях, которые были присоединены к Франции, либеральный *Кодекс Наполеона* заменил тот другой писанный и неписанный кодекс, в соответствии с которым евреи были париями, подлежащими необоснованному осуждению и не подлежащими обжалованию. То ли из династических соображений, то ли по соображениям совести, корсиканский завоеватель подтвердил доктрину полной и свободной эмансипации, которую ввела Революция. Все подданные Французской империи по закону должны были рассматриваться просто как французские граждане, и отныне никого не касалось, исповедуют ли такие

подданные иудейскую религию, христианскую или вообще никакой религии. Унизительный *лейбцолл*, или подушный налог, который в России был отменен с 1790 года, теперь был окончательно и бесповоротно отменен, и, наравне с христианами, должности в армии и во всех гражданских ведомствах государства были открыты для евреев. Им по-прежнему было отказано только в должностях непосредственно при правительстве.

Однако это более счастливое положение вещей длилось всего лишь несколько лет. С падением Наполеона в 1814 году этому пришел конец, и в ходе последующей немецкой реакции против французского превосходства евреям Германии пришлось хуже, чем когда-либо. Знаменитый Венский мирный договор (1815) закрепил за евреями только те права, которыми они обладали до французской оккупации. Все эти 'права', как мы знаем, были нарушены, и различные штаты поспешили подтвердить и даже дополнить их. Франкфурт возглавлял фургон. Она снова заперла их на *Юденгассе* и изобретательно ввела некоторые дополнительные ограничения, ограничив, среди прочего, количество разрешаемых ежегодно браков. Другие государства праздновали свое освобождение от французского владычества в столь же либеральном и благодарном духе, оставляя за своими единоверцами не только все государственные должности, армию, юриспруденцию и университеты, но и запрещая евреям даже использование христианских имен. А затем, от законотворчества, немецкие *ученые* перешли к сочинению маленьких заумных брошюр против евреев; и, как и подобает нации, становящейся философами, они преследовали их педантично, а не религиозно. В результате получилось почти то же самое. В 1819 году эти нападения профессиональных загонщиков привели к серьезным беспорядкам в Гейдельберге, Франкфурте и других городах, во всех из которых евреи подвергались разграблению под вновь возродившиеся крики "*Геп, геп*".

Положение не улучшилось за те тридцать лет, что граф Меттерних был министром в Австрии. Но в 1848 году вихрь Революции принес евреям дыхание свободы, и большинство немецких государств, в знак уважения к новой сильной тенденции общественного мнения, наконец приняли своих евреев в ранг граждан. В 1850 году Фридрих Вильгельм IV, король Пруссии, брат нынешнего императора Германии, несмотря на противодействие своих министров, устранил все муниципальные и административные ограничения со своих еврейских подданных, и новая объединенная Германская империя, которая была создана в 1866 году и консолидирована в результате войны 1870 года, не сохранила в своей конституции никаких следов какого-либо отдельного и ограничительного законодательства, касающегося евреев. Однако социальные предрассудки живучи и часто переживают юридическую инвалидность. Нации, как и отдельные люди, имеют предрасположенность к некоторым особым недугам, и один старый писатель говорит, что Германия периодически подвержена чуме иудофобии. Некоторую окраску этой теории придает тупое упорство в преследовании, которое эта страна всегда проявляла по отношению к расе. Это вспыхнуло еще раз в 1875 году, в виде своего рода яростного потока антисемитских эссе, литературы, в которой лихорадка проявлялась в очень выраженной форме и которая, к сожалению, лечилась гомеопатически, таким же обильным потоком ответов. Это *Юденхетце*, однако, постепенно вымерло, и, по просвещенным взглядам их наследного принца и принцессы, евреи Германии с уверенностью ожидают, что им со временем будет предоставлено "честное поле и никаких поблажек".

4. Ход событий и законодательство во Франции (1780-1880).— В то время, когда усилия Мозеса Мендельсона приводили к реформе чувств и поведения среди евреев Германии и по отношению к ним, евреи Франции думали, что его влияние может быть оказано на их правителей. Соответственно, евреи Эльзаса, которых на тот момент насчитывалось около 20 000 человек и которые были самой многочисленной из различных французских общин, направили Мендельсону обращение, в котором изложили свои ошибки и надежды. В ответ на это обращение образованным и просвещенным христианским ученым по имени Дом были написаны очень известные мемуары в поддержку претензий евреев на справедливое обращение. Дом был одним из влиятельных друзей Мендельсона и хорошо относился ко всем евреям ради Мендельсона. Когда евреи Эльзаса умоляли Мендельсона вступить за них, он мудро рассудил, что христианский защитник может привлечь больше слушателей, чем еврейский; и поэтому, по просьбе своего друга, Дом написал и опубликовал в 1781 году книгу о политической реформе евреев, работа которой внесла большой, хотя и косвенный вклад в наступление лучших времен. Еще одного друга французские евреи нашли в графе Мирабо, который, прежде чем стать влиятельным лицом в волнующих событиях, которыми завершился восемнадцатый век во Франции, был, вместе с Домом и другими примечательными людьми, частым посетителем салонов Генриетты Герц и дочерей Мендельсона в Берлине. Аббат Грегуар был еще одним персонажем, который, имея возможность близко общаться с евреями, использовал эти знания в своих интересах. И Мирабо, и Грегуар часто и серьезно писали и выступали на тему еврейской эмансипации, которая быстро становилась одним из актуальных вопросов современности. Вопрос о том, следует ли признать за французскими евреями права французских граждан, снова и снова обсуждался во Французской ассамблее. Против этого было приведено много невежественных аргументов. Один оратор настаивал на том, что евреи не могут служить государству; что они не могут быть солдатами, поскольку их законы запрещают им сражаться в субботу; ни ремесленниками, добавил другой оратор, ни земледельцами, поскольку у них слишком много праздников для непрерывной работы. Такие ораторы, должно быть, совсем забыли о Земле и Книге - об оливковых садах и виноградниках Палестины, о 'границах, усыпанных драгоценными камнями', и о полях сражений, залитых еще более драгоценной кровью. Дискуссия продолжалась. Их собственный друг аббат Грегуар навредил их делу, вспомнив кое-что из всего этого прошлого и вступившись за них как за 'народ'. Это взбодрило глупых людей. Может ли 'народ', рассеянный среди других 'народов', быть патриотами? они спросили. И когда на этот вопрос был дан исторический ответ, а еврейская лояльность и законопослушность были приняты как доказанные демонстрацией, тогда возникло новое сомнение в предполагаемых склонностях расы к ростовщичеству. Робеспьер ответил на это. 'Пороки евреев, - сказал он, - порождены унижением, в которое вы их ввергли. Повысьте их состояние, и они быстро поднимутся до него'.

После того, как по этому вопросу было потрачено огромное количество красноречия, Ассамблея 27 сентября 1791 года проголосовала за эмансипацию евреев, и главным образом на том основании, что те, кто боролся против этой меры, фактически боролись с Конституцией, которая провозглашала Свободу, равенство и братство, без оговорок и исключений, для всех подданных Французской республики. Этим голосованием Франция завоевала для себя честь первой среди современных наций предоставить своим еврейским подданным не только терпимость, но и свободу во всем ее социальном, правовом и политическом значении. Завершить работу оставалось Наполеону Бонапарту. Когда этот выдающийся человек стал

императором Франции, он проявил чрезвычайный интерес к истории и положению своих еврейских подданных. Он созвал собрание представительных евреев, состоящее из раввинов, торговцев и литераторов, и, назвав его Синедрионом, он пожелал, чтобы это собрание отчиталось о нынешнем религиозном и политическом статусе их нации и определило их обязанности по отношению к Богу и своей стране. Этот так называемый Синедрион очень хорошо выполнял свою трудную работу. Начав с цитаты из одного из *амораимов*,⁶⁸ о том, что закон государства является обязательным законом для евреев этого государства, Ассамблея доказательно и принципиально показала, что иудаизм обязывает евреев быть во всех смыслах истинными и достойными сынами своей земли. Переходя от заявления к предложению, Ассамблея с большой проницательностью давала советы по многим вопросам, особенно по поводу смешанных браков, практики "ростовщичества" и выбора профессий. Наполеон санкционировал большую часть этого совета авторитетом, и в целом обсуждения этого новоявленного Синедриона в значительной степени помогли продвинуть вперед начавшееся прогрессивное движение. Волна свободы, которая с такой чудовищной силой захлестнула Францию в конце восемнадцатого века, не знала отлива. Многочисленные и разнообразные формы правления, которые сильно изменились и стерлись с 1793 года на прекрасной и непостоянной земле Франции, к их чести, оставили свободу вероисповедания на высоком уровне. Хорошо сказано, что с той даты и по сей день нельзя точно говорить о "евреях Франции", а только о французских гражданах, исповедующих еврейскую религию.⁶⁹ Считается, что раввины еврейской синагоги, начиная с 1830 года, относятся к государству так же, как кюре католической церкви, получая, как и они, жалованье от правительства. Не только в армии и в научных кругах, но и во всех слоях общества евреи Франции в наши дни маршируют плечом к плечу со своими соотечественниками. Война 1870 года, которая сделала Эльзас и Лотарингию немецкими, была большим ударом для лояльных франко-еврейских жителей этих провинций, но потеря Францией эльзасских евреев была компенсирована приобретением примерно 30 000 алжирских евреев; ибо в 1870 году алжирские евреи в целом стали натурализованными французами и зарекомендовали себя превосходными и просвещенными подданными Франции.

5. В Италии.—В Италии папы лично, как правило, были мягки в своем обращении с еврейской расой. На коронации каждого нового папы римские евреи должны были предлагать Святому Отцу свиток Закона, который понтифик брал в руки и, печально замечая: "Ваш Закон хорош, но вы его не понимаете", возвращался к ним, поворачиваясь при этом спиной к депутации. Этот старый обычай, несколько унижительный по своей форме, который можно проследить до двенадцатого века, оставался в силе до наших дней, как бы напоминая евреям, что они считались еретиками; но за этим исключением и при очень редких крещениях, совершаемых силой или хитростью, было мало сделано для того, чтобы донести до них этот факт. В Средние века, как мы видели, папам не было особой нужды грабить евреев во имя религии. У них был весь христианский мир, к которому они могли обращаться за доходами, и когда период оплаты индульгенций и послаблений прошел, период лицензированного грабежа и обращения в свою веру тоже прошел. И многие из более поздних пап были учеными и просвещенными людьми, которые были гуманны как по натуре, так и по привычкам. Падение Наполеона на какое-то время омрачило рассвет более широкой свободы, который прервался вместе с Революцией. И снова, и до 1848 года, евреи в папских владениях были заперты в своих гетто, а в Риме они не были полностью освобождены до 1870 года. Однако с 1848 года их положение по всей Италии неуклонно, хотя и несколько медленно, улучшалось. С 1859 года евреи в Тоскане и Ломбардии

были эмансипированы; с 1861 года - в Неаполе и на Сицилии; с 1866 года - в Венеции; и с 1870 года - в столице. В настоящее время во всех итальянских владениях евреи обладают гражданскими и религиозными правами.

6. В Испании и Португалии.—В 1821 году Португалия снова открыла свои ворота для давно изгнанных евреев. На службе освящения первой вновь открытой синагоги в Лиссабоне было любопытное зрелище. Члены семей, которые всегда считались католическими, поспешили из внутренних районов страны, чтобы принять участие в церемонии. Что могло понадобиться этим католикам в еврейском месте поклонения? подумали власти. Тайна вскоре была объяснена. Незнакомцами оказались мараннос, которые из поколения в поколение на протяжении 300 лет носили маскировку и теперь стремились сбросить ее и снова принять на себя "наследие Иакова". Испания дольше, чем Португалия, придерживалась старой порочной политики, но в 1868 году она тоже отменила указ, не допускавший евреев к ее берегам.

7. В Австрийских владениях.—*Лейбцолль* был упразднен Иосифом II. Австрии в 1783 году. Последовали другие реформы, и медленно, и не без некоторых случайных рецидивов древних варварских обычаев, еврейские жители Австрии, Венгрии и Галиции получили избирательные права. В столице Австрии работа шла медленнее всего, и в Вене до недавнего времени действовало множество унижительных ограничений. Последние юридические ограничения, действовавшие в Австрийской империи, были, однако, отменены в 1867 году, и в Бродах, столице Галиции, евреев стало так много и им стало так уютно, что некоторые из благодарных жителей называют его 'Галицийским Иерусалимом'. Столица Венгрии, Буда-Пеш, может похвастаться превосходным раввинским колледжем, и это современное средоточие еврейского образования может служить доказательством того, что древний еврейский дух, который всегда искал культурного выражения при малейшей возможности для него, так же активен в Европе, как раньше в Вавилоне.

8. В других европейских государствах.—В Нидерландах со дня Французской революции (1793) евреи были юридически эмансипированы. Однако практически они были свободны и пользовались всеми преимуществами эмансипации с того времени, когда португальские беженцы впервые нашли убежище в Голландии. Некоторые из руководителей голландских еврейских общин были не совсем довольны указом, который в конце восемнадцатого века сделал евреев "гражданами", и заменил власть "Махамада" властью "Генеральных штатов".⁷⁰ Эта и другие причины привели к отделению от более консервативных членов общины и к созданию в 1796 году отдельной синагоги в Амстердаме. Евреи Голландии продолжают сохранять свое респектабельное и уважаемое положение.

Бельгия освободила своих евреев в 1830 году, Швеция - в 1848 году, Дания и Греция - в 1849 году. Швейцария отложила свои притязания на место среди просвещенных наций до 1874 года; а Норвегия вплоть до сегодняшнего дня по-прежнему терпимо относится только к евреям, и в этой стране их очень мало.

9. В России и Польше.— Два с половиной миллиона евреев, которые в настоящее время проживают на этих обширных, но полущивилизованных территориях, все еще находятся в неблагоприятных условиях. Невежество и фанатизм местного населения и неразумная политика правящих классов в совокупности делают положение евреев болезненным и ненадежным. За последние сто лет был достигнут незначительный прогресс. Многие из ‘грубых ошибок, худших, чем преступления’ средневековья, по-видимому, вели очаровательную жизнь в России и в русской Польше и были защитой от воспитывающего и гуманизирующего влияния последних дней. Евреи по-прежнему ограничены в своем единственном занятии мелкими ремеслами и отличаются от своих соседей одеждой и общественным обиходом. Действуют бесчисленные юридические ограничения, которые практически лишают русских и польских евреев каких-либо достойных устремлений и обрекают их на поиск бесславных целей грязными средствами. Однако, несмотря на ‘указ’ за ‘указом”, составленные в духе “Средневековья”, евреи по старинке стремятся к свету, и общество содействия образованию, которое с 1870 года было основано в Санкт-Петербурге, во многом помогает им в их усилиях подняться.

10. В Дунайских провинциях.—В начале этого столетия преследования в России вынудили ряд евреев эмигрировать в те государства на Дунае, которые по Берлинскому мирному договору 1878 года, в котором председательствовал лорд Биконсфилд, получили признание независимости от европейских держав. Эмансипация еврейских жителей этих провинций была условием договора, условием, которое поведение беженцев с момента их поселения полностью оправдывало. Еврейские иммигранты быстро размножились, и их интеллект, трудолюбие, трезвость и лояльность преодолели предрассудки и завоевали им друзей. Из этих дунайских государств Сербия, Болгария и Черногория честно соблюдали свою часть соглашения, но Румыния отличилась систематическим пренебрежением к нему — отношение тем более невежественное и неблагодарное, что во время войны за независимость Румынии румынские евреи были одними из самых храбрых и стойких солдат.

11. Взгляните на Остальную часть Карты. — Едва ли можно указать пальцем на какую-либо часть, в которой нет евреев. Когда в 1868 году мсье Джозеф Халеви по просьбе Израильского альянса в течение года путешествовал по Абиссинии, он наткнулся на нескольких чернокожих мужчин, которых он считал потомками еврейских беженцев из Египта. Этот остаток племени известен под названием фалашас, что на абиссинском диалекте означает изгнанники. Мсье Халеви дружески заигрывал с ними, но маленькая черная толпа стояла в стороне от белых людей, молчаливая и подозрительная относительно мотивов, побудивших их искать их. ‘Случайно,’ говорит М. Халеви, который рассказывает эту историю, ‘я упомянул название Иерусалима. Как по волшебству, отношение самых недоверчивых изменилось. “О! вы родом из Иерусалима, благословенного города? Видели ли вы своими глазами гору Сион?” Все сомнения исчезли. Они никогда не уставали задавать эти вопросы, и я должен признаться, ’ продолжает мсье Халеви, - я был глубоко тронут, увидев, как их черные лица просветлели при воспоминании о нашей славной истории’. Путешественники также в отдаленных горных уголках Малой Азии, в древних городах Индостана и в обширной Китайской империи натыкались на различные

небольшие поселения, несущие неоспоримые следы еврейского происхождения и сохраняющие, в большей или меньшей степени, отличительные обряды и обычаи иудаизма.

В новом свете колоний и в Соединенных Штатах многочисленные и процветающие еврейские общины, благодаря тому, что они говорят на европейских языках, конечно, легче распознать как евреев, хотя, особенно в Америке, иудаизм этих рассеянных и переселенных евреев не всегда находится в гораздо лучшем состоянии сохранности, чем среди полудиких сект древней цивилизации. Среди некоторых американских общин иудаизм, по-видимому, иногда является скорее религией чувств и покладистых воспоминаний, чем религией активного и неуклонного соблюдения.

В восточных частях света среди еврейских жителей наблюдаются меньшие изменения. Во всей Османской империи с евреями не обращаются плохо, и они придерживаются старых путей в несколько вялой манере жителей Востока. В Турции, Персии и Афганистане они не очень процветающие и не очень просвещенные, но усилия Альянса Израэлит и Англо-еврейской ассоциации по созданию школ для светского обучения и обучения ремеслам постепенно раскрепощают массы. В Палестине главные еврейские поселения находятся в Иерусалиме, Цфате и Тверии, а в Яффе и Цфате есть небольшие сельскохозяйственные колонии. В Наблусе есть остатки самаритян, которые, как и в старые времена, держатся совершенно особняком от своих сводных братьев-евреев. В Иерусалиме представлены все секты и многие национальности. Ашкеназы, сефарды и караимы, русские и поляки, а также раввины со всех уголков мира приезжают поплакать и помолиться и сложить свои кости среди руин города, который когда-то был радостью всей земли. В эти дни лидеры среди нас мудро пытаются направить этот прекрасный религиозный и исторический энтузиазм в здоровое и полезное русло и внушить этим простым благочестивым душам, что труд - это одна из форм похвалы, и не в последнюю очередь достойная восхищения.

ГЛАВА XXXIX.

ДВА СТОЛЕТИЯ С ЧЕТВЕРТЬЮ В АНГЛИИ. (1660-1885 гг.)

1. Первые пятьдесят лет. —Петиция Манассии бен Израэля о возвращении евреев в Англию не встретила, как мы видели, формально положительного ответа; но, тем не менее, со дня его визита (1656 г.) евреи начали селиться в Англии, и никогда не предпринималось серьезных попыток изгнать их. В 1662 году на Кинг-стрит в Сити была хорошо посещаемая маленькая синагога; а к 1664 году небольшая община достаточно разрослась по численности и значимости, чтобы разработать для себя регулярную конституцию и назначить старосту и казначея для управления законами и фондами общины. Эти законы, или *Ascamoth*,⁷¹ были написаны на испанском языке, и только в 1819 году они были переведены на английский. *Аскамот* урегулировал служение синагоги в духовном и финансовом аспектах, обеспечил сбор необходимых средств и, под страхом *черема*, или отлучения от церкви, продиктовал самые

строгие правила поведения. В собрании был установлен стандарт чести и честности, и было четко и авторитетно объявлено, что любой член, опустившийся ниже этого установленного высокого уровня, в зависимости от того, будет ли его община снова повышена, будет разочарован. 'Ни время, ни деньги' не будут тратиться на защиту таких преступников; они должны ожидать, что закон страны последует своим чередом и будет 'наказан в соответствии с их преступлениями'. *Махамад*, или совет собрания, был наделен почти деспотической властью над ним. Это в равной степени может запретить заключение брака, или вмешаться в сделку по пари, или запретить публикацию книги.⁷² При первом чтении некоторые из *Аскамот* могут показаться произвольными, и на первый взгляд некоторые действия *Махамада* могут показаться тираническими, но следует помнить обстоятельства. Эти первые поселенцы в Англии жили 'среди тревог', их терпели, а не приветствовали, и в их шатком положении было бы неразумно часто апеллировать к законодательству страны в случаях споров или неправомерных действий между ними. У *Махамада* практически не было средств наказания для заблудших членов, кроме морального закона и общественного мнения. Иногда он, конечно, довольно сильно обрушивался на них и налагал отлучение от церкви и денежные штрафы в случаях, которые в наши дни были бы адекватно восприняты аргументацией или даже мягкой политикой оставления в покое. Такие строгие правила, однако, поддерживали высокий, хотя и несколько узковатый, тон в общине, и общая мораль этих первых еврейских жителей не оставляла желать ничего лучшего. Более того, такая внимательность к вещам, которые они не должны были делать, ни в коем случае не позволяла им пренебрегать тем, что они должны были делать; и школы и общество посещения бедных и больных и оказания им помощи были созданы соотечественниками Бен Израэля раньше, чем они пробыли в Англии десять лет.

Реставрация не внесла никаких изменений в положение вновь прибывших. Стюарты, в своей беззаботной манере, относились к евреям легкомысленно, и их придворные, казалось, находили в еврейской синагоге новое и довольно забавное развлечение. В 'Дневнике Пеписа' под датой 14 октября 1663 года есть полный отчет о визите Карла II. и нескольких друзей, во время праздников в Скинии, в маленьком месте поклонения на Кинг-стрит. Светские гости постепенно стали помехой как богослужению, так и приличиям, и в 1665 году к *Аскамоту* пришлось добавить закон, согласно которому, как бы ни были польщены члены конгрегации проявленным к ним интересом, они не должны были проявлять свои чувства внешне во время службы, вставая со своих мест, чтобы поприветствовать посетителей. В 1673 году была предпринята попытка отнять у евреев право на публичное богослужение. Твердо веря в добродушие короля Карла и в его свободу от религиозных предрассудков, община обратилась к нему с петицией по этому поводу, и постановление совета сразу же все исправило. Вполне возможно, что влияние королевы Екатерины имело какое-то отношение к этому удачному результату. В безличных вопросах и по предметам, которые не затрагивали его собственных удовольствий, не исключено, что король был готов удовлетворить желания своей стойкой супруги; и несомненно, что Екатерина наняла и высоко ценила врача-еврея, некоего Антонио де Мендеса, который проявлял интерес к делам своих единоверцев. Яков II. также был дружелюбно настроен по отношению к евреям, и во время его правления были отменены пошлины на иностранцев, которые требовали уплаты определенной суммы каждым 'иностранцем' как за товары, так и за личную собственность. Концессия, однако, вызвала сильное противодействие среди английских торговцев, и Вильгельм III, хотя лично не питал недоброжелательности к евреям и все его воспоминания о Голландии подсказывали ему, насколько разумно обращаться

с ними великодушно, был вынужден уступить давлению, оказанному на него, и вновь ввести этот тяжелый налог на еврейское предпринимательство.

2. Приток немцев и поляков: как воспринято. Относительно Безопасное положение, которого достигли в Англии евреи испанского происхождения из Голландии, за короткое время побудило евреев, оказавшихся в менее счастливом положении, присоединиться к ним. Новые иммигранты, которые в основном были преследуемыми ашкеназами из Германии и Польши, получили самый холодный прием от сефардской общины, и их общение было настолько нежелательным, что к концу семнадцатого века к *аскамату* конгрегации по этому вопросу было добавлено специальное ограничительное законодательство. Было постановлено, что ни один "тедескос" (немец или поляк) не должен голосовать на собраниях или получать религиозные почести; что им не должно быть разрешено вступать в браки с сефардами,⁷³ ни занимать в своей синагоге более высокий пост, чем у бидла. Фактически, в социальном и религиозном плане испанские и португальские евреи 'бойкотировали' своих немецких братьев. Несомненно, ашкеназы принадлежали к совершенно низшему классу, чем эти остальные — менее утонченные, менее культурные и менее обеспеченные, и сефарды, держась таким образом в стороне, вероятно, считали, что они выбирают самый безопасный путь для своей собственной репутации. К этому времени (1702 г.) испанская и португальская конгрегации возвели и освятили прекрасную синагогу в Бевис-Марксе, балку для строительства которой вложила королева Анна.⁷⁴ Община импортировала из Италии выдающегося ученого в качестве главного раввина (דָּוֵד), а их школы и институты получали щедрую поддержку и мудро управлялись. Ашкеназы охотно присоединились бы ко всем этим добрым делам, но, обманутые в своих надеждах на объединение, они более или менее добродушно приняли сложившуюся ситуацию и построили синагоги, основали собственные школы и учреждения. Их численность быстро увеличивалась и постепенно распространилась по Соединенному Королевству, основав небольшие общины в большинстве главных городов. Время сейчас настолько изменило ситуацию, что в наши дни евреи Англии немецкого происхождения соперничают по богатству и культуре, а по численности намного превосходят тех, кто утверждает, что их происхождение происходит из числа сефардов. Смешанные браки между сефардами и ашкеназами - частое и желанное явление, и все старые чувства обособленности исчезли вместе с причинами для них.

3. Новообращенные.— Во всех сообществах есть люди, которым, помимо склонности к работе на передовой, очень нравится эта должность. Им нравится, чтобы их голоса были громко услышаны, их таланты широко известны, их богатство приносило им полную социальную пользу и признание. Для евреев с такими наклонностями условия еврейской жизни на протяжении почти полутора тысяч лет были тяжелыми, и искушение сбросить жестокие, парализующие ограничения и позволить своему свету сиять перед людьми было сильным. Некоторым казалось невозможным устоять перед искушением, и такие мужчины и женщины проходили через врата крещения, чтобы получить открытую выгодную позицию, к которой они стремились. В восемнадцатом и девятнадцатом веках среди евреев Англии было много так называемых обращенных в христианство. Лжесвидетели ради служебного положения были бы, возможно, более точным, хотя и более резким словосочетанием для их описания, поскольку в этих 'обращениях' было очень мало религиозных мотивов или даже намека на них. Те, кто покинул

иудаизм, сделали это из-за своего острого желания добиться социального и политического равенства со своими соотечественниками-христианами. С этой целью они выбрали самый легкий и быстрый путь. Они не стали бы терпеливо работать и ждать, пока их освободят; гораздо проще было пойти в церковь и обвенчаться или "обратиться". И так они покинули свои посты, эти дезертиры, но иудаизм пережил их потерю и, возможно, стал еще сильнее и чище из-за определенного ухода таких слабых и эгоистичных приверженцев. Любопытно отметить, насколько неискренними были эти 'новообращенные'. Типичным примером может служить Сэмпсон Абудьенте, который в 1754 году сменил имя и религию. Сэмпсон Абудьенте был очень богатым человеком, и его особым искушением было обзавестись земельным поместьем, что для еврея в те дни было невозможно. Специальным актом парламента, полученным под влиянием сэра Роберта Уолпола, Сэмпсон Гидеон, покойный Абудьенте, добился своего, и, чтобы это поместье перешло к его детям, он воспитал их всех как христиан. Его сын, носивший титул лорда Эрдли, впоследствии стал членом ирландского пэрства. Сэмпсон Гидеон жил на широкую ногу в Бельведер-Хаусе, Эрит, принимал "знатных людей", порвал все связи со своим народом и умер в 1763 году, судя по всему, добрым христианином *парвеню*. Затем состоялось оглашение завещания. В нем 1000 фунтов стерлингов. осталось в испанской и португальской синагоги, на условиях и с убедительной просьбой, что наследодателем может быть похоронен в מִקְדָּשׁ הַיְיִם в Майл-Энд, и что его имя может быть включено в любви упоминание о наших мертвых, который изготавливается на еврейские синагоги в День искупления и в другие святые дни. Далее было установлено, что с момента своего обращения Сэмпсон Гидеон анонимно продолжал выплачивать все свои взносы как член общины, и, таким образом, не было никаких оснований для отказа в просьбе умершего человека.

Примерно через двадцать лет после этого инцидента процесс обращения был, в примечательном случае, обращен вспять, и лорд Джордж Гордон, представитель выдающегося герцогского дома, стал евреем. На начальном этапе своей карьеры лорд Джордж был восторженным, почти фанатичным приверженцем Государственной религии и спровоцировал, если не фактически возглавил, беспорядки 'Против папства' в 1780 году. Столь же яростно год или два спустя он встал на сторону евреев и доказал силу своих новых взглядов, вступив в завет Авраама. Он стал одним из самых наблюдательных евреев; он изучил язык, соблюдал диетические законы и даже следовал раввинским предписаниям. Обращение, однако, было встречено еврейской общиной без особого приветствия. Искренность новообращенного не подвергалась сомнению, но его вменяемость, возможно, вызвала подозрения. На протяжении всего последующего короткого и бурного опыта, пережитого лордом Джорджем, евреи, как единое целое, сохраняли позицию, которая полностью соответствовала их собственному самоуважению; они действовали так, как если бы считали религиозные взгляды человека делом, которое касается только их самих, и не было предметом для поднятия шума; и они ни на мгновение не допустили бы, чтобы ранг новообращенного как-то повлиял на их разумный взгляд на его действия. Лорд Джордж Гордон умер в 1793 году, и его желание быть похороненным среди евреев не было удовлетворено властями синагоги.

4. Прогресс англо-еврейского законодательства.—В 1723 году через парламент был принят Закон, который разрешал принимать свидетельства евреев во всех судах, не сопровождаемые словами "Об истинной вере христианина". Это было небольшое, но важное начало на пути терпимости, на том пути, который должен был 'медленно расширяться от прецедента к

прецеденту', пока английский закон и английские обычаи не предоставят английским евреям полные права всех видов. Еще один шаг на правильном пути был сделан в 1740 году, когда другой акт парламента предоставил иностранным евреям, которые в течение двух лет служили на британском военном корабле, право стать натурализованными британскими подданными.

Попытка Стюартов в 1745 году вернуть себе трон, который они обесчестили, дала евреям Англии возможность продемонстрировать свою способность к лояльности и патриотизму. Они помогали как солдаты и как финансисты в защите страны и династии. Огромное количество евреев записались в наспех созданное ополчение, в то время как пожилые и более богатые торговцы в основном подписывались, и на далеко не выгодных условиях, на правительственный заем. Другие, опять же, объединились в ассоциацию, которая согласилась принимать в оплату бумагу вместо звонкой монеты до тех пор, пока в стране по-прежнему не хватало денег, и, в частности, два еврея предоставили в распоряжение правительства сосуды, которые они оборудовали за свой счет. Хорошее чувство, вызванное этим готовым патриотизмом со стороны евреев, проявилось в 1753 году в энергичной попытке министерства провести через парламент законопроект, разрешающий евреям, прожившим в Англии три года, стать натурализованными англичанами. Этот вопрос очень горячо обсуждался и привел к большим затратам как литературы, так и красноречия. В Ирландии, у которой на тот момент был собственный парламент, Закон о натурализации, как его называли, дважды принимался Ирландской палатой общин - в марте 1746 года и в декабре 1747 года. Но эта частичная победа оказалась едва ли не хуже поражения, поскольку она привлекла так много внимания и вызвала такое сильное противодействие, и как только законопроект попал в Верхнюю палату, он в обоих случаях был яростно отклонен. Однако в Вестминстере в 1753 году, после борьбы, законопроект о натурализации был принят Палатой лордов и стал законом; но настроения против него были настолько сильны, что уже на следующей сессии (1754) он был отменен 150 голосами против 60. По-видимому, возникло даже нечто вроде реакции на несправедливость, поскольку, когда год или два спустя некий Элиас де Пасс завещал 1200 *фунтов стерлингов* что касается строительства еврейского колледжа, мы находим, что суды того времени постановили, а правительство поддержало их решение, что такое завещание было незаконным, поскольку имело тенденцию увековечивать суеверные обычаи; в конце концов, деньги были изъяты и переданы казначею приюта для подкидышей, которые должны были быть направлены на содержание капеллана для проповеди христианства заключенным.

На некоторое время попытки английских евреев получить общие права гражданства были заброшены, и их энергия неуклонно ограничивалась исправлением одного конкретного проступка. Закон Англии о браке, который считал законным любой брак, если он не был заключен христианским священником, очень сильно давил на евреев. Это создавало трудности не только на пути к счастью, но и к собственности, и делало и то, и другое ненадежным. Однако потребовались годы, терпение и настойчивость, чтобы уладить это, казалось бы, простое дело, и только во время правления Вильгельма IV (1830) был принят Закон, который сделал должным образом заключенные еврейские браки во всех отношениях равными, в глазах закона, с должным образом заключенными христианскими.

5. Общественный прогресс.— Между тем, благодаря браку, или обращению, или простой отчужденности и безразличию, некоторые из наиболее слабых и эгоистичных членов общины

время от времени ускользали из-под многих тягот, которые налагал на них иудаизм. Храброе большинство немедленно взяло на себя забытые обязанности этих случайных дезертиров и выполняло двойную часть общественной работы и общественной благотворительности. Их синагоги и их учреждения предоставляли им единственную возможность отличиться. Возможно, благородное стремление быть 'известным у ворот' сочеталось с религиозным рвением добиться того, чтобы должность в синагоге пользовалась большим спросом. Были, во всяком случае, хороших людей много, которые, в отличие от Самсон Гидеон, были довольны, чтобы использовать свои мозги и свои богатства, не являясь краеугольным камнем для себя, но и в качестве каркаса для сообщества—мужчин, которые проводили в каждодневных действиях, из их жизни слова *לֵבְנוּ יִי לְנוּ לֹא כִי לְשִׁמָּה לֹא כִי לְנוּ*. И как Сэмсон Гидеон служил примером первого рода, так и Бенджамин Мендес да Коста, человек, который жил так, как подобало его богатству, и все же тратил 3000 фунтов в год на "бедных всех вероисповеданий", и который был широко известен как 'истинно хороший еврей', может быть взят в качестве примера другого. Да Коста умер в 1764 году. Тем временем синагоги, школы и учреждения, как сефардов, так и ашкеназов, продолжали процветать, и время от времени основывались новые. Нынешний португальский совет депутатов, учрежденный для защиты еврейских интересов в целом, провел свое первое заседание и представил свой первый адрес, в котором поздравлял Георга III с его вступлением на престол в конце 1760 года. В ходе этого процесса немецкие общины объединились, и с этого момента две части евреев Англии, сефарды и ашкенази, постоянно сближались друг с другом во всех добрых чувствах и во всех добрых делах. Узы братства между европейскими евреями были еще более укреплены и расширены благодаря активной переписке, которая поддерживалась между евреями Лондона и более старыми авторитетными комитетами на Континенте, и это общение было полезно не только для религиозных, но и для коммерческих интересов различных конгрегаций.

Когда восемнадцатый век подходил к концу, отголоски грома Французской революции (1789 г.) донеслись до берегов Англии, и жалобный, страстный призыв к свободе, равенству и братству, который, в конце концов, был всего лишь невнятной версией 'Возлюби ближнего своего, как самого себя', казалось, витал в воздухе; но все же, и еще долгое время, только в воздухе. Совесть людей была взбуждена, но все же в течение многих последующих лет к евреям Англии относились не как к соседям, а как к 'чужакам'. Написано, что 'хорошо, что человек должен одновременно надеяться и спокойно ожидать спасения от Господа'. Долгие надежды без суеты, долгое ожидание без гнева тех дней были хороши для английских евреев; и их спокойная стойкость, не в меньшей степени, чем их активная работа, внесли свою лепту в создание счастливого положения вещей, которое, хотя и так медленно, приближалось к ним.

6. Девятнадцатый век. Шли годы, и девятнадцатый век открылся для многочисленной общины евреев в Англии, которые преданно выполняли все обязанности англичан, и которым по-прежнему было отказано в большинстве привилегий и многих правах английских подданных. Когда в 1804 году родился Бенджамин д'Израэли, торговля была скована ограничениями, профессии были ограниченными, университетское образование было запрещено, а любая муниципальная или государственная служба для евреев была невозможна. Предрассудки, безусловно, угасали, и это было связано, в некоторых отношениях, с поведением евреев, а в некоторых отношениях, следует с благодарностью признать, с усилиями христиан. Романисты и драматурги часто могут проповедовать более широкой аудитории, чем священники, и некий

Ричард Камберленд в 1794 году с помощью добротной задуманной и хорошо написанной пьесы под названием 'Еврей' сделал все, что мог, чтобы евреев лучше знали и ценили. Его пьеса стала модной, и таким образом Ричард Камберленд, получив ученую степень, помог, как и Лессинг, в хорошей работе. Но работа выполнялась ужасно медленно, и умные евреи и честлюбивые евреи часто теряли терпение, и время от времени стойкие и наблюдательные евреи становились неразумными в своем рвении. Те, кто был у власти, так ясно видели соблазны отступничества, что сама их острота видения представляла опасность. Они ехали слишком прямо и слишком крепко держали поводья для тех, кто колебался на дороге. 'За нас или за наших врагов?' казалось, синагога спрашивала. Он не шел ни на какие компромиссы. 'Принадлежи нам полностью или оставь нас совсем' - таков был его способ встретиться с нерешительными приверженцами. Это была позиция, которая допускала защиту и даже вызывала восхищение, но, тем не менее, именно из-за нее многие члены общества были потеряны, в том числе семья Д'Израэли. Будущему лорду Биконсфилду было девять лет, когда (в 1812 году) его отец, Исаак д'Израэли, в то время ведущий жизнь ученого отшельника, был оштрафован на *40 фунтов стерлингов* за отказ принять должность старосты в испано-португальской синагоге. Последовала большая переписка, Исаак д'Израэли красноречиво указывал, что по привычке и склонности он непригоден для исполнения служебных обязанностей, а власти упрямо настаивали на том, чтобы каждый сын Израиля нес свою долю общественных забот или, в противном случае, должен был без протеста выплатить денежный штраф, который влекли за собой такие уточнения инвалидности по законам синагоги. Это закончилось в 1817 году официальным уходом Исаака д'Израэли из синагоги. Впоследствии крестились его четыре сына и единственная дочь.

Евреи все больше и больше осознавали пагубные последствия того, что они были таким образом лишены своего имени и славы из-за своих религиозных убеждений. Казалось, настало время для активных и настойчивых усилий, и вдумчивые и просвещенные люди в сообществе, прежде всего Исаак Лайон Голдсמיד, начали всерьез работать над расширением границ. Их энергия была направлена на полное устранение парламентом всех оставшихся гражданских и религиозных ограничений с целью, чтобы евреи могли занять свое законное место среди своих сограждан в каждом департаменте государства. Начиная с 1833 года, законопроект об устранении еврейской инвалидности принимался Палатой общин, и с каждым разом все большим большинством голосов. Десять раз он направлялся Лордам, и десять раз был отклонен Верхней палатой. Однако год от года оппозиция ослабевала, и Маколей в своей очень известной речи опроверг все аргументы, которые можно было привести против нее. В 1847 году барон Лайонел де Ротшильд был избран членом парламента от Лондонского сити. В течение двух лет он не пытался ни принести присягу, ни занять свое место, но в 1850 году его допустили к присяге на Ветхом Завете, и он принес присягу на верность, опустив слова 'на истинной вере христианина'. Палата посчитала это дисквалификацией и постановила, что барон не может ни заседать, ни голосовать. Сэр Дэвид Саломонс, будучи избранным от Гринвича в 1851 году, проигнорировал это решение Палаты. Он принес присягу в той же форме, что и барон Ротшильд, но сел и проголосовал, понеся за это законный штраф в размере *500 фунтов стерлингов*. каждый раз, когда он это делал, он был в порядке. Это, конечно, привело к кризису, и последовала долгая борьба. В 1858 году Палата общин (297 голосами против 144) приняла законопроект лорда Джона Рассела, который разрешал евреям опускать слова, которые были для них бессмысленными, ненужными и не соответствовали действительности. В Палате лордов второе чтение законопроекта было отклонено 119 голосами против 80.

Тупиковой ситуации удалось избежать благодаря предложению о том, что Палата представителей должна быть уполномочена при случае, специальным постановлением, изменять форму присяги. С этим согласились, и 26 июля 1858 года барон Лайонел де Ротшильд по специальному решению Палаты представителей принес присягу на верность, опустив явно христианские слова. В 1860 году эта уступка была внесена в регламент Палаты представителей, и, наконец, в 1866 году был принят Закон о поправках к Парламентской присяге, который полностью устранил неприятные слова. С тех пор для двух палат существовала только одна форма присяги, и сэр Натаниэль де Ротшильд, став нашим первым пэр-евреем в Англии в 1885 году, без проблем и колебаний занял свое место в Палате лордов и поклялся в верности.

7. Возрожденная и умерщвленная клевета. — В 1840 году анонимный автор в 'Таймс' произвел самую болезненную сенсацию, серьезно заявив, что обвинение, только что выдвинутое против некоторых евреев Дамаска в убийстве христианских детей и использовании их крови для приготовления пасхального печенья, с большой вероятностью соответствовало действительности, поскольку подобные обряды были сформулированы в раввинских писаниях евреев и часто практиковались в еврейских общинах. Утверждение, столь позитивно и авторитетно сделанное в такой газете, как "Таймс", было самым серьезным вопросом для евреев. Опровергнуть, конечно, было легко, но требовалось нечто большее, чем десятки возмущенных писем, которые были отправлены в "Таймс", чтобы рассеять легко возникающее предубеждение невежественных людей и раз и навсегда избавиться от этого лживого обвинения. Необходимый поборник истины был найден в профессоре Теодоресе из Манчестера. В удивительно грамотном и научном письме, [75](#), которое заняло две с половиной колонки "Таймс", вопрос был исчерпывающе освещен, и обвинение в крови было опровергнуто настолько полно и успешно, что с того дня и по сей день в Англии не слышно и отголоска этой злобной клеветы.

8. Человек девятнадцатого века.—В английских судах решение дела зависит не столько от его защитников, сколько от его существа, и, в конечном счете, то же самое верно и в отношении дел, которые рассматриваются судами более широкого уровня, учитывающими общественное мнение. Эмансипации евреев в Англии в значительной степени способствовал характер евреев в Англии, и, несмотря на многие ограничения, которые все еще оставались в силе, девятнадцатый век породил среди них несколько примечательных фигур. Из людей, которые своим поведением и усилиями, используя свое богатство или таланты как доверенное лицо, а не как собственность, помогли сделать евреев уважаемыми и достойными уважения, будут с благодарностью вспоминаться имена Голдсмитов, отца и сына, многих членов семьи Ротшильдов, сэра Дэвида Саломон и доктора Джошуа ван Овена. Среди женщин-писательниц здорового и непредвзятого толка Грейс Агилар (1800-1844) занимает свое изящное и почетное место; а Артур Ламли Дэвидс (1811-1832) и Эмануэль Дойч (умерла в 1867 году) заняли каждая свою нишу среди ученых того времени. Есть и другие имена, как рабочих, так и ученых, некоторые из них слишком ценные, некоторые слишком недавно утрачены, чтобы быть менее знакомыми. Нума Хартог, Леонард Монтефиоре и Эдвард Эмануэль вызывают к нашим сердцам, а также к нашему разуму о памяти; но они и подобные им вполне могут быть оставлены.

В славном шествии английских евреев девятнадцатого века выдающейся фигурой, несомненно, является сэр Мозес Монтефиоре (1784-1884). Как в своей личной жизни, так и в общественной сэр Мозес был воплощением идеального рыцаря Лауреата —

"Чья слава заключалась в исправлении человеческой несправедливости;

Который не говорил клеветы и не слушал ее;

Который любил только одну и был привязан к ней.

Родившийся в 1784 году и доживший до того, чтобы получать поздравления по случаю своего сорокового дня рождения, долгая жизнь Мозеса Монтефиоре охватывает столетие замечательного прогресса в положении его расы, прогресса, которому в значительной степени способствовали его поведение, его присутствие и его усилия. Его обстоятельства позволяли ему проявлять широкую и мудрую щедрость, и всякий раз, когда и где требовалась помощь для благого дела или требовалось нанести удар по плохому, сэр Мозес выходил на первый план. Его вежливость действовала как обаяние как на принцев, так и на нищих. Для его далеко идущей филантропии Дамаск не казался далеким, как не казались далекими Россия или Румыния; и сирийские христиане, когда их угнетали, завоевывали его сочувствие так же легко и сердечно, как евреи и христиане, живущие ближе к дому. Но поскольку его народ, и особенно те из них, кто находился под иностранным правлением, больше нуждались в его защите и помощи, именно им он отдавал больше всего. Семь раз он отправлялся в Святую Землю, пробуя все, что могли сделать сердце и кошелек, против укоренившихся сил бедности и пренебрежения. Его первое паломничество в город, "сидящий в запустении", было совершено вместе с женой, когда ему было сорок три, а последнее - как верный вдовец, когда ему было девяносто один. Биография сэра Мозеса Монтефиоре⁷⁶ является хорошим чтением для мальчиков и девочек его расы, которые могут почерпнуть из нее, что еврейские герои старого типа, целеустремленные и полные энтузиазма, ни в коем случае не являются вымершим продуктом нашего прозаического века.

9. Заключение.— И здесь, на этом кратком отчете сэра Мозеса Монтефиоре, эти 'Очерки еврейской истории' вполне могут закончиться. Но 'Героическая история', как назвал ее Манассия бен Исраэль, жалкая славная летопись веков, сама по себе, по правде говоря, нескончаема. Строка за строкой все еще добавляются, и *конец* никогда не будет написан на странице еврейской истории, пока Свет, который сияет все больше и больше до наступления Совершенного Дня, не упадет на нее и не осветит весь прекрасный мир. Каждый еврей и каждая еврейка оставляют свой след, или свое пятно, на замечательной незавершенной истории евреев, истории, которую Гердер назвал величайшей поэмой всех времен. "*Ибо вы свидетели Мои, говорит Господь.*" Верные и стойкие свидетели, не так ли, или своекорыстные и подкупленные? Свидетелем какого-то рода обязан быть каждый рожденный еврей. Он должен выполнить свою миссию, и с помощью хороших отчетов, и с помощью плохих отчетов, и хотя это написано только на воде, он должен добавить свои доказательства к протоколу, чтобы все, кто работает, могли прочитать.

И от евреев, а еще больше, возможно, от еврейки, настоящего зависит, будут ли мужчины и женщины нашей расы в будущем достойны тех, кто жил в прошлом, этих наших сородичей, которые любили свою веру в те дни, когда "любовь была горем, и еще больше любовью".

ИЮЛЬ 1886 ГОДА.

ОБЩИЕ СПИСКИ РАБОТ

ОПУБЛИКОВАНО

ГОСПОДА. ЛОНГМАНС, ГРИН И КОМПАНИЯ.

ПАТЕРНОСТЕР-РОУ, 39, ЛОНДОН, Е.С.

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ И Т.Д.

Лекции Арнольда по современной истории. 8 т. 7с. 6д.

"Ирландия при Тюдорах" Бэгвелла. Тома. 1 и 2. 2 тома. 8в. 32с.

Речи Биконсфилда (лорда) под редакцией Кеббела. 2 тома. 8в. 32с.

История Англиканской церкви Боултби, дореформационный период. 8в. 15с.

Исторический Винчестер Брэмстона и Лероя. Crown 8vo. 6с.

История цивилизации Бакла. 3 тома. корона 8во. 24с.

Лекции Чесни при Ватерлоо. 8 т. 10с. 6д.

Кокс (сэр Г. У.)

Всеобщая история Греции. Корона 8во. Карты, 7с. 6д.

Жизни греческих государственных деятелей. Две серии. Fcp. 8vo. 2с. 6д. каждый.

Крейтоновская история папства в эпоху Реформации. 2 тома. 8в. 32с.

"Демократия в Америке" Де Токвиля, перевод Рива. 2 тома. корона 8в. 16с.

"Английский в Америке" Дойла. 8в. 18с.

Эпохи древней истории:—

Бизли - Гракхи, Марий и Сулла. 2с. 6г.

"Эпоха Антонинов" Кейпса. 2с. 6г.

Ранняя Римская империя Кейпса. 2с. 6г.

Афинская империя Кокса. 2с. 6г.

"Греки и персы" Кокса. 2с. 6г.

Расцвет Македонской империи Куртейса. 2с. 6г.

Рим Ихне до его захвата галлами. 2с. 6г.

Римские триумvirаты Меривейла. 2с. 6г.

Спартанское и фиванское превосходство Сэнки. 2с. 6г.

Смит "Рим и Карфаген, Пунические войны". 2с. 6г.

Эпохи современной истории:—

Начало средневековья церкви. 2с. 6г.

Крестовые походы Кокса. 2с. 6г.

"Возраст Элизабет" Крейтона. 2с. 6г.

Дома Гэрднера в Ланкастере и Йорке. 2с. 6д.

Пуританская революция Гардинера. 2с. 6д.

Тридцатилетняя война Гардинера. 2с. 6г.

Гардинерс (миссис) Французская революция, 1789-1795. 2с. 6д.

"Падение Стюартов" Хейла. 2с. 6г.

"Норманны в Европе" Джонсона. 2с. 6д.

"Фридрих Великий и семилетняя война" Лонгмана. 2с. 6д.

Война Ладлоу за независимость Америки. 2с. 6д.

Эпоха реформ Маккарти, 1830-1850 гг. 2с. 6г.

"Эпоха королевы Анны" Морриса. 2с. 6г.

"Ранние ганноверцы" Морриса. 2с. 6д.

Протестантская революция Сибомы. 2с. 6г.

Ранние плантагенеты Стаббса. 2с. 6г.

"Эдуард III" Уорбертона. 2с. 6г.

Эпохи церковной истории:—

Перри "Реформация в Англии". 2с. 6д.

Такер "Английская церковь в других странах". 2с. 6д.

"Историческая география Европы" Фримена. 2 тома. 8в. 31с. 6д.

Фрудс

Английский в Ирландии в 18 веке. 3 тома. корона 8во. 18с.

История Англии. Популярное издание. 12 томов. заводная головка 8vo3s. 6d. каждая.

История Англии Гардинера от восшествия на престол Якова I. до начала гражданской войны. 10 томов. корона 8во. 60с.

Очерк английской истории Гардинера, 55 год до н.э. - 1880 год н.э. Fcp. 8vo. 2с. 6л.

Грант (сэр Алекс.) История Эдинбургского университета. 2 тома. 8в. 36с.

У Гревилла

Дневник правления Георга IV. И Вильгельма IV. 3 тома. 8в. 36с.

Дневник Гревилла о правлении королевы Виктории, 1837-1852. 3 тома. 8в. 36с.

"Ирландия в семнадцатом веке" Хиксона. 2 тома. 8в. 28с.

У Лекки

История Англии в XVIII веке.

Томы. 1 и 2, 1700-1760, 8 в. 36с.

Томы. 3 и 4, 1760-1784, 8 т. 36с.

История европейской морали. 2 тома. корона 8во. 16с.

История рационализма в Европе. 2 тома. корона 8в. 16с.

Лидеры общественного мнения Ирландии. Корона 8во. 7с. 6л.

Longman's

Лекции по истории Англии. 8 т. 15с.

Жизнь Лонгмана и времена Эдуарда III. 2 тома. 8в. 28с.

Маколей

Полное собрание сочинений.

Библиотечное издание. 8 томов. 8vo. £5. 5с.

Кабинетное издание. 16 томов. крона 8во. £ 4. 16с.

История Англии:—

Студенческое издание. в 2 т. т. 8-12с.

Народное издание. 4 тома. кр. 8в. 16с.

Кабинетное издание. 8 томов. сообщение 8во. 48с.

Библиотечное издание. 5 томов. 8vo. £ 4.

Критические и исторические очерки с описанием Древнего Рима. В одном томе:—

Авторизованное издание. Ст. 8vo. 2с. 6д. или 3с. 6д. позолоченные края.

Популярное издание. Кр. 8в. 2с. 6д.

Критические и исторические очерки:—

Студенческое издание. 1 том. кр. 8в. 6с.

Народное издание. 2 тома. кр. 8в. 8с.

Кабинетное издание. 4 тома. сообщение 8во. 24с.

Библиотечное издание. 3 тома. 8в. 36с.

Речи, исправленные Им Самим. Корона 8во. 3с. 6д.

Мемуары бывшего министра Малмсбери (графа). Корона 8во. 7с. 6г.

Книга Максвелла (сэра У. С.) "Дон Джон Австрийский". Библиотечное издание с многочисленными иллюстрациями. 2 тома. royal 8vo. 42с.

Майский

Конституционная история Англии, 1760-1870. 3 тома. корона 8в. 18с.

Демократия в Европе. в 2 т. 8 т. 32с.

Меривейл

Падение Римской республики. 12мо. 7с. 6г.

Общая история Рима, 753– 476 гг. до н.э. Корона 8в. 7с. 6д.

История римлян при империи. 8 т. сообщение 8во. 48с.

Письма и депеши Нельсона (лорда). Под редакцией Дж. К. Лоутона. 8в. 16с.

"Падение Константинополя" Груши. 8во. 16с.

Оксфордские реформаторы Сибом—Колет, Эразмус и другие. 8во. 14с.

Короткая история Англиканской церкви. Корона 8в. 7с. 6д.

Карфаген Смит и карфагеняне. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Руководство Тейлора по истории Индии. Корона 8в. 7с. 6д.

"История Англии" Уолпола, 1815-1841. 3 тома. 8во. 2,14фунтов стерлингов

История Англии при Генрихе IV Уайли. Том 1, глава 8, глава 10с. 6д.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ.

Жизнь и письма Армстронга (Э. Дж.). Под редакцией Г. Ф. Армстронга. Fcp. 8vo. 7с. 6л.

Жизнь и письма Бэкона, автор Спеддинг. 7 томов. 8во. £4,4с.

Биографические исследования Бейджхота. 1 том 8, т. 12с.

"Жизнь Карлейля" Дж. А. Фруда.

Тома. 1 и 2, 1795-1835, 8 т. 32с.

Тома. 3 и 4, 1834-1881, 8 т. 32с.

Карлайл (миссис) Письма и мемориалы. 3 тома. 8в. 36с.

Де Витт (Джон), "Жизнь", А. К. Понталиса. Переведено. 2 т. 8в. 36с.

Достойные английские писатели. Под редакцией Эндрю Ланга. Заводная головка 8в. 2с. 6д. каждая.

Чарльз Дарвин. Грант Аллен.

Мальборо. Джордж Сэнтсбери.

Шефтсбери (Первый граф). Х. Д. Трейлл.

Адмирал Блейк. Дэвид Ханни.

Фокс (Чарльз Джеймс). Ранняя история. Сэр Г. О. Тревельян, барт. Заводная головка 8в. 6с.

"Жизнь достопочтенного Гримстона" Ф. Гейла. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Жизнь Гамильтона (сэра У. Р.), автор Грейвс. Тома. 1 и 2, 8во. 15с. каждый.

"Жизнь Хэвлока" Маршмана. Корона 8в. 3с. 6д.

Жизнь Халлаха (Джона). Его женой. Корона 8во. 6с.

Жизнь и письма Маколея (лорда). Его племянник, сэр Г. О. Тревельян, барт., член парламента

Популярное издание, 1 том, 8 из 6с.

Кабинетное издание, 2 тома. сообщение 8-12с.

Библиотечное издание, 2 тома. 8в. 36с.

Письма Мендельсона. Переведено леди Уоллес. по 2 тома кр. 8во. 5с. каждый.

Милл (Джеймс) Биография профессора. Бэйн. Краун 8во. 5с.

Милл (Джон Стюарт)

Воспоминания профессора. Бэйн. Корона 8в. 2с. 6д.

Автобиография. 8в. 7с. 6д.

Мозли

Воспоминания об Ориел-колледже. 2 тома. корона 8во. 18с.

Воспоминания о городах, деревнях и школах. 2 тома. кр. 8в. 18с.

Биографические очерки Мюллера (Макса). Корона 8в. 7с. 6д.

Апология Ньюмана за жизнь человека. Корона 8во. 6с.

Пазолини (граф) Мемуары его сына. 8в. 16с.

Pasteur (Louis) Его жизнь и Труды. Корона 8в. 7с. 6д.

Жизнь Шекспира (Очерки), автор Холливелл-Филлипс. 2 тома. королевский 8в. 10с. 6д.

Переписка Саути с Кэролайн Боулз. 8в. 14с.

Очерки церковной биографии Стефана. Корона 8в. 7с. 6д.

Тейлор (сэр Генри) Автобиография. 2 тома. 8в. 32с.

"Странная карьера шевалье Д'Эона де Бомона" Телфера. 8в. 12с.

Жизнь Веллингтона, Глейг. Корона 8в. 6с.

МЕНТАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ФИНАНСЫ И т.д.

У Амоса

Взгляд на науку юриспруденции. 8во. 18с.

Букварь английской конституции. Корона 8в. 6с.

Бекон

Эссе с комментариями Уэтли. 8 из 10с. 6д.

Сочинения под редакцией Спеддинга. 7 т. 8 в. 73с. 6д.

Bagehot's

Экономические исследования под редакцией Хаттона. 8в. 10с. 6д.

Постулаты английской политической экономии. Корона 8в. 2с. 6д.

Бэйнс

Логика, дедуктивная и Индуктивная. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

ЧАСТЬ I. Дедукция, 4с.

ЧАСТЬ II. Индукция, 6с. 6д.

Наука о разуме и морали. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Чувства и интеллект. 8во. 15с.

Эмоции и воля. 8во. 15с.

Практические эссе. Корона 8в. 4с. 6д.

Бакл (Х. Т.) Разные и посмертные сочинения. 2 тома. корона 8во. 21с.

Цивилизация и прогресс Крозье. 8в. 14с.

Краткое исследование Крампа о формировании английского политического мнения. 8в. 7с. 6г.

Джуэлл "История налогообложения и податей в Англии". 4 тома. 8в. 48с.

Произведения Грина (Томаса Хилла). (3 тома) Тома. 1 и 2, Философские сочинения. 8во. по 16с. каждое.

Хьюм

Эссе под редакцией Грина и Гроуза. 2 тома. 8в. 28с.

Трактат о природе человека, под редакцией Грина и Гроуза. 2 тома. 8в. 28с.

Обычай и миф Ланга: исследования раннего использования и верований. Корона 8в. 7с. 6д.

Эссе Лесли по политической и моральной философии. 8 т. 10с. 6д.

История философии Льюиса. в 2 т. 8 т. 32с.

"Происхождение цивилизации" Лаббока. 8в. 18с.

Маклаудс

Принципы экономической философии. В 2 т.

Т. 1, 8т. 15с.

Том. 2, Часть I. 12с.

Элементы экономики. (В 2 т.)

Т. 1, кр. 8, т. 7с. 6д.

Т. 2, Часть I. кр. 8в. 7с. 6д.

Элементы банковского дела. Корона 8во. 5с.

Теория и практика банковского дела.

Т. 1, 8 т. 12с.

Т. 2, 14с.

Элементы политической экономии. 8в. 16с.

Экономика для начинающих. 8 т. 2с. 6д.

Лекции по кредиту и банковскому делу. 8 т. 5с.

Милль (Джеймс) Анализ феноменов человеческого разума. 2 тома. 8в. 28с.

Милл (Джон Стюарт)

о представительном правительстве. Корона 8во. 2с.

о Свободе. Заводная головка 8в. 1с. 4д.

Очерки нерешенных вопросов политической экономии. 8 т. 6.с. 6д.

Исследование философии Гамильтона. 8в. 16с.

Логические. 2 тома. 8в. 25с. Народное издание, 1 том. кр. 8в. 5с.

Принципы политической экономии. в 2 т. 8 т. 30с. Народное издание, 1 том, 8 из 5с.

Подчинение женщин. Корона 8во. 6с.

Утилитаризм. 8в. 5с.

Три очерка о религии и гл. 8. 5с.

Чтения Миллера (миссис Фенвик) по социальной экономике. Корона 8во. 2с.

История цен Малхолла с 1850 года. Crown 8vo. 6s.

"Институты Юстиниана" Сандарса, с английскими примечаниями. 8в. 18с.

Сообщество английской деревни Сибома. 8во. 16с.

Салли

Очерки психологии. 8 т. 12с. 6д.

Справочник для учителя психологии. Корона 8в. 6с. 6д.

Логика изображения Суинберна. Сообщение 8 из 5с.

Томпсона "Система психологии". 2 тома. 8в. 36с.

Набросок необходимых законов мышления Томсона. Глава 8, т. 6с.

Твисс

Международное право во время войны. 8во. 21с.

Международное право в мирное время. 8во. 15с.

"Покрывало Изиды" Уэбба. 8во. 10с. 6г.

Что такое

Элементы логики. Корона 8в. 4с. 6д.

Элементы риторики. Корона 8в. 4с. 6д.

Труд, досуг и роскошь Уайли. Корона 8во. 6с.

Zeller's

История эклектики в греческой философии. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Платон и Древняя академия. Корона 8во. 18с.

Досократические школы. 2 тома. корона 8во. 30с.

Сократ и сократовские школы. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Стоики, эпикурейцы и скептики. Корона 8во. 15с.

Очерки истории греческой философии. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

РАЗНЫЕ РАБОТЫ.

А. К. Н. В., Эссе и вклады. Crown 8vo.

Осенние каникулы сельского священника. 3с. 6г.

Измененные Аспекты Неизменных Истин. 3с. 6г.

Общепринятый Философ в Городе и деревне. 3с. 6г.

Критические очерки сельского священника. 3с. 6г.

Совет и утешение, произнесенные с городской кафедры. 3с. 6г.

Серьезные мысли сельского священника. Три серии. 3с. 6д. каждый.

Пейзажи, церкви и Мораль. 3с. 6г.

Часы досуга в городе. 3с. 6г.

Уроки среднего возраста. 3с. 6д.

Наша маленькая жизнь. Очерки утешительные и бытовые. Две серии. 3с. 6д. каждый.

Мысли о настоящем. 3с. 6г.

Приключения сельского священника. Три серии. 3с. 6д. каждый.

Размышления о море по воскресеньям и будням. 3с. 6г.

Воскресные вечера в приходской церкви Университетского города. 3с. 6г.

Эссе и зарисовки Армстронга (ред. Дж.). Fcp. 8vo. 5с.

Arnold's (доктор Томас) Разные произведения. 8в. 7с. 6д.

Литературные исследования Бейджхота под редакцией Хаттона. 2 тома. 8в. 28с.

Биконсфилд (лорд),

Остроумие и Мудрость. Корона 8в. 1с. досок; 1с. 6д. кл.

(Книга) на день рождения. 18мо. 2с. 6л. ткань; 4с. 6л. переплет.

Бронзовые орудия Эванса из Великобритании. 8во. 25с.

Язык Фаррара и другие языки. Корона 8во. 6с.

Французский напиток в Англии пили Девятнадцать веков. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

"Краткие исследования Фруда на великие темы". 4 тома. корона 8во. 24с.

Письма Лэнга умершим авторам. Fcp. 8vo. 6с. 6л.

Маколей

Разные сочинения. 2 т. 8 в. 21с. 1 т. коронный 8 в. 4с. 6д.

Разные сочинения и речи. Корона 8во. 6с.

Разные сочинения, речи, легенды Древнего Рима и т. Д. Кабинетное издание. 4 тома. заводная головка 8в. 24с.

Сочинения, Отрывки из. Корона 8во. 6с.

Müller's (Max)

Лекции по науке о языке. 2 тома. корона 8во. 16с.

Лекции об Индии. 8 т. 12с. 6д.

Смит (Сидней) Остроумие и мудрость. Корона 8во. 1с. досок; 1с. 6д. полотнища.

Уилкинсон - Движение "Дружественное общество". Корона 8в. 2с. 6д.

АСТРОНОМИЯ.

Очерки астрономии Гершеля. Квадратная корона 8во. 12с.

Работа Нельсона на Луне. Средний 8в. 31с. 6д.

Proctor's

Звездный атлас большего размера. Фолиант, 15с. или только карты, 12с. 6д.

Новый звездный атлас. Корона 8во. 5с.

Световедение в часы досуга. 3 серии. Заводная головка 8в. 5сек. каждая.

Луна. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Другие миры, отличные от нашего. Корона 8во. 5с.

Солнце. Корона 8во. 14с.

Исследования Венеры-Транзиты. 8во. 5с.

Сферы вокруг нас. Корона 8во. 5с.

Звездная вселенная. 8во. 10с. 6г.

Уэббс

Небесные объекты для обычных телескопов. Корона 8во. 9с.

Солнце и его явления. Есп. 8во. 1с.

БИБЛИОТЕКА "ЗНАНИЯ".

Под редакцией Ричарда А. ПРОКТОРА.

Как играть в вист. Корона 8во. 5с.

Домашний вист. 16: 1с.

Пограничье науки. Кр. 8во. 6с.

Изучение природы. Корона 8во. 6с.

Чтения на досуге. Корона 8во. 6с.

Звезды в их сезонах. Имп. 8во. 5с.

Мифы и чудеса астрономии. Корона 8во. 6с.

Приятные пути в науке. Кр. 8во. 6с.

Грунтовка в виде звезды. Заводная головка 4то. 2с. 6д.

Времена года на фото. Деми 4-5с.

Сила и Счастье. Кр. 8во. 5с.

Неровные пути стали гладкими. Кр. 8во. 5с.

Небесные просторы. Кр. 8во. 5с.

Наше место среди бесконечностей. Кр. 8во. 5с.

КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА.

Эсхил, "Эвмениды". Текст с метрическим переводом на английский, автор Дж. Ф. Дэвис. 8в. 7с.

"Ачарнийцы" Аристофана, перевод Р. Я. Тиррелла. Корона 8во. 2с. 6д.

Аристотель

Этика, текст и примечания сэра Алекса. Грант, Барт. 2 тома. 8в. 32с.

"Никомахова этика", переведенная Уильямсом, глава 8, т. 7, с. 6д.

Политика, Книги I. III. IV. (VII.) с Переводом и с. Болланда и Ланга. Заводная головка 8в. 7с. 6д.

"Хариклы и Галлус" Беккера, автор Меткалф. Разместите 8во. 7с. по 6д. каждый.

Переписка Цицерона, Текст и примечания, Р. Я. Тиррелл. Тома. 1 и 2, 8 т. по 12с. каждый.

"Илиада" Гомера,

Гомометрический перевод Кэли. 8во. 12с. 6д.

Греческий текст со стихотворным переводом, автор У. К. Грин. Том 1, книги I.–XII. Корона 8во. 6с.

Классическая греческая литература Махаффи. Корона 8во.

Т. 1, Поэты. 7с. 6д.

Т. 2, Прозаики. 7с. 6д.

"Парменид" Платона с примечаниями и проч. Дж. Магуайра. 8 т. 7.с. 6г.

Трагикомедии Софокла "Суеверия" Линвуда. 8 т. 16с.

Вергилий

Сочинения, текст на латинице, с комментариями, Кеннеди. Корона 8во. 10с. 6д.

"Энеида", переведенная Конингтоном на английские стихи. Корона 8во. 9с.

"Энеида", переведенная на английские стихи У. Дж. Торнхиллом. Кр. 8в. 7с. 6д.

Стихи, переведенные Конингтоном на английскую прозу. Crown 8vo. 9с.

Виттс

Мифы Эллады, перевод Ф. М. Янгхасбанда. Корона 8в. 3с. 6д.

Троянская война, перевод Ф. М. Янгхаузенда. Fcp. 8vo. 2с.

"Странствия Улисса", перевод Ф. М. Янгхасбанда. Корона 8во. 3с. 6д.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, БОТАНИКА И САДОВОДСТВО.

Цветы Аллена и их родословные. Корона 8во. Гравюры на дереве, 5с.

Общая система ботаники Декена и Ле Мота. Императорская 8в. 31с. 6д.

Жизнь сельских птиц Диксона. Корона 8во. Иллюстрации, 5с.

Хартвиг

Воздушный мир. 8во. 10с. 6д.

Полярный мир. 8в. 10с. 6г.

Море и его живые чудеса. 8в. 10с. 6д.

Подземный мир. 8в. 10с. 6г.

Тропический мир. 8в. 10с. 6г.

Сокровищница ботаники Линдли. Fcp. 8vo. 6с.

Лаудонз

Энциклопедия садоводства. 8в. 21с.

Энциклопедия растений. 8 т. 42с.

Риверс

Садовый домик. Корона 8во. 5с.

Руководство для любителей Розы. Fcp. 8vo. 4с. 6г.

Миниатюрный фруктовый сад. Fcp. 8vo. 4с.

Знакомая история британских птиц Стэнли. Корона 8во. 6с.

Вуд

Библейские животные. Со 112 виньетками. 8в. 10с. 6д.

Обычные британские насекомые. Корона 8во. 3с. 6д.

Дома без рук. 8в. 10с. 6д.

Насекомые за границей. 8во. 10с. 6д.

Конь и человек. 8во. 14с.

Насекомые в домашних условиях. С 700 иллюстрациями. 8в. 10с. 6д.

На улицу. Корона 8во. 5с.

Возвращение в Петландию. Корона 8в. 7с. 6д.

Странные Жилища. Корона 8в. 5с. Популярное издание, 4-6д.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ.

Искусство костюмера и художественные мануфактуры Японии. Квадратная коронка 8в. 31с. 6д.

Домашний вкус Истлейка в мебели и т. Д. Квадратная корона 8в. 14с.

Священная и легендарная статья Джеймсона, 6 томов. квадрат 8во.

Легенды о Мадонне. 1 том. 21с.

Легенды монашеских орденов. 1 том. 21с.

Сказания о святых и мучениках. В 2 т. 31с. 6г.

Легенды о Спасителе. Завершено леди Истлейк. 2 тома. 42с.

"Рассказы Маколея о Древнем Риме", иллюстрированные Шарфом. Fcp. 4to. 10с. 6г.

То же самое с Иври и Армадой, проиллюстрированной Вегелином. Корона 8в. 3с. 6д.

"Лалла Рукх" Мура, иллюстрированная Тенниэлом. Квадратная коронка 8в. 10с. 6д.

Новый Завет (The), иллюстрированный гравюрами на дереве по мотивам картин ранних мастеров. 4то. 21с. ткань или 42с. марокко.

Перри о греческой и римской скульптуре. С 280 иллюстрациями, выгравированными на дереве. Квадратная коронка 8в. 31с. 6д.

ХИМИЯ, ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО И ОБЩИЕ НАУКИ.

"Элементы физики или натурфилософии" Арнотта. Корона 8в. 12с. 6д.

УБорна

Катехизис паровой машины. Корона 8в. 7с. 6д.

Примеры паровых, воздушных и газовых двигателей. От 4 до 70с.

Справочник по паровой машине. Fcp. 8vo. 9с.

Последние усовершенствования паровой машины. Fcp. 8vo. 6с.

Трактат о паровой машине. 4 т. 42с.

Бактон - это наше Жилище, Здоровое и Нездоровое. Корона 8в. 3с. 6д.

Избранные методы Крукса в химическом анализе. 8во. 24с.

Справочник Калли по практической телеграфии. 8во. 16с.

Фэрбернс

Полезная информация для инженеров. 3 тома. корона 8во. 31с. 6д.

Мельницы и столярные изделия. 1 том 8, т. 25с.

Ганот

"Элементарный трактат по физике" Аткинсона. Большая корона, 8 в. 15с.

Натурфилософия, автор Аткинсон. Корона 8в. 7с. 6д.

Соотношение физических сил Гроува. 8во. 15с.

Шесть лекций Хотона по физической географии. 8т. 15с.

Гельмгольц об ощущениях тона. Королевский 8в. 28с.

Лекции Гельмгольца по научным дисциплинам. В 2 т. корона 8в. 7с. 6д. каждая.

"Коловратки" Хадсона и Госсее, или "Колесовидные животные". С 30 цветными пластинками. 6 частей. с 4 по 10с. 6д. каждая.

Халла

Лекции по истории современной музыки. 8в. 8с. 6д.

Переходный период музыкальной истории. 8в. 10с. 6д.

Помощь Джексона в разработке решения. Royal 8vo. 21с.

Неорганическая химия Яго, теоретическая и практическая. Fcp. 8vo. 2с.

Металлургия Керля, адаптированная Круксом и Реригом. 3 тома. 8во. £4,19с.

Краткий учебник неорганической химии Кольбе. Корона 8в. 7с. 6д.

Трактат Ллойда о магнетизме. 8 т. 10с. 6д.

"Зоология и морфология позвоночных животных" Макалистера. 8 т. 10.с. 6д.

Лекции Макфаррена о гармонии. 8в. 12с.

"Элементы химии" Миллера, теоретические и практические. 3 тома. 8в.

Часть I. Химическая физика, 16с.

Часть II. Неорганическая химия, 24с.

Часть III. Органическая химия, цена 31у.е. 6д.

Руководство Митчелла по практическому анализу. 8во. 31с. 6г.

Токарные станки Northcott's. 8vo18с.

Сравнительная анатомия и физиология позвоночных животных Оуэна. 3 том. 8в. 73с. 6д.

Парфюмерное искусство Пиессе. Квадратная корона 8в. 21с.

Экспериментальная химия Рейнольдса. Fcp. 8vo.

Часть I. 1с. 6л.

Часть II. 2с. 6л.

Часть III. 3с. 6л.

Спектральный анализ Шеллена. 8в. 31с. 6д.

Трактат Сеннета о судовой паровой машине. 8во. 21с.

Воздух и дождь Смита. 8в. 24с.

"Теория напряжений в балках" Стоуни и др. Royal 8vo. 36с.

Электрическое освещение Суинтона: его принципы и практика. Crown 8vo. 5с.

Практическая химия Тилдена. Fcp. 8vo. 1с. 6л.

Тиндалла

Фарадей как первооткрыватель. Корона 8в. 3с. 6д.

Плавающее вещество в Воздухе. Корона 8в. 7с. 6д.

Фрагменты науки. в 2 т. сообщение 8 в. 16с.

Режим движения с подогревом. Заводная головка 8 об/мин. 12с.

Лекции о Свете, прочитанные в Америке. Корона 8во. 5с.

Уроки по электричеству. Корона 8в. 2с. 6д.

Заметки об электрических явлениях. Корона 8в. 1с. сшитая, 1с. 6д. ткани.

Конспекты лекций о Свете. Корона 8в. 1с. сшитая, 1с. 6д. ткани.

Добротный, с фронтисписом и 203 гравюрами на дереве. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Химический словарь Уоттса. 9 томов. средний 8vo. £15. 2с. 6д.

Руководство Уилсона по науке о здоровье. Корона 8в. 2с. 6д.

БОГОСЛОВСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРУДЫ.

Проповеди Арнольда (преподобного доктора Томаса). 6 томов. заводная головка 8в. 5сек. каждая.

Комментарий Боултби к 39 статьям. Корона 8во. 6с.

Изложение Брауном (епископом) 39 статей. 8во. 16с.

Критический словарь Буллингера и соответствие английскому и греческому Новому Завету. Королевский 8во. 15с.

Коленсо о Пятикнижии и Книге Иисуса Навина. Глава 8, кор. 6с.

Справочник Кондера по Библии. Сообщение 8во. 7с. 6г.

Жизнь Конибера и Хаусона и послания святого Павла:—

Библиотечное издание с картами, таблицами и гравюрами на дереве. 2 тома. квадратная коронка 8в. 21с.

Студенческое издание, переработанное и сокращенное, с 46 иллюстрациями и картами. 1 т. корона 8т. 7с. 6д.

Кокс (Хомершем) Первый век христианства. 8во. 12с.

Введение Дэвидсона в изучение Нового Завета. 2 тома. 8во. 30с.

Эдерсхайм

Жизнь и времена Иисуса Мессии. 2 тома. 8во. 24с.

Пророчество и история в связи с Мессией. 8во. 12с.

Элликотт (епископ)

Комментарий к Посланиям Святого Павла. 8во.

Послание к Галатам, 8с. 6д.

К Ефесянам, 8с. 6д.

Пастырские послания, 10с. 6д.

Филиппийцам, Колоссянам и Филимону, 10с. 6г.

Фессалоникийцам, 7с. 6г.

Лекции о жизни нашего Господа. 8во. 12с.

Эвальдса

Древности Израиля, перевод Солли. 8в. 12с. 6д.

История Израиля, переведенная Карпентером и Смитом. Тома. 1-7, 8в. 5 фунтов стерлингов.

Медицинский язык Святого Луки, написанный Хобартом. 8во. 16с.

"Христос-утешитель" Хопкинса. Fcp. 8vo. 2с. 6г.

Джукс

Новый Человек и Вечная Жизнь. Корона 8во. 6с.

Вторая смерть и возвращение всего Сущего. Корона 8в. 3с. 6д.

Типы генезиса. Корона 8в. 7с. 6д.

Тайна Царства. Корона 8в. 3с. 6д.

Новый перевод Книги Бытия, сделанный Ленорманом. Переведено на английский. 8в. 10с. 6д.

Лирика Германика: Гимны, переведенные мисс Уинкворт. Fcp. 8vo. 5с.

macdonald's (г.)

Невысказанные проповеди. Два ряда, заводные головки 8vo3с. 6д. каждая.

Чудеса Господа нашего. Корона 8в. 3с. 6д.

Временная миссия Святого Духа Мэннинга. Корона 8в. 8с. 6д.

Мартини

Стремления к христианской жизни. Корона 8в. 7с. 6д.

Хвалебные гимны и молитвы. Корона 8во. 4с. 6г. 32мо. 1с. 6г.

Проповеди, Многочасовые Размышления о Священных Вещах. 2 тома. по 7с. 6д. каждый.

Духовные песни Монселла для воскресений и праздников. Fcp. 8vo. 5с. 18мо. 2с.

Müller's (Max)

Происхождение и рост религии. Корона 8в. 7с. 6д.

Наука о религии. Корона 8в. 7с. 6д.

Ньюменз

Апология за жизнь Человека. Корона 8во. 6с.

Идея университета определена и проиллюстрирована. Корона 8во. 7с.

Исторические очерки. В 3 т. заводная головка 8во6сек. каждая.

Обсуждения и споры на различные темы. Корона 8во. 6с.

Очерк развития христианской доктрины. Корона 8во. 6с.

Рассмотрены определенные трудности, с которыми сталкиваются англикане в католическом учении.

Том 1, глава 8, т. 7,с. 6д.

Том 2, глава 8, т. 5,с. 6д.

Средства массовой информации англиканской церкви, иллюстрированные лекциями и с. 2 тома. заводная головка 8в. 6с. каждая

Очерки критические и исторические. 2 тома. корона 8в. 12с.

Очерки о библейских и церковных чудесах. Глава 8, т. 6с.

Сочинение в помощь грамматике согласия. 7с. 6г.

Жизнь Овертона в Английской церкви (1660-1714). 8в. 14с.

Rogers's

Затмение веры. Fcp. 8vo. 5с.

Защита затмения Веры. Fcp. 8vo. 3с. 6г.

Сьюэлл (мисс)

Ночные уроки из Священного Писания. 32мо. 3с. 6д.

Мимолетные мысли о религии. Fcp. 8vo. 3с. 6г.

Подготовка ко Святому Причастию. 32мо. 3с.

Путешествие Смита и кораблекрушение у Сент-Пола. Корона 8в. 7с. 6д.

сверхъестественная религия. Полное издание. 3 тома. 8в. 36с.

Полное собрание сочинений Тейлора (Джереми). С Жизнеописанием епископа Хиберы. Под редакцией преподобного К. П. Идена. 10 томов. 8в. 5. 5с.

Движения религиозной мысли Таллоха в Британии в девятнадцатом веке. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ И Т.Д.

Заметки о ранчо Олдриджа в Канзасе, Колорада и с. Crown 8vo 5с.

Карта Альпийского клуба (The) Швейцарии. На четырех листах. 42с.

Пекарня

Восемь лет на Цейлоне. Корона 8во. 5с.

Ружье и гончая на Цейлоне. Корона 8во. 5с.

Альпийский путеводитель Болла. 3 тома. сообщение 8во. с картами и иллюстрациями:—

I. Западные Альпы, 6с. 6г.

II. Центральные Альпы, 7с.ш. 6г.

III. Восточные Альпы, 10с.ш. 6г.

Бал об альпийских путешествиях и геологии Альп, 1с.

Это Киклады, или Жизнь среди островных греков. Корона 8в. 12с. 6д.

У Брасси

Солнце и гроза на Востоке. Корона 8в. 7с. 6д.

Путешествие на яхте "Солнечный луч".

Корона 8в. 7с. 6д.

Школьное издание, fср. 8vo. 2с.

Популярное издание, 4-6д.

В профессии, Тропиках и "Ревущих сороковых".

Édition de Luxe, 8vo. £3. 13s. 6d.

Библиотечное издание, 8 т. 21с.

Кроуфорд находится По ту сторону Пампасов и Анд. Корона 8в. 7с. 6д.

Вмятина Выше линии снега. Корона 8в. 7с. 6д.

"Океана" Фруда, или Англия и ее колонии. Корона 8в. 2с. досок; 2с. 6д. полотнища.

Сан-Ремо Хассалла с учетом климатических условий. Crown 8vo 5с.

Посещения Ховиттом замечательных мест. Корона 8в. 7с. 6д.

Приморские Альпы (The) и их побережье. Автор книги "Вера". 8vo. 21с.

Трое в Норвегии. Двое из них. Crown 8vo. Иллюстрации, 6с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

Романы и повести Биконсфилда (графа).

Издание Хьюендена, с 2 портретами на стали и 11 виньетками на дереве. 11 томов. корона 8vo.
2,2фунта стерлингов

Дешевое издание, 11 томов. корона 8в. по 1с. каждая, доски; по 1с. 6д. каждая, ткань.

Лотэр.

Сибилла.

Конингсби.

Танкред.

Венеция.

Генриетта Темпл.

Контарини Флеминг.

Элрой, Иксион и др.

Молодой герцог и т. Д.

Вивиан Грей.

Эндимион.

Черный пудель (The) и другие сказки. Автор книги "Наоборот". Кр. 8во. 6с.

Друзья и враги Брэборна (лорда) из Волшебной страны. Корона 8во. 6с.

Harte (Bret)

На границе. Три рассказа. 16 м. 1с.

По берегу и осоке. Три этажа. 16 м. 1с.

В Незапамятные времена. Автор книги "Мадемуазель Мори". Корона 8во. 6с.

Мелвилл (Уайт) Романы. 8 томов fcp. 8во. по 1с. каждое, доски; по 1с. 6д. каждое, ткань.

Дигби Гранд.

Общий отскок.

Кейт Ковентри.

Гладиаторы.

Ни на что не годный.

Холмби-Хаус.

Переводчик.

Королевы Марии.

Библиотека современного романиста. Корона 8в. цена по 2р. каждая, доски, или по 2р. 6д. каждая, ткань.

Брет Харт.

В лесах Каркинеса.

Автор: миссис Олифант.

Доверительно, история о даме и ее возлюбленном.

Автор: Джеймс Пейн.

Толще воды.

Разными авторами.

Ателье дю Лис.

Монастырь Атерстоун.

Семья бургомистра.

Эльза и ее Стервятник.

Мадемуазель Мори.

Шесть сестер долин.

Врасплох.

Олифант (миссис) Мадам. Корона 8в. 3с. 6д.

Пейн (Джеймс) Удача Дарреллов. Корона 8в. 3с. 6д.

Сказочный принц читателя, следуй за мной. Корона 8во. 5с.

Рассказы Сьюэлла (мисс). Корона 8в. по 1л. каждая, доски; 1л. 6d. cloth; 2с. 6d.д.
дополнительная ткань, позолоченные края.....

Эми Герберт.

Клив-Холл.

Дочь графа.

Жизненный опыт.

Гертруда. Айворс.

Проблеск мира.

Кэтрин Эштон.

Дом священника в Лэнетоне.

Маргарет Персиваль.

Урсула.

Стивенсон (Р. Л.)

Взрыватель. Fcp. 8vo. 1с. сшито; 1с. 6д. ткань.

Станный случай доктора Джекила и мистера Хайда. Fcp. 8vo. 1с. сшито; 1с. 6л. ткань.

Стерджис "Мой друг и я. Корона 8во. 5с.

Романы Тrollope (Энтони). Fcp. 8vo. по 1с. каждая, доски; 1с. 6д. ткань.

Надзиратель.

Башни Барчестера.

ПОЭЗИЯ И ДРАМА.

Поэтические произведения Армстронга (ред. Дж.). Fcp. 8vo. 5с.

Поэтические произведения Армстронга (Г. Ф.):—

Стихотворения, лирические и драматические. Fkp. 8vo. 6с.

Угоне: трагедия. Fcp. 8vo. 6с.

Гирлянда из Греции. Fcp. 8vo. 9с.

Царь Саул. Упк. 8vo. 5с.

Царь Давид. Fcp. 8vo. 6с.

Царь Соломон. Fcp. 8vo. 6с.

Истории Уиклоу. Fcp. 8vo. 9с.

"Фестус" Бейли, Стихотворение. Корона 8в. 12с. 6д.

Песни Харроу Боуэна и другие стихи. Fcp. 8vo. 2с. 6д.; или напечатано на бумаге ручной работы, 5с.

Семья Боудлеров, Шекспир. Среда 8 об. 14с. 6 об. fcp. 8 об. 21с.

"Божественная комедия" Данте, перевод Джеймса Иннеса Минчина. Корона 8во. 15с.

Goethe's Faust,

переведено Птицами. Крупная корона 8в. 12с. 6д.

перевод Уэбба. 8 т. 12с. 6д.

отредактировано Селссом. Crown 8vo. 5с.

Стихи Ингелоу.

Тома. 1 и 2, fcp. 8vo. 12с.

Том 3 fkp. 8в. 5с.

"Рассказы Маколея о Древнем Риме" с Иври и Армадой.

Иллюстрировано Вегелином. Заводная головка 8в. 3с. 6д. позолоченные края.

Популярное издание. Иллюстрировано Шарфом. Fcp. 4to. 6д. swd, 1с. ткань.

'От могилы к гею' Пеннелла (Чолмондели). Сборник избранных произведений. Fcp. 8vo. 6с.

"Голоса чтецов из цветочной страны", книга на день рождения, 2с. 6д. ткань, 3с. 6д. чалый.

"Гамлет" Шекспира, с комментариями Джорджа Макдональда, доктор права, 8 из 12с.

Поэтические произведения Саути. Средний 8в. 14с.

"Детский сад стихов" Стивенсона. ФКП. 8в. 5с.

Вергилий

Энейд, перевод Конингтона. Корона 8во. 9с.

Стихи, переведенные на английскую прозу. Корона 8во. 9с.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ЛОШАДИ, СОБАКИ И КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ.

Книга Данстера "Как заставить землю платить". Корона 8во. 5с.

Лошади и конюшни Фитцуигрэма. 8в. 5с.

Лошади и дороги. Вольнонаемный. Корона 8во. 6с.

"Наука сельского хозяйства" Ллойда. 8в. 12с.

Сельскохозяйственная энциклопедия Лаудона. 21с.

Майлз

Лошадиная нога и как сохранить ее в целости. Империял 8во. 12с. 6д.

Простой трактат о подковывании лошадей. Сообщение 8во. 2с. 6д.

Замечания по поводу лошадиных зубов. Сообщение 8во. 1с. 6г.

Конюшни и приспособления для них. Империял 8во. 15с.

У Невила

Фермы и фермерство. Crown 8во. 6с.

Лошади и верховая езда. Корона 8во. 6с.

"Болезни быка" Стила, Руководство по патологии крупного рогатого скота. 8т. 15с.

Стоунхендж

Собака в здравии и болезни. Квадратная коронка 8в. 7с. 6д.

Борзая. Квадратная корона 8в. 15с.

Записная книжка Тейлора по сельскому хозяйству. Fcp. 8во. 2с. 6г.

Вилль об искусственных удобрениях, автор Крукс. 8в. 21с.

Тебя

Работа с собакой. 8во. 6с.

Работа над лошадью. 8в. 7с. 6д.

СПОРТ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Библиотека спорта и развлечений по бадминтону. Под редакцией герцога Бофорта и А. Э. Т. Уотсона. С многочисленными иллюстрациями. Заводная головка 8в. 10с. 6д. каждая.

Охота, написанная герцогом Бофортом и проч.

Рыбалка, Х. Чолмонделей-Пеннелл и др. 2 тома.

Скачки, написанные графом Саффолком и проч.

"Стрельба", лорд Уолсингем и др., 2 тома.

Правильная карта Кэмпбелла-Уокера, или Как играть в вист. Fcp. 8vo. 2с. 6г.

Смертельный выстрел, сделанный Метким стрелком. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Трактат Франциска о рыбной ловле во всех ее проявлениях. Сообщение 8во. 15с.

Благородный олень Джеффриса. Корона 8в. 4с. 6д.

Шахматные дебюты Лонгмана. Fcp. 8vo. 2с. 6г.

Пил - собрание горцев. Иллюстрированный. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Теория Поула о современной научной игре в вист. Fcp. 8vo. 2с. 6г.

"Как играть в вист" Проктора. Коронный 8во. 5с.

Энтомология мухолова Рональдса. 8 т. 14с.

Шахматные эксцентричности Вемея. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

"Морской рыбак" Уилкокса. Сообщение 8в. 6с.

Спортивный год (The) за 1885 год. 8во. 21с.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ, СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.

Современная кухня Эктона для частных семей. Fcp. 8vo. 4с. 6г.

Сокровищница библейских знаний Эйра. Fcp. 8vo. 6с.

Научный, литературный и художественный словарь Бранде, 3 тома. средний 8-й том. 63с.

Cabinet lawyer (The) - Популярный сборник законов Англии. Fcp. 8vo. 9с.

Общий биографический словарь Кейтса. Средний 8в. 28с.

Доил - официальный баронский титул Англии. Тома. I.-III. 3 тома. от 4 до 5,5 фунтов стерлингов.;
Большое бумажное издание, 15,15 фунтов стерлингов.

Архитектурная Энциклопедия Гвилта. 8в. 52с. 6д.

Географический словарь Кита Джонстона, или Общий справочник. 8в. 42с.

Словарь коммерции и торгового мореплавания Мак-Каллоха. 8во. 63с.

Маундеровский

Биографическая сокровищница. Фср. 8vo. 6с.

Историческая сокровищница. Фср. 8vo. 6с.

Научная и литературная сокровищница. Фср. 8vo. 6с.

Сокровищница библейских знаний, под редакцией Эйра. Фср. 8vo. 6с.

Сокровищница ботаники, под редакцией Линдли и Мура. Две части, 12с.

Сокровищница географии. Фср. 8vo. 6с.

Сокровищница знаний и справочная библиотека. Фср. 8vo. 6с.

Сокровищница естественной истории. Фср. 8vo. 6с.

Медицинский словарь Куэйна. Среда 8в. 31с. 6д., или в 2 об. 34с.

Кулинария и домашнее хозяйство Рива. Корона 8в. 7с. 6д.

Словарь римских и греческих древностей Рича. Корона 8в. 7с. 6д.

Словарь английских слов и фраз Роже. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Словарь искусств, мануфактур и рудников Юре. 4 тома. средний 8vo. £7,7*за штуку*.

Популярные столики Виллиха от Marriott. Crown 8vo. 10с.

ПОДБОРКА OF УЧЕБНЫХ РАБОТ.

НАУЧНЫЕ УЧЕБНИКИ

Трактат Эбни о фотографии. Фср. 8vo. 3с. 6л.

Прочность материалов Андерсона. 3с. 6л.

Органическая химия Армстронга. 3с. 6л.

Элементы астрономии шара. 6с.

Железнодорожная техника Барри. 3с. 6г.

Бауэрманс

Систематическая минералогия. 6с.

Описательная минералогия. 6с.

Блоксам и металлы Хантингтона. 5с.

Физическая оптика Глейзбрука. 6с.

Практическая физика Глейзбрука и Шоу. 6с.

"Искусство электрометаллургии" Гора. 6с.

Алгебра и тригонометрия Гриффина. 3с. 6г. Примечания и решения, 3с. 6г.

"Электричество и магнетизм" Дженкина. 3с. 6г.

Теория теплоты Максвелла. 3с. 6г.

Техническая арифметика и измерение Меррифилда. 3с. 6г. Клавиша, 3с. 6г.

Неорганическая химия Миллера. 3с. 6г.

Телеграфия Приса и Сайврайта. 5с.

"Изучение горных пород" Ратли, Учебник петрологии. 4с. 6г.

Принадлежности для мастерской Шелли. 4с. 6г.

Структурная и физиологическая ботаника Томе. 6с.

Количественный химический анализ Торпа. 4с. 6г.

Качественный анализ Торпа и Мьюира. 3с. 6г.

Химическая философия Тилдена. 3с. 6г. С ответами на задачи. 4с. 6д.

Элементы конструкции машины Анвина. 6с.

Плоская и твердотельная геометрия Уотсона. 3с. 6г.

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК.

Греческий завет колледжа и школы Блумфилда. Fcp. 8vo. 5с.

"Политика Аристотеля" Болланда и Ланга. Сообщение 8во. 7с. 6г.

Коллис

Главные времена греческих неправильных глаголов. 8во. 1с.

Понт Греческий, Ступенька к греческой грамматике. 12 м. 3с. 6л.

Греческая практика, Этимология. 12мо. 2с. 6л.

Сборник греческих стихов, Практический ямб. 12мо. 4с. 6л.

Фаррар

Краткий греческий синтаксис и случайность. 12мо. 4с. 6л.

Правила греческой грамматики для школы Харроу. 12мо. 1с. 6л.

Экзаменационные работы Хьюитта по греческому языку. 12мо. 1с. 6л.

"Анабасис Ксенофонта" Исбистера, книги с Первой по ТРЕТЬЮ. с примечаниями. 12 м. 3с. 6л.

Jerram's Graecè Reddenda. Заводная головка 8в. 1с. 6д.

Греческая грамматика Кеннеди. 12мо. 4с. 6л.

Англо-греческий словарь Лидделла и Скотта. 4 т. 36с.; Квадрат 12 м. 7с. 6д.

Софокл Линвуда, греческий текст, латинские примечания. 4-е издание. 8в. 16с.

Классическая греческая литература Махаффи. Корона 8во.

Поэты, 7с. 6д.

Прозаики, 7с. 6д.

Уроки греческого у Морриса. Квадрат 18мо.

Часть I. 2с. 6д.;

Часть II. 1с.

Элементарная греческая грамматика Пэрри. 12 м. 3с. 6л.

"Республика" Платона, книга I. Греческий текст, английские заметки Харди. Заводная головка 8в. 3с.

Заметки Шеппарда и Эванса о Фукидиде. Корона 8в. 7с. 6д.

Фукидид, книга IV. с примечаниями Бартон и Шавасса. Заводная головка 8в. 5с.

Греческий Делектус Вальпи, улучшен белым цветом. 12мо. 2с. 6д. Ключ, 2с. 6д.

"Экспедиция Кира" Ксенофонта Уайта с английскими примечаниями. 12мо. 7с. 6л.

Уилкинс

Руководство по сочинению греческой прозы. Заводная головка 8в. 5с. Ключ, 5с.

Упражнения по сочинению греческой прозы. Заводная головка 8в. 4с. 6л. Ключ, 2с. 6л.

Новогреческий Делектус. Заводная головка 8в. 3с. 6л. Ключ, 2с. 6л.

Прогрессивный греческий Делектус. 12мо. 4с. Тональность, 2с. 6д.

Прогрессивная греческая антология. 12 ч. 5с.

Scriptores Attici, Отрывки с английскими примечаниями. Корона 8в. 7с. 6д.

Переведенные речи Фукидида. Сообщение 8во. 6с.

Англо-греческий словарь Йонга. 4 т. 21с.; Квадрат 12 м. 8с. 6д.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК.

У Брэдли

Упражнения по латинской прозе. 12мо. 3с. 6д, 5с.

Непрерывные уроки латинской прозы. 12мо. 5с. Клавиша, 5с. 6д.

Корнелиус Непот, улучшен Уайтом. 12 м. 3с. 6г.

Евтропий, улучшенный Уайтом. 12мо. 2с. 6г.

"Метаморфозы" Овидия, улучшенные Уайтом. 12мо. 4с. 6г.

Избранные басни Федра, улучшенные Уайтом. 12мо. 2с. 6г.

Коллис

Основные времена латинских неправильных глаголов. 8во. 1с.

Латинский понт, Ступенька к латинской грамматике. 12 м. 3с. 6г.

Экзаменационные работы Хьюитта по латыни. 12мо. 1с. 6г.

Isbister's

Цезарь, Книги I.–VII. 12мо. 4с.; или с уроками чтения, 4с. 6д.

Комментарии Цезаря, Книги I.–V. 12 месяц. 3с. 6г.

Первая книга Галльской войны Цезаря. 12мо. 1с. 6г.

Jeffcott & Tossell's помогает студентам, изучающим латынь. Fcp. 8vo. 2с.

Латиноамериканская реденда Джеррама. Заводная головка 8в. 1с. 6д.

Кеннеди

Детский букварь латыни, или первые уроки латыни. 12 ч. 2с.

Детская латинская случайность. 12мо. 1с.

Элементарная латинская грамматика. 12 м. 3с. 6г.

Учебник для чтения на элементарной латыни, или *Tirocinium Latinum*. 12 м. 2с.

Латинская проза, Палестра стиля Латини. 12 ч. 6с.

Subsidia Primaria, Тетради для упражнений к учебнику латыни для государственных школ.

I. Случайность и простота конструкции, 2с. 6л.

II. Синтаксис, 3с. 6д.

Ключ к упражнениям в Начальной школе, части I. и II. цена 5с.

Subsidia Primaria, III. латинское сложносочиненное предложение. 12мо. 1с.

Curriculum Stili Latini. 12мо. 4с. 6д. Ключ, 7с. 6д.

Латинская палестра, или Вторая книга для чтения на латыни. 12 ч. 5с.

Миллингтонс

Сочинение латинской прозы. Заводная головка 8в. 3с. 6д.

Отрывки из латинской прозы. Корона 8в. 2с. 6д.

Итонская латинская грамматика Муди. 12мо. 2с. 6л. Случайность отдельно, 1с.

Латиноамериканский элемент Морриса. Fcp. 8vo. 1с. 6л. Ключ, 2с. 6л.

Роман Парри происходит от Ливия с английскими примечаниями. Корона 8во. 4с.

Государственная школа

Букварь по латыни. 12мо. 2с. 6л.

Латинская грамматика, автор преподобный доктор Кеннеди. Сообщение 8во. 7с. 6л.

Серия "Мастерство Прендергаста", Руководство по латыни. 12мо. 2с. 6л.

Введение Рапиры в сочинение латинского стиха. 12мо. 3с. 6л. Клавиша, 2с. 6л.

Пособия Шеппарда и Тернера по изучению классики. 12мо. 5секундная клавиша, 6секунд.

Латинский *Delectus* от Valpy, улучшенный белым. 12мо. 2с. 6д. Тональность, 3с. 6д.

Вергилий

"Энеида", переведенная на английский стихи Конингтона. Корона 8во. 9с.

Сочинения под редакцией Кеннеди. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Произведения, переведенные Конингтоном на английскую прозу. Crown 8vo. 9с.

Прогрессивные упражнения Уолфорда в латинских элегических стихах. 12мо. 2с. 6д.
Тональность, 5с.

Большой латино-английский словарь Уайта и Риддла. 1 т. 4. 21с.

Уайтс

Краткий латино-английский словарь. Словарь для студентов университетов. Royal 8vo. 12с.

Англо-лат. для студентов младших курсов и лат.-англ. Словарь. Площадь 12 м. кв., 5с.

Отдельно:

Латино-английский словарь, цена 3с.

Англо-латинский словарь, цена 3с.

Латинский Градус Йонга. Сообщение 8-ое. 9с.; или с Приложением, 12с.

ГРЕЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ УАЙТА.

Эзоп (басни) и Палефат (мифы). 32мо. 1с.

Гомер,

Илиада, книга I. 1с.

Одиссея, Книга I. 1с.

Люциан, Выберите диалоги. 1с.

Ксенофонт, Анабасис, Книги I. III. IV. V. & VI. 1с. 6д. каждая; Книга II. 1с.; Книга VII. 2с.

Ксенофонт, Книга I. без словаря. 3д.

Евангелия от святого Матфея и Святого Луки. По 2с. 6д. каждый.

Евангелия от Марка и Иоанна. 1с. 6д. каждое.

Деяния апостолов. 2с. 6г.

Послание святого Павла к Римлянам. 1с. 6г.

Четыре Евангелия на греческом языке с греко-английской лексикой. Под редакцией Джона Т. Уайта, Д.Д. Оксона. Площадь 32 м.кв. цена 5у.е.

ЛАТИНСКИЕ ТЕКСТЫ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ УАЙТА.

Цезарь. Галльская война, Книги I. и II. V. и VI. по 1с. каждая. Книга I. без словаря, 3д.

Цезарь, Галльская война, Книги III и IV. По 9д. каждая.

Цезарь, Галльская война, Книга VII. 1с. 6г.

Цицерон, Катон Майор (старость). 1с. 6г.

Цицерон, Лелий (Дружба). 1с. 6г.

Евтропий, Римская история, Книги I. и II. 1с. Книги III. и IV. 1с.

Гораций, Оды, Книги I. II. и IV. по 1с. каждая.

Гораций, Оды, Книга III. 1с. 6д.

Гораций, Эподы и Светская Кармен. 1с.

Nepos, Miltiades, Simon, Pausanias, Aristides. 9д.

Овидий. Отрывки из Посланий и постов. 1с.

Овидий, Избранные мифы из "Метаморфоз". 9д.

Федр, Выбери простые басни, 9д.

Федр, Басни, Книги I. и II. 1с.

Саллюстий, Беллум Катилинариум. 1с. 6г.

Вергилий, Георгика, книга IV. 1с.

Вергилий, Энеида, Книги с Первой по VI. по 1с. каждая., книга I. без словаря, 3д.

Вергилий, "Энеида", Книги VII. VIII. X. XI. XII. по 1с. 6д. каждый.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК.

Albités's

Как говорить по-французски. Fcp. 8vo. 5с. 6г.

Мгновенные упражнения по французскому языку. Fcp. 2s. Ключ, 2s.

Французские гендеры Кассаля. Корона 8в. 3с. 6д.

Дипломированный французский перевод Кассаля и Карчера.

Часть I. 3с. 6г.

Часть II. 5с.

Ключ к части I. Автор: профессор Кассал, цена 5с.

Конансо

Практический французско-английский словарь. Сообщение 8во. 3с. 6г.

Карманный французско-английский словарь. Квадрат 18мо. 1с. 6д.

Premières Lectures. 12мо. 2с. 6д.

Первый шаг во французском языке. 12мо. 2с. 6д. Тональность, 3с.

Французская случайность. 12мо. 2с. 6д.

Грамматика французского языка. 12мо. 4с. Ключ, 3с.

Курс французского для среднего класса. Fcp. 8vo.:—

Случайность, 8д.

Синтаксис, 8д.

Французский разговорник, 8д.

Первая тетрадь для упражнений по французскому языку, 8д.

Вторая тетрадь для упражнений по французскому языку, 8д.

Книга французского перевода, 8д.

Легкий французский деликатес, 8д.

Первый французский чтец, 8г.

Второй французский чтец, 8д.

Французские и английские диалоги, 8д.

Руководство по французскому переводу. 12мо. 3с. 6д. Ключ, 3с. 6д.

Prosateurs et Poètes Français. 12мо. 5с.

Précis de la Littérature Française. 12 м. 3с. 6г.

Abrégé de l'Histoire de France. 12мо. 2с. 6д.

"Шуаны и блю" Феваля с примечаниями К. Сэнки, магистра права, Fcp. 8. 2с. 6г.

Предложения Джеррама для перевода на французский. Кр. 8в. 1с. Ключ, 2с. 6д.

Серия "Мастерство Прендергаста", французский. 12мо. 2с. 6д.

Souvestre's Philosophe sous les Toits, by Stièvenard. Квадрат 18мо. 1с. 6д.

Ступенька к французскому произношению. 18 ч. 1с.

Stièvenard's

Французские лекции современных авторов. 12мо. 4с. 6г.

Правила и упражнения по французскому языку. 12 м. 3с. 6г.

Итонская грамматика французского языка Тарвера. 12мо. 6с. 6д.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК.

Практический немецко-английский словарь Блэкли. Сообщение 8во. 3с. 6г.

Немецкая поэзия Бухгейма, для повторения. 18мо. 1с. 6г.

Карточка Коллиса с немецкими неправильными глаголами. 8во. 2с.

Элементарная немецкая грамматика Фишера-Фишарта. Fсп. 8vo. 2с. 6г.

Просто

Немецкая грамматика. 12мо. 1с. 6г.

Немецкая книга для чтения. 12 м. 3с. 6г.

Карманный немецко-английский словарь Лонгмана. Квадрат 18 м. 2с. 6д.

Начальный курс немецкого языка от Naftel для государственных школ. Fсп. 8vo.

Немецкая авария. 9г.

Немецкий синтаксис. 9д.

Первая тетрадь для упражнений на немецком языке. 9д.

Вторая тетрадь для упражнений по немецкому языку. 9д.

Сборник сочинений по немецкой прозе. 9д.

Первый немецкий читатель. 9г.

Второй немецкий чтец. 9г.

Серия "Мастерство Прендергаста", нем. 12мо. 2с. 6г.

Основы немецкого языка Квика. Корона 8в. 3с. 6д.

Селсс

Школьное издание "Фауста" Гете. Корона 8во. 5с.

Очерк немецкой литературы. Корона 8в. 4с. 6д.

Немецкая болтовня Вирта. Корона 8в. 2с. 6д.

Лондон: LONGMANS, GREEN, & CO.

Типография Spottiswoode & Co., Нью-стрит-Сквер, Лондон.

Сноски.

1— Дин Стэнли фразы.

2— ת"ך"נ сокращенное וְהַיְימִים וְהַיְימִים, תוֹרָה

- 3– Наסי, נָשִׂיא, принц.' Позже в обиход вошли титулы רַבֵּן, наш учитель, , мой господин, и רַבֵּי мастер, бывших в употреблении.
- 4– „Б. Домашние письма Дизраэли, стр. 119.
- 5– Ренан.
- 6– *Танаим* может быть переведен как "учителя", но применяется только к учителям периода мишны.
- 7– См. *ante*, [стр. 31](#).
- 8– Магометане - это общее название, данное последователям Магомета и исповедующим ислам; но магометан также называют маврами и сарацинами примерно в том же географическом смысле, в каком современные евреи делятся на сефардов и ашкеназов (*т.е.* испанцев и немцев). Сарацины - это те мусульмане, которые жили на Востоке и перешли границу с Турцией. Это слово имеет арабское происхождение (*сарог*, восток; и *сирокко*, ветер). Мавры были теми магометанами, которые жили в Марокко и перешли границу с Испанией. Смотрите карту.
- 9– Это слово означает совершенство.
- 10– Коран имеет такое же происхождение.
- 11– Миссис Браунинг.
- 12– Массора означает традиция.
- 13– Францос.
- 14– Литературная часть истории этого периода будет найдена в книге III "Звездный свет".
- 15– Alcharisi.
- 16– טוֹלֵיטוֹלֶה, Иврит для Толедо.
- 17– один из этих раввинов впоследствии основал колледж в Каире, еще в Кайруан, а в-третьих, говорят, в Нарбоне.
- 18– *ч е л*, предполагает некоторые начальные буквы трех слов *Hierosolyma* есть *Пердита*, смысл Иерусалим потерян, стало боевым кличем крестоносцев. Целью крестоносцев было вернуть себе Иерусалим. "Хеп, Хеп" было их сигналом к убийству и грабежу евреев *по пути*. Этот звук стал самым привычным в Средние века.
- 19– См. Маймонид, книга III., [глава II. xxviii](#).
- 20– Столица Арагона. См. [карту](#).
- 21– С иврита אֶתָּה מְהָרָם.
- 22– См. [стр. 103](#).
- 23– Оставшаяся часть этого абзаца почти дословно процитирована из работы автора "О евреях с библейских времен".
- 24– Притч. xi. 1; xx. 10.
- 25– Рассказ настоятельницы.

- 26– См. [стр. 72](#).
- 27 – Значок назывался *таблицей*, вероятно, был сделан в подражание двум таблицам Закона, которые Моисей изобразительно изображен несущим. Сначала этот значок изготавливался из белого льна или пергамента; впоследствии его заменили на желтый войлок.
- 28– Маркой называлась монета достоинством 13с. 4д.
- 29– См. *ante*, [глава xiv](#).
- 30– Греческое слово - *poëtes*. Постепенно оно получило еврейскую форму *пайят* и халдейскую форму *пайтан*. Затем к корню стали относиться как к древнееврейскому корню, был образован *пиют* — буквально "поэма", но, как правило, ограничивался литургическими стихотворениями.
- 31– Авраам Ибн Эзра.
- 32– Аноним.
- 33– См. [стр. 125](#).
- 34– Он упоминается среди гаонимов на [стр. 126](#).
- 35– См. [стр. 120-124](#).
- 36 – Было две звезды с таким именем; другой был Моисей Ибн Эзра из Гранады, довольно известный поэт.
- 37– См. [стр. 138](#).
- 38 – Доступна английская версия "Маршрута Бенджамина из Туделы"; и, хотя она несколько менее удобна для чтения, чем некоторые современные книги о путешествиях, она должна представлять достаточный интерес для евреев, чтобы быть им знакомой.
- 39– Грец.
- 40– Существование Булана и еврейской династии Хозаров является историческим, остальное можно рассматривать как "идиллии короля".
- 41– Этот отрывок взят из письма раввина Самуэля Ибн Тиббона, датированного 1199 годом. Друг, который позже перевел под руководством Маймонида его знаменитый труд "Путеводитель для сбившихся с толку" с арабского на иврит. Английский перевод этого письма Ибн Тиббону, которое первоначально было написано на арабском, а затем переведено на иврит, выполнен доктором Х. Адлером — Сборник еврейской литературы, 1-я серия.
- 42 – Это означает, что от Моисея, нашего Законодателя, до Моисея Маймонида никто не восставал, как Моисей.
- 43– См. [с. 267](#).
- 44 – Имеется в виду осада Лейдена в 1573 году, когда в качестве последнего шанса освободить город Вильгельм Молчаливый приказал пробить огромные дамбы, чтобы впустить море, и таким образом затопить страну, удалось утопить осаждающих и отправить баржи с

продовольствием осажденным. История великолепно рассказана в книге Мотли "Расцвет Голландской республики".

45– Традиционная интерпретация отождествляет библейского *ашкеназа* (Быт. х. 3), *Зарефата* и *сефареда* (авд. 20) с Германией, Францией и Испанией. Поэтому евреев Испании называли *сефардами*, а евреев Германии *ашкеназами*. Эти имена применяются к евреям других стран в той степени, в какой они приближаются к первым или ко вторым по произношению иврита и по своему ритуалу.

46– Абарбанель, который умолял Фердинанда и Изабеллу. См. главу [xxi](#).

47– Гроций также в течение нескольких лет был послом Швеции в Париже. Мильтон был принят им там в 1638 году.

48 Части этой главы взяты почти *дословно* из статьи автора, опубликованной в "Хороших словах" в октябре 1884 г.

49– Из "Декларации к Содружеству".

50– Кромвель, том ii. стр. 359.

51– Герой как король—Герои, стр. 342.

52– Новалис.

53– См. [стр. 87](#).

54– Thomson.

55– См. [стр. 220](#).

56– См. [с. 193](#).

57– Талер в три раза ценнее марки.

58– См. [стр. 113](#).

59– См. [стр. 216](#).

60– См. [стр. 210](#).

61– Фраза Гете.

62– Дан. iii.

63– Лоуэлл.

64– Гете.

65– См. [с. 193](#).

66– Gottesdienstliche Vorträge der Juden historisch entwickelt.

67– Zur Geschichte und Literatur.

68– Samuel of Babylon, who died 253.

69– 'A partir de 1791, il n'y a plus à proprement parler de Juifs de France, mais des citoyens français professant la religion israélite.'—Histoire des Israélites, Reinach, p. 340. Перед этой работой, в последующих главах, я в некоторой степени обязан фактами.—К. М.

70– תַּקְוָה еврейское слово, означающее представительное собрание.

71– תְּקִיפָה - еврейский термин, обозначающий соглашения.

-это еврейский термин, обозначающий соглашения.

72-Некоему Мозесу Нетто было отказано в разрешении опубликовать английский перевод Молитвенника и наложен штраф в размере 5-ти, и он был оштрафован на 5, и он был оштрафован на был наложен на любого члена церкви, который должен купить, продать или прочитать такую книгу.

73-

Когда в 1744 году Якоб Израэль Берналь, член португальской конгрегации, обратился в Махамад за разрешением жениться на немецкой еврейке, к неохотному разрешению были приложены очень унижительные условия. Жених не был 'призван к закону', членам Общины не разрешалось присутствовать на церемонии, и никакие "подношения" не принимались. Потомок этого мистера Берналя женился на герцогине Сент-Олбанс.

74-

Эта синагога очень сильно пострадала от пожара в 1738 году, но ее восстановили на том же месте, а старую балку, подаренную королевой Анной, сохранили и заменили. Здание было закончено в 1749 году и с тех пор стоит практически без изменений.

75-

Письмо профессора Теодорес в форме брошюры можно найти в Британском музее.

76-

Смотрите биографический очерк, перепечатанный с разрешения "Таймс" мистером Израэлем Дэвисом. Офис еврейской хроники, Финсбери-сквер, 2, 1885 год.

Примечание переписчика.

Пунктуация стандартизирована.

Эта книга была написана в период, когда написание многих слов не было стандартизировано. Слова могут иметь множество вариантов написания или непоследовательную расстановку переносов в тексте. Они были оставлены без изменений, если не указано в Примечании переписчика.

Исправление ошибок включено в текст.

Ссылки в указателях не были проверены на точность.

В текст внесены следующие исправления:

❓-

"Помбадита" заменено на "Пумбадита"
(Сора и Пумбадита выросли)

❓-

"Агобарт" заменено на "Агобард"
(Agobard, [129](#))

?	–	"Алчаризи" заменено на "Алчаризи" (Алчаризи, Иуда, 132)
?	–	"Азария" заменено на "Азария" (Азария де Росси, 273)
?	–	"Барлеус" заменено на "Барлейус" (Барлейус, Каспар, 243)
?	–	"Бернхард" заменено на "Бернхардт" (Бернхардт, Исаак, 290)
?	–	"Кристина" заменено на "Кристина" (Кристина из Швеции, 243)
?	–	"Кзаки" заменено на "казаки" (казаки, массовое убийство евреев, 278)
?	–	'399' заменено на '329' (Англия, 323 , 329)
?	–	"Френкель" заменено на "Френкель" (Френкель, раввин Давид, 285)
?	–	"Галаха" заменена на "Галаха" (Галаха, 92)
?	–	"Генриетта" заменена на "Генриетта" (Герц, Генриетта, 298 , 305)
?	–	"Иоахим" заменено на "Иоахин" (раввин, 170)
?	–	"Каббала" заменено на "Каббала" (Каббала, 256)
?	–	"Массада" заменено на "Масада" (Масада, 71)
?	–	"Монпелье" заменено на "Montpelier" (Монпелье, 130)
?	–	"Румыния" заменено на "Румыния" (Румыния, 312)
?	–	"Саадия" заменено на "Саадия" (Саадия, 126 , 188 , 189)
?	–	'Salamons' заменено на 'Salomons' (Salomons, Sir D., 329)
?	–	'Strassburg' заменено на 'Strasburg' (Страсбург, 158)
?	–	'Sunna' заменено на 'Sunnah' (Сунна, 121)
?	–	"Таннаим" заменено на "Танаим" (Танаим, 8 , 89)
?	–	"Хаттон" заменено на "Хаттон"

(отредактировано Хаттоном)

"xxix" заменено на "xxviii"

глава. xxviii.
